

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Перспективы

Электронный журнал

№4

(октябрь – декабрь)

2018

CENTER FOR RESEARCH AND ANALYTICS
OF FOUNDATION FOR HISTORICAL OUTLOOK

PERSPECTIVES AND PROSPECTS

E-JOURNAL

Nº4

(OCTOBER – DECEMBER)

2018

ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52
П27

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Рецензируемый научный сетевой журнал
«Перспективы. Электронный журнал»
№4 (16) (октябрь – декабрь)

E-journal «Perspectives and prospects»
№4 (16) (October – December)

journal.perspektivy.info

Издается с 2015 г.
ISSN 2411–3417 = Perspektivy (Moskva. 2015)
Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия:

Редакционная коллегия:

Е.А. Нарочницкая – кандидат исторических наук, главный редактор;

Н.А. Нарочницкая – доктор исторических наук;

Е.Н. Рудая – кандидат исторических наук;

В.Г. Федотова – доктор философских наук;

Л.Н. Шишелина – доктор исторических наук;

П.П. Яковлев – доктор экономических наук;

А.В. Щербина – кандидат филологических наук, ответственный секретарь.

ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52

Москва
2018

Содержание:

Наталья НАРОЧНИЦКАЯ. Курильский вопрос: политические, исторические, юридические параметры	6
Эмил ВОРАЧЕК. Чехословакия и сентябрьский кризис 1938 г. «Только СССР имеет... чистые руки»	32
Приложение:	
• Письмо заместителя наркома иностранных дел В.П. Потемкина И.В. Сталину. 20 сентября 1938 г.	64
• Постановление Политбюро ЦК ВКП(б): Ответ Э. Бенешу. 20 сентября 1938 г.	65
Игорь МАКСИМЫЧЕВ. Конец меркелевской Европы? О предстоящем завершении одной политической карьеры	66
Антон КРУТИКОВ. Феномен Юзефа Пилсудского и столетие польской независимости	84
Елена ЛОПАТИНА. Русификация как инструмент интеграционной политики Российской империи (На примере Привислинского края)	104
Петр ИСКЕНДЕРОВ. Балканские союзники России (конец XIX — начало XX вв.)	111
Петр ЯКОВЛЕВ. Мировое развитие: Apocalypse Now или Глобализация 4.0?	123
Владимир КОНДРАТЬЕВ. Перспективы роста мировой экономики	137
Authors	154
Abstracts and Keywords	155

Contents:

Natalia NAROCHNITSKAYA. Kuril Islands Dispute: Political, Historical and Law Parameters	6
Emil VORACHEK. The Czech Crisis of 1938. «Only the USSR has ... clean hands»	32
Appendix:	
• Letter from Deputy People’s Commissar for Foreign Affairs V. Potemkin to I. Stalin. September 20, 1938	64
• Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party (b): Response to president E. Benesh. September 20, 1938	65
Igor MAKSIMYCHEV. The End of Merkel’s Europe? On the Upcoming End of a Political Career	66
Anton KRUTIKOV. The Phenomenon of Jozef Pilsudski and the Polish Independence Centenary	84
Elena LOPATINA. Russification as an Instrument of Integration Policy of the Russian Empire (On the Example of PrivislinskyKrai)	104
Petr ISKENDEROV. Balkan Allies of Russia (Late 19 — Early 20 Century)	111
Petr YAKOVLEV. World Development: Apocalypse Now or Globalization 4.0?	123
Vladimir KONDRATEV. Prospects for global growth	137
Authors	154
Abstracts and Keywords	155

DOI 10.32726/2411-3417-2018-4-6-31

УДК 327; 94; 341

Наталия Нарочницкая

Курильский вопрос: политические, исторические, юридические параметры

Аннотация. В статье представлены анализ проблемы Курильских островов в отношениях России и Японии в историческом, правовом и геополитическом контекстах, а также дискуссии по этой теме. Автор подчеркивает юридические следствия полной и безоговорочной капитуляции, упразднившей довоенное японское государство, что делает неправомерными ссылки на прошлый статус островов. Освещена роль США при заключении Портсмутского мира, Сан-Францисского договора и подписании Советско-японской декларации 1956 г. Сравнение международных условий 1956 г. с реалиями XXI в. показывает изменившиеся обстоятельства и неприменимость принципа *rebus sic stantibus*. Автор высказывает сомнения в необходимости мирного договора между Россией и Японией, напоминая, что такового договора с Германией заключено не было.

Ключевые слова: полная и безоговорочная капитуляция Японии, утрата суверенитета, Советско-японская декларация 1956 г., статья 2 Сан-Францисского договора.

История последних 20 лет и официальные шаги российской власти в 90-е годы создали такой двусмысленный контекст, что любое сообщение о дипломатических контактах с Японией на уровне лидеров стран по поводу «мирного договора» вызывает особое отношение.

В течение советских десятилетий упорство Токио, расширившего свои претензии по сравнению с Декларацией 1956 г.¹, и быстрое изменение ситуации в связи с оформлением военно-стратегического давления США на СССР в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), делали бесперспективными какие бы то ни было переговоры. При этом существовало табу на откровенное изложение новой конфигурации, сложившейся почти сразу после подписания Декларации.

Когда М. Горбачев неожиданно заявил о признании «территориальной проблемы», у Токио появились обоснованные надежды и резко возросли политические амбиции. Огромным стимулом для Японии стала Токийская декларация 1993 г., подписанная

1 Совместная декларация Союза Советских Социалистических Республик и Японии от 19 октября 1956 года.

Сведения об авторе: Нарочницкая Наталия Алексеевна – президент Фонда исторической перспективы, доктор исторических наук; nn@stoletie.ru.

Б. Ельциным в разгар политического кризиса в России вскоре после расстрела законного парламента. Она фиксировала шокирующий факт, что стороны «провели серьезные переговоры по вопросу о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи» и что «стороны соглашаются в том, что следует продолжать переговоры с целью скорейшего заключения мирного договора путем решения указанного вопроса» [Токийская декларация... с. 67]. Никогда ранее в официальном тексте не появлялось упоминание об островах Итуруп и Кунашир как о проблеме, которую следует обсуждать.

В Токийскую декларацию также проник тезис о необходимости «преодоления наследия тоталитаризма», который был в центре идеологического пересмотра всей советской истории и выглядел как концептуальная рама для переоценки советской внешней политики. Именно на фоне такой радикальной смены официального курса было снято табу на обсуждение курильской темы.

В идейной обстановке 1990-х годов быстро появились неоднозначные исследования, многие из которых спонсировались японскими фондами и, соответственно, пропагандировали прояпонскую точку зрения на курильскую проблему. Общественное мнение было весьма уязвимо, ибо общество не было осведомлено об истинном положении дел на Дальнем Востоке и в АТР, сложившемся вскоре после создания, казалось бы, всеми признаваемой Ялтинско-Потсдамской системы. Табу на обстоятельное освещение в советской учебной и научной литературе закономерно способствовало незнанию как реального геополитического положения в АТР после резкого поворота США к конфронтации, так и перипетий советско-японских переговоров 1956 г. Эйфория огульного ниспровержения всех позиций советской дипломатии охватила и часть профессиональной элиты и даже затронула российский дипломатический корпус «козыревского призыва».

Это вдохновило целую группу исследователей, с точки зрения которых территориальная проблема в отношениях с Японией порождена великодержавной политикой сталинизма на международной арене, а также «предательскими» действиями СССР в отношении Японии в годы Второй мировой войны и первые послевоенные годы. Задачей же «новой России» предлагалось сделать, прежде всего, восстановление погрязших в сталинское время демократических основ международных отношений, что и явилось бы правильно понимаемыми высшими государственными интересами России. Такая идеология предопределяла принципиальное согласие с требованиями Японии и стремление доказать правомерность самых широких притязаний Токио. Период «ревизии сталинской внешней политики» отмечен активным участием иностранных, прежде всего, японских и американских авторов в издаваемых в России трудах, обосновывавших японские претензии [См., напр.: Аллисон¹].

Так, к визиту Б. Ельцина в Японию в 1992 г. на средства японского фонда был издан сборник статей Б.Н. Славинского, Г.Ф. Кунадзе, А.В. Загорского, К.О. Саркисова и др. В нем

1 В редакционной подготовке принял участие высокопоставленный сотрудник МИД А.Н. Панов — тогда директор Департамента Тихоокеанского региона и Юго-Восточной Азии МИД России, назначенный вскоре послом России в Японии

А.В. Загорский ставил под сомнение правомерность включения в состав России не только южной части, но и всех Курильских островов и даже южного Сахалина [См.: Загорский]. Один за другим выходили труды с таким изложением истории открытия и освоения Курил, которое вело к выводу, что южные Курилы необходимо передать Японии [Бондаренко]. В некоторых СССР именовался агрессором, а его действия на последнем этапе Второй мировой войны в Азии и на Дальнем Востоке — «оккупацией» [Славинский]¹.

Массированная академическая атака на позиции России, наряду с активной прояпонской кампанией в СМИ, породила острую дискуссию в академических кругах [См. Открытое письмо...], митинги и общественные инициативы («Комитет защиты Курил»), сыгравшие немалую роль в предотвращении необратимых юридических актов в отношениях с Японией. Были проведены парламентские слушания (в Сахалинской областной думе в 2001 г. и в ГД РФ в 2002 г.), итоговые документы которых категорически призывали руководство страны не делать никаких уступок Японии.

Все это стимулировало исследования совершенно иной группы ученых — историков, экономистов, экспертов в военно-стратегических вопросах, которые на основе неоспоримых фактов и новых документов представили широкую картину истории курильской проблемы и ее современных интерпретаций, обосновав неправомочность японских претензий и обрисовав широкий спектр пагубных последствий неоправданных уступок в этом вопросе для безопасности, судоходства и экономики России [Кистанов; Кошкин Японский фронт... Кошкин Россия и Япония... Кошкин Партитура... Латышев Путин... Латышев Россия... Латышев Япония... Мякотин Прояпонская... Тихвинский; Румянцев; Заланов; Стрельцов и др.]. Но сегодня необходимы новые обобщающие и документированные труды по данной теме, как справедливо отмечается в историографических публикациях [См. Мякотин Отечественная историография...].

Такая предыстория объясняет эмоции и противоречивые ожидания, порождаемые соответствующими демаршами и российско-японскими контактами, тем более на высшем уровне. Общество, эксперты и ученые, внесшие немалый и небезуспешный вклад в противодействие пораженческой «kozyревской внешней политике» 1990-х годов, а также, что естественно, жители Сахалинской области восприняли информацию об обоюдной готовности желаний России и Японии ускорить движение к мирному договору с немалым беспокойством².

1 Книга вышла одновременно в России, Японии и США (Издательство Гарвардского университета). (Автор, ныне покойный — потомок деятеля украинского национального возрождения эмигранта Максима Славинского (поклонника С. Петлюры) и дядя современной украинской поэтессы Каси Ясной, собрал, упорядочил и финансировал издание книги избранных произведений М. Славинского «Заховаю в серці України»). Киев. 2002

2 Декларация митинга жителей Южно-Сахалинска, принятая на митинге 22 декабря 2018 г., уже потребовала среди прочего «исключения из повестки российско-японских переговоров тематики так называемого «мирного договора» как способа в нарушение Конституции России (статья 4) узаконить территориальные уступки» и «приступить к денонсации статьи 2 Декларации 1956 года» [Сахалинцы и курильчане...].

Тем не менее профессионалы с пониманием принимали официальную линию последних лет. Без резкого опровержения обещаний 1990-х годов, четко указывалось на заключение мирного договора как на предварительное условие решения вопроса о Хабомаи и Шикотане, причем из проблематики переговоров исключались Кунашир и Итуруп. Что касается Декларации 1956 г., то особо подчеркивалась необходимость следовать точным ее положениям. В дипломатическом искусстве всегда действует правило не отвергать наотмашь противоположную позицию партнера, но постепенно добиваться ее поэтапного изменения. С этой точки зрения вполне рациональна именно такая дипломатическая тактика, с целью выстраивания баланса между Россией, Китаем и Японией без перекоса в сторону одной державы на Дальнем Востоке.

Высказывания президента В.В. Путина и министра иностранных дел С.В. Лаврова в 2017–2018 гг., хотя и активизировали тему «мирного договора» и контакты на высшем уровне с Японией, тем не менее не свидетельствуют о возрождении концепций 1990-х годов, тем более о готовности «отдать» Курилы на японских условиях.

Декларация 1956 г. предполагала сначала заключение мирного договора и признание поражения во Второй мировой войне — и только потом «передачу» двух островов малой Курильской гряды. Терминология и строгая последовательность шагов имеют огромное юридическое значение, ибо лишь каждый предшествующий шаг создает юридические и политические условия для следующего шага. Как уточнил С.В. Лавров, «мирный договор должен быть заключен прежде, чем начнется какой-либо разговор о чем бы ты ни было. Заключение мирного договора означает ни много ни мало признание итогов Второй мировой войны» [Выступление и ответы...]. Это нельзя иначе интерпретировать как то, что Япония должна однозначно признать поражение в войне и суверенитет России над всеми Курильскими островами, включая малую Курильскую гряду — южные Курилы — Шикотан и Хабомаи. При всей недалекости Н. Хрущева и иллюзорности его расчетов предотвратить военный союз Японии с США, которые уже тогда фактически оккупировали архипелаг Рюкю и имели все рычаги для управления японской внешней политикой, в Декларации все же использовано понятие «передача», а не «возвращение». Передача — это акт доброй воли, готовность распорядиться собственной территорией, «идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства» [Совместная декларация... с. 315]. Япония же сегодня трактует произвольно саму суть и концепцию Декларации, не только используя термин «возвращение», но и настаивая на том, чтобы «возвращение» предшествовало мирному договору.

Необходимо осознавать, что понятие «возвращение» — это указание на незаконность или неправомерность их принадлежности СССР, что представляет собой ревизию как итогов Второй мировой войны, так и принципа их незыблемости. Термин «возвращение» не случайно используется японской стороной, ибо он также косвенно предполагает континуитет японского государства, хотя акт полной и безоговорочной капитуляции прекращает существование капитулировавшего государства. При такой разнице в интерпретациях, четкие разъяснения российского руководства о том, как

надо понимать точное следование положениям Декларации 1956 г., вряд ли что-то обещают сегодняшней Японии.

Причины, по которым в российском обществе с беспокойством воспринимают активизацию российско-японского диалога, заявления о необходимости вывести их на новый уровень и скорее заключить мирный договор, объясняются не только безосновательным опасением, что речь идет о некоем возврате к концепциям 1990-х годов.

Один из ведущих российских японистов Д.В. Стрельцов обобщил новые факторы в современном международно-политическом контексте, способные побуждать и Россию, и Японию (каждую по своим причинам) к улучшению и расширению взаимоотношений, что, по ощущению общества, и может гипотетически толкать к смягчению российской позиции. Естественная потребность обеих стран в нормальных и стабильных отношениях, по мнению эксперта, обрела новые стимулы в условиях сложной политической конъюнктуры 2015–2018 гг. [Стрельцов].

Повышение роли Китая, получившего в итоге обострения российско-американских отношений и санкций США новые козыри в торгово-экономических и политических связях с Россией, может побуждать Москву к диверсификации своей политики в мире и в АТР. Мощь Китая вызывает беспокойство Японии, опасаящейся превращения Китая в главную военную и экономическую силу в АТР и даже гипотетического силового захвата Китаем островов Сенкаку. Уверенность Токио в том, что Вашингтон ввяжется в войну с Китаем из-за своих обязательств перед Японией, вытекающих из Договора о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности между США и Японией, сильно поколебалась. В этой связи Япония весьма обеспокоена теоретической возможностью образования некоторой оси Москва — Пекин, хотя и понимает, что Россия вряд ли пойдет на прямую поддержку той или иной стороны в случае японо-китайского военного столкновения на почве территориального вопроса.

В японских парламентских и политических кругах, где заметно возросли националистические настроения, особенно с приходом С. Або, нарастает недовольство статусом Японии как сателлита США, зависящего от Вашингтона в самых важных вопросах политики. Д. Стрельцов отмечает, что из-за растущей зависимости от американской поддержки Японии приходилось в течение последних лет не раз принимать решения, противоречащие собственным интересам и приоритетам. Это и голосование за крайне непопулярное законодательство, разрешающее японским Силам самообороны участвовать в военных действиях за пределами Японии в рамках ее союзнических обязательств перед Америкой. Это и навязанное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве, причем Токио пришлось воздержаться от участия в инициированном Пекином Азиатском банке инфраструктурных инвестиций (АБИИ).

Сужение пространства для самостоятельности в международных делах породило стремление к более независимому курсу в области внешней политики и безопасности, «который необязательно должен во всем ориентироваться на диктуемую из Вашингтона политическую линию». «Укрепляя связи с Москвой, Токио тем самым давал сигнал

Америке о своих претензиях на более равноправные отношения...». Одновременно, по мнению Д.В. Стрельцова, «активный российско-японский диалог мог бы в числе прочего стать и своего рода сигналом в адрес Пекина о том, что Москва не кладет все яйца в одну корзину, а это в свою очередь усилило бы переговорные позиции и самой Японии в диалоге с Китаем» [Там же, с. 28]. К тому же в глазах Японии статус и роль России в АТР поднялся в ходе и в итоге эпопеи с корейской ядерной программой.

Для России же отношения с Японией важны по иным причинам, хотя и здесь немалую роль играет китайский фактор — прежде всего риски одностороннего крена в сторону Китая в экономике и политике в условиях санкционной и враждебной политики Запада, — тем более, что Китай не поддерживает безоговорочно Россию во всем, например, в украинском кризисе, и не признал Крым российским. Так Д. Стрельцов, рассматривающий изменения равновесия в треугольнике Китай — Россия — Япония, полагает, что Поднебесная империя фактически «стала единственным крупным выгодоприобретателем от нового витка напряженности в отношениях России с Западом, использовав эту напряженность для усиления своих переговорных позиций в диалоге с Москвой» [Там же]. Япония же могла бы заменить Китай как источник технологий и инвестиций для Сибири и Дальнего Востока, в чем, правда, сомневаются большинство японоведов, отмечая чрезвычайную осторожность и рациональность японских инвесторов.

Не исчерпывающаяся вышесказанным, но все же ограниченная заинтересованность друг в друге выразилась в очевидном потеплении отношений России и Японии и их лидеров, которые обменялись визитами в небывало дружеской обстановке и афишировали выражения симпатии в обоюдно созданной атмосфере взаимного интереса и уважения культур.

Однако именно весь этот внешний антураж, весьма полезный для доверительной атмосферы любых переговоров, питает естественную настороженность части российского экспертного сообщества, наученного горьким опытом 1990-х годов. Тем более что официальные лица России не опровергали подписанную Б. Ельциным Токийскую декларацию о российско-японских отношениях 1993 г., где заявлено о проведении «переговоров о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи» и о стремлении к «скорейшему заключению мирного договора путем решения указанного вопроса» [Токийская декларация...]. Справедливости ради надо отметить, что текст Токийской декларации, хотя и свидетельствует о признании Москвой необходимости *обсуждать* «принадлежность четырех островов», совершенно ни к чему не обязывает, ибо в ходе этого *обсуждения* можно вновь полностью отвергнуть претензии другой стороны. Однако, трактуя этот тезис как обещание, японские эксперты напоминают о Токийской декларации и в нынешнем раунде контактов [См., напр.: Хакамада]. Можно только предполагать, делают ли то же официальные лица на переговорах.

Обратимся теперь к историческим и юридическим параметрам курильской проблемы, которая сначала была в значительной мере создана давлением США, а в конце XX в. отягощена опрометчивыми и губительными подходами первого десятилетия перестройки, последствия которых трудно не ощутить и сегодня.

Международно-правовые и исторические аспекты

Энергичная сбалансированная политика России в Азиатско-Тихоокеанском регионе и ее возвращение к многовекторной стратегии великой евразийской державы в определенной мере ограничены не столько отсутствием мирного договора с Японией (несмотря на отсутствие такого договора, мир прекрасно взаимодействует с Германией), сколько двусмысленностью отношений с Японией, которая к тому же находится под бдительным контролем США.

Распад СССР и Югославии, вступление в НАТО восточноевропейских стран и Прибалтики (части исторического государства российского) были драматическими для позиций России. Эти процессы, разумеется, означали эрозию и разрушение Ялтинско-Потсдамской системы, опрокинули Хельсинский акт 1975 г. Однако произошедшие изменения в послевоенном статус-кво **не были юридическим пересмотром** территориальных результатов Второй мировой войны и, следовательно, не подрывали автоматически легитимность остальных территориальных элементов послевоенного урегулирования. Иные последствия имело бы удовлетворение японских претензий на «возвращение» островов: это открыло бы возможность ставить под сомнение и другие аспекты послевоенного территориального статус-кво в Азии.

Каким бы архаичным ни казался такой подход сторонникам постмодернистских подходов к международным отношениям или замены прав народов и национальных интересов на «права человека» и «интересы вселенской демократии», принцип незыблемости итогов Второй мировой войны сохраняет основополагающее значение. Его же подрывает уже одно лишь использование понятия **«возвращение»** в отношении предмета территориальных претензий послевоенного японского государства. Слово «возвращение» меняет интерпретацию итогов войны в отношении статуса как послевоенной Японии, так и Курильских островов. «Возвращение» означает то, что послевоенная Япония якобы является в юридическом смысле тем же историческим японским государством, которое входило в страны «оси», косвенное признание послевоенной Японии в качестве «продолжателя личности», то есть носителя континуитета, того японского государства, которое развязало и проиграло войну. Понятие «возвращение» предполагает признание незаконности принадлежности Курильских островов Советскому Союзу и его преемнице Российской Федерации вопреки решениям Ялтинской конференции и противоречит Сан-Францисскому договору 1951 г., где Япония в Статье 2 отказалась «от всех прав, оснований и претензий» на все Курильские острова и часть Сахалина [Мирный договор...].

Нелишне повторить анализ статуса послевоенных государств — бывших участников гитлеровской коалиции [См.: Нарочницкая Россия в геополитических...]. Ни ФРГ и ГДР, ни объединенная Германия, ни современная Япония не являлись и не являются в юридическом смысле продолжателями субъектности довоенных государств, не обладают по отношению к ним континуитетом. Они стали новыми субъектами международных отношений и международного права. Их правопреемство по отношению к прежним государствам ограничено решениями держав, обладавших четырехсторонней ответ-

ственностью. **Это вытекает из юридического толкования принципа полной и безоговорочной капитуляции, заложенного в послевоенное устройство.**

Полная и безоговорочная капитуляция принципиально отличается от простой капитуляции по юридическим, политическим и историческим следствиям. Простая капитуляция означает признание поражения в военных действиях и не затрагивает международную правосубъектность побежденной державы. Таковое государство, пусть наголову разбитое, сохраняет свой суверенитет и правосубъектность и само в качестве юридической стороны ведет переговоры об условиях мира.

Полная и безоговорочная капитуляция означает прекращение существования субъекта международных отношений, демонтаж прежнего государства как политического института, потерю им суверенитета и всех властных полномочий, которые переходят к державам-победительницам, которые сами определяют условия мира, послевоенного устройства и урегулирования. На месте прежнего государства возникает новый субъект международного права, который может обладать правопреемством в том или ином объеме (это решают победители в мирном договоре или иных юридических документах) по отношению к прежнему. Но речь идет именно о новых субъектах международного права. Таковыми стали ФРГ, ГДР и Япония. Именно победители-союзники создали новые государства на своих условиях, в новых границах, с новыми конституциями, новыми органами государственной власти.

Особенно наглядно это в случае Германии, которая как государство получила новое официальное название. По настоянию Британии, стремившейся «упразднить государство Пруссия», искоренить исторические названия, напоминавшие не только и даже не столько о Третьем рейхе, но и о не дававшей Лондону покоя целое столетие бисмарковской Германской империи, были изменены названия исторических провинций Германии, ставших «землями» [Протоколы 31–32... Также см. Нарочницкая Россия и русские...]. Ни ФРГ, ни ГДР не обладали полным суверенитетом даже через 40 лет. Их суверенитет с точки зрения международного права имел так называемый «производный характер» — производный от полномочий союзников, сохранявших четырехстороннюю ответственность.

США использовали свои полномочия носителя четырехсторонней ответственности в отношении ФРГ, к примеру, во время арабо-израильской войны 1973 г. Министр иностранных дел Западной Германии В. Шеель, которого считают наряду с В. Брандтом отцом «новой восточной политики», официально высказался против отправки американского оружия в Израиль с территории ФРГ и использования западногерманских портов и аэродромов. Бонн, не желавший создавать риски в отношениях с арабскими странами — поставщиками энергоресурсов, посмел заявить, что выбирает позицию нейтралитета. В ответ государственный департамент США в официальной ноте безапелляционно указал на то, что **ФРГ не имеет полного суверенитета** и что США, исходя из своих особых прав оккупационной державы, вытекающих из принципов послевоенного урегулирования и заключенных в их рамках соглашений, правомочны без уведомления совершать с территории ФРГ любые действия, которые сочтут необходимыми.

На самом деле ФРГ так и не освободилась от признаков оккупированной побежденной страны даже после объединения, хотя само юридическое оформление было призвано продемонстрировать переход от неполного суверенитета до объединения к обретению полного суверенитета — после. В Договоре об окончательном урегулировании в отношении Германии четыре державы должны формально сложить с себя полномочия, после чего объединенное германское государство обрело бы полный суверенитет. Тем не менее, на территории ФРГ до сих пор расквартированы оккупационные войска США (база в Рамштайне), которые в юридическом плане находятся в ФРГ не в рамках НАТО, а именно как оккупационные войска согласно соглашениям послевоенного времени. Военные базы США до сих пор есть в Баварии, Гессене и Рейнланд-Пфальце. Американские владения в Германии насчитывают огромное количество объектов, куда сами немцы не имеют доступа.

Япония всячески камуфлирует утрату ею суверенитета в результате полной и безоговорочной капитуляции, тем более что в ее случае это не столь наглядно. В стране сохранились непрерывная нумерация сессий парламента с довоенного времени и императорская династия. На этом основании утверждается, что правосубъектность Японии не прерывалась, что сохранение императорской династии свидетельствует о континуитете государства. На самом деле источник сохранения императорской власти иной — решение победителей. Именно потому, что Япония понимала, что утратила суверенитет, 10 августа 1945 г. она запросила согласие союзников на этот счет, и ей был дан положительный ответ. Этот вопрос обсуждался между государственным секретарем США Дж. Бирнсом и наркомом иностранных дел СССР В. Молотовым на I сессии Совета министров иностранных дел (СМИД) 22 сентября 1945 г. [АВПР. Фонд 0431 (I). Оп. 1. №18а. П. 4. Л. 64].

Не убедительно и иногда высказываемое мнение, что Япония может считать себя не связанной ялтинскими соглашениями, участницей которых она не являлась, и не признавать применение к себе права войны при выработке послевоенного статуса. ФРГ, по определению, не участвовала в Ялтинской конференции антигитлеровской коалиции, но ни до, ни после объединения она не предпринимала попыток подвергнуть ревизии принципы, примененные победителями к выработке послевоенного порядка и статуса побежденных стран. Однако японская позиция все больше исходит именно из явного (у политологов) и косвенного (у официальных лиц) либо игнорирования, либо отрицания статуса Японии как побежденного государства и государства, виновного в войне. Так, профессор С. Хакамада в полемике с Д. Стрельцовым очевидным образом отрицает применение к Японии норм международного права военного времени, хотя Устав ООН (в Главе XVII) косвенно подтверждает такое правоприменение, на что справедливо указал Д. Стрельцов [Хакамада].

Если признать право послевоенной Японии оспаривать территориальные решения победителей, не будут ли в определенных исторических обстоятельствах оспорены и границы современной Германии, начертанные державами-победительницами без участия подписавшего полную и безоговорочную капитуляцию рейха фельдмаршала В. Кейтеля? Современная Япония — послевоенное государство, и урегулирование

с ней может базироваться исключительно на послевоенном международно-правовом фундаменте, в то время как все довоенные параметры перестали действовать.

Сам по себе факт, что часть территории государства принадлежала когда-то другому государству, не создает правооснования для территориальных претензий. По мере складывания географико-политического облика мира немало территорий переходили от одних государств к другим. Так, Галиция — историческая часть Киевской Руси, в середине XIV в. была захвачена Польшей, в 1772 г. отошла к Австро-Венгрии, Версальским договором была передана вновь Польше, затем вошла в СССР и, наконец, оказалась частью независимой Украины. В 1945 г. Калининградская область и Курилы были определены как территория СССР; Эльзас и Лотарингия были закреплены за Францией, хотя до второй половины соответственно XVII и XVIII столетия относились к землям Священной римской империи, а в 1871–1919 гг. входили в состав Германской империи; основная Силезия по настоянию СССР была передана Польше, несмотря на то, что прежде в течение веков была частью Пруссии. Новая граница по Одере-Нейссе долго, вплоть до «новой восточной политики» В. Брандта, не давала покоя так называемым германским реваншистам (Ф.-Й. Штраус), но никакого юридического пересмотра послевоенных границ Германии никто даже не обсуждал. Додеканезские острова были переданы Греции, хотя по Версальскому договору принадлежали Италии, а до этого — Османской империи; была изменена итало-французская граница в пользу Франции. Все решения Ялты и Потсдама составляют целостный, системно согласованный свод, и ревизия одного элемента подрывает незыблемость остального. Что уже говорить о разрушении СССР, когда историческое государство российское было расчленено по неисторическим границам? Мир вряд ли принял бы претензии России на утраченные территории, а ведь Япония претендует именно на это.

В изложениях японской позиции по Курилам и в публицистике постоянно фигурируют ссылки на договоры XIX в. Речь идет о Симодском трактате 1855 г., согласно которому русско-японская граница пролегла между островами Уруп и Итуруп, а Сахалин остался неразграниченным; и о Санкт-Петербургском договоре 1875 г., по которому Курильские острова были переданы Японии в обмен на признание ею российского суверенитета над всем Сахалином. Однако все договоры прошлого, к которым апеллирует Япония, утратили силу, причем даже не в 1945 г., а еще раньше, в 1904 г. — с началом русско-японской войны, ибо **международное право гласит: состояние войны между государствами прекращает действие всех и всяческих договоров между ними.**

Что касается более давнего прошлого, то лишь в XX столетии, и особенно после Второй мировой войны в японских научных и официозных изданиях стали приводиться трактовки документов и карты, где Курилы обозначены как владения Японии. Однако крупнейшие японские историки прошлого признавали, что вплоть до середины XIX в. Япония не рассматривала в качестве своих владений ни Сахалин, ни Курильские острова. Территория Японии тогда не включала официально даже остров Хоккайдо, заметное заселение которого именно японцами происходило лишь начиная со второй половины

XIX в. В российской литературе на основе и зарубежных источников, и архивных материалов, и данных картографии дан убедительный ответ на позднейшие искажения, особенно в том, что касается первооткрывателей и первых исследователей Курильских островов [Кошкин Россия и Япония... Зиланов; Файнберг; Черевко Свидетельства... Черевко И называют...Тихвинский; История Сахалина... Полевой Первооткрыватели Сахалина, с. 10–13; Полевой Первооткрыватели Курильских...Дополнения... с. 51–61; Степанов с. 417]. В 1960–1970-е годы при запрете на открытое обсуждение курильского вопроса, тем не менее, готовились труды «для служебного пользования», которые были свободны от идеологического доктринерства и тщательно документированы.

В 1990-е годы японский МИД получил документ, «любезно» предоставленный Японии из архивов российского внешнеполитического ведомства на волне огульного опровержения всех постулатов советской внешней политики. Речь идет о «Дополнительной инструкции МИД России Е.В. Путятину о переговорах с японцами № 730» от 27 февраля 1853 г. Как японские дипломаты, так и сторонники уступок в России представляли этот документ в качестве «неопровержимого» доказательства «изначальной» принадлежности Японии ряда оспариваемых сегодня ею островов. Он был немедленно опубликован в пропагандистском официальном издании японского посольства в Москве.

В утвержденной Николаем I инструкции российского МИД к переговорам 1854 г. в Симодэ, говорилось о возможности при определенных обстоятельствах пойти на встречу настояниям Японии и признать, что «из островов Курильских южнейший, России принадлежащий, есть остров Уруп, которым мы и могли бы ограничиться, назначив его последним пунктом Российских владений, к югу, — так, чтобы с нашей стороны южная оконечность сего острова была (*как и ныне она в сущности есть*) (курсив автора. — Н.Н.) границей с Японией» [Дополнительная инструкция...].

Японцы, а в начале 1990-х годов и некоторые российские дипломаты трактовали эти слова как доказательство того, что спорные острова и до Симодского трактата 1855 г. не принадлежали России и что само русское правительство будто бы не считало Курилы южнее Урупа российской территорией. Однако слова инструкции означают лишь то, что российский МИД исходил из факта общепризнанной принадлежности к России островов к северу от Урупа, и осознавал, что Япония оспаривает принадлежность островов южнее Урупа.

Граница между Россией и Японией к этому моменту не была де-юре определена в договорном порядке, что и стремилось сделать русское правительство — обычная стадия на пути территориального размежевания и формирования политической карты мира. При этом подобные договоры в истории всегда отражают скорее реальное соотношение сил на данный момент, нежели некую историческую судьбу территории. Фраза «*как и ныне она в сущности есть*», само ее построение как раз свидетельствуют о том, что по мнению Петербурга, имелось расхождение между исторически корректной границей в силу принадлежности островов России, и той линией, которую «в сущности», то есть в реальных обстоятельствах вынужденно приходилось соблюдать, чтобы избежать острых столкновений с Японией.

Как отмечает академик В.С. Мясников, Россия отступила «от ранее занимаемых рубежей...без войны, лишь в связи с нехваткой сил и средств на поддержание своего суверенитета на дальних окраинах империи». Мясников убедительно показывает, что Россия на том этапе рассматривала Японию скорее как партнера в балансе сил и даже рассчитывала «на убежище в ее портах в случае серьезных замешательств на Крайнем Востоке». А главную угрозу Россия видела в «усилении позиций «третьей державы» (имелась в виду Великобритания) [Мясников, с. 295, 296]. Международное положение накануне и в ходе Крымской войны требовало не усугублять остроту взаимоотношений на Дальнем Востоке, то есть «в сущности» не настаивать на своих исторических правах в данной ситуации.

Симодский трактат 1855 г. был подписан в разгар Крымской войны, которую иногда ошибочно сводят к обороне Севастополя и стремлению европейских противников лишить Россию полноценных прав черноморской державы. Однако английские и французские эскадры находились также в Охотском море. Петропавловск-Камчатский был осажден, и, хотя атаку удалось отбить, порт пришлось эвакуировать в Николаевск-на-Амуре. Имелись серьезные опасения, что англичане высадятся на Курильских островах, которые еще не были формально разграничены. Все это привело к заключению, что для России было целесообразнее пойти на такое разграничение, при котором часть этой уязвимой территории отдавалась под юрисдикцию слабой в военно-морском отношении Японии. Это исключало вероятность оккупации части Курильских островов сильнейшей военно-морской державой — Британией.

Определенную роль играли и сугубо экономические соображения, связанные с жизнеобеспечением российского Дальнего Востока, ибо в то время из-за неразвитости местного сельского хозяйства и нехватки продовольствия было крайне трудно содержать и практически невозможно расширять существовавшие военные посты на Сахалине и Курилах. Согласно Японии торговать продовольствием с Россией придавалось большое значение, поскольку, следуя своей традиционной политике изоляции, Япония долго категорически отказывалась продавать даже соль и муку.

Те же факторы действовали и во время заключения Санкт-Петербургского договора 1875 г. об обмене территориями. Приоритетным для России было закрепить принадлежность всего Сахалина и обезопасить его от военной экспансии Великобритании и Франции, к которым к тому времени добавилась и Германия. Япония, со своей стороны, не соблюдала договоры, нарушая территориальные воды и высаживаясь на российских берегах.

Как бы то ни было, ссылки на историческое прошлое и изменения в статусе Курил и Сахалина по Симодскому трактату 1855 г. или по Санкт-Петербургскому договору 1875 г. не создают оснований для претензий Японии в настоящее время. На эти договоры можно ссылаться только в качестве экскурса в историю. Когда на переговорах в Портсмуте в 1905 г. граф С. Витте попытался сохранить за Россией южный Сахалин, ссылаясь на договор 1875 г., сама Япония указала ему на то, что, в соответствии с международным правом, ***состояние войны между Японией и Россией прекратило действие всех и всяческих договоров между ними.***

Треугольник США–Россия–Япония

Во второй половине XIX в. началось весьма быстрое торгово-экономическое и политическое проникновение США в Тихоокеанский регион. Обращает на себя внимание роль, которую уже тогда играла эта быстро развивавшаяся держава в поощрении японских appetитов, направленных против России, и в конкуренции за политическое присутствие в регионе. Крупные экономические интересы США были представлены многочисленными мощными пушными и иными компаниями, которые начали расхищать богатства Аляски, Курильских островов, отличаясь особым даже для того времени пренебрежением к соблюдению таможенных, пограничных, территориальных и других ограничений. В качестве одного из главных препятствий на пути своей широкой экспансии США видели Россию, а в качестве главного инструмента против России — Японию.

Японию уже тогда часто посещали американские дипломатические и военные миссии. В исторических исследованиях показано, что представители самых разных ведомств и компаний подстрекали Токио не признавать южный Сахалин российским и сеяли недоверие к России. США постоянно убеждали японцев в мнимом наличии у России завоевательных планов в отношении острова Эдзо (Хоккайдо). Русским дипломатам часто доводилось дезавуировать такие демарши — и Вашингтон приносил официальные извинения за инсинуации. Уже тогда США пытались утвердиться в роли посредника в любых русско-японских переговорах о разграничении территорий и сделать так, чтобы все важные вопросы выносились на арбитраж международных дипломатических совещаний. Американская печать в 1870-х годах не стеснялась писать о том, что задачей США было уменьшение владений России в восточной части Азии. Именно американцы неоднократно подавали Японии мысль купить у России южный Сахалин подобно тому, как США купили Аляску [О торгово-экономической экспансии США на Дальнем Востоке и американской стратегии, нацеленной на противодействие Англии и сдерживание России см. Нарочницкий, с. 154–169, 459–471].

Политика президента Теодора Рузвельта стала воплощением и нарицательным символом безудержной экспансии, оправдываемой кальвинистским мессианизмом и идеологией «божественного предназначения» США («Manifest Destiny») управлять миром. Т. Рузвельт полагал, что американские позиции на Тихом океане и в Северо-Восточной Азии важнее для будущего США, чем их роль на Атлантическом океане и европейском континенте. В Вашингтоне не считали серьезным соперником Японию, но всячески стремились воспрепятствовать укреплению российских позиций на Дальнем Востоке. Блестящий знаток этой темы А. Трояновский, выдающийся советский дипломат и первый посол СССР в США, с полным на то основанием полагал, что с самого начала русско-японской войны симпатии Т. Рузвельта были на стороне Японии [Трояновский].

Перед началом завершивших войну мирных переговоров в Портсмуте, Т. Рузвельт установил полное понимание с Токио по важнейшим направлениям своей экспансии в регионе и договорился с японским правительством относительно разграничения

интересов. 27 июля 1905 г. было заключено так называемое секретное Соглашение Кацура — Тафта (по именам японского премьер-министра Т. Кацуры и военного министра США, будущего президента У. Тафта) [Добров]. Япония соглашалась на американский контроль над Филиппинами, оставляя их на волю «дружественного государства», а США соглашались с правом Японии посредством военной оккупации установить контроль над Кореей. Очевидно, что заключивший подобную сделку Вашингтон не мог быть беспристрастным посредником на переговорах в Портсмуте, и влияние этого соглашения на ход Портсмутских переговоров общепризнано [Дипломатический словарь].

Роль США в ходе портсмутских переговоров, является буквально детективной историей. Она описана в мемуарах крупнейшего японского дипломата первой половины XX в. Кикудзиро Исии, участника и свидетеля тех событий, автора соглашения 1917 г. между США и Японией о признании особых японских интересов в Китае и американской политики открытых дверей в отношении Китая (Соглашение Лансинга–Исии). Эти мемуары, долгое время бывшие библиографической редкостью, были изданы Народным комиссариатом иностранных дел (НКВД) малым тиражом с предисловием А.А. Трояновского. [Кикудзиро]. Предисловие советского дипломата из дореволюционного образованного слоя, написанное блестящим слогом, само по себе представляет лаконичный и глубокий панорамный анализ международной обстановки вокруг русско-японской войны. Текст проливает свет на позицию США и Теодора Рузвельта, который даже получил Нобелевскую премию за содействие Портсмутскому миру. Трояновский цитирует письмо Т. Рузвельта английскому дипломату С. Спринг-Райсу от 24 июля 1905 г., в котором американский президент сообщает о своем предостережении Германии и Франции в самом начале русско-японской войны, «что в случае какой-либо комбинации против Японии..., я решительно приму сторону Японии и сделаю все возможное для того, чтобы ей помочь» [Трояновский, с. IX].

На Портсмутской конференции 1905 г. японская делегация требовала не только все Курилы, но и весь Сахалин, а также денежную контрибуцию. Глава российской делегации граф С. Витте отвергал японские требования, проявляя, по выражению Исии, «истерическое упрямство». Из воспоминаний Исии следует, что сама Япония была до предела истощена военными действиями и остро нуждалась в скорейшем подписании мирного договора. Японский дипломат недвусмысленно признает, что к концу переговоров Япония была готова согласиться на принадлежность всего Сахалина России без какой-либо денежной компенсации. В Портсмут уже были отправлены инструкции с предписаниями японской делегации уступить в этом вопросе.

Однако и Петербург, и российская делегация пребывали в полном неведении о реальных настроениях в Японии и готовности японской стороны снять свои первоначальные претензии в отношении Сахалина. Но кто-то немедленно уведомил Соединенные Штаты о такой — весьма нежелательной для них — перспективе, которая задерживала искомое уменьшение владений России в восточной части Азии. В этот момент американцы взяли «посредничать» в достижении мира.

Исии описывает события так, что Т. Рузвельт, желая «спасти» конференцию, направил 21 августа Николаю II телеграмму, где американский президент «доверительно» предупреждал о непреодолимости претензий Японии, и советовал уступить, пугая тем, что «возможное продолжение войны может привести к утрате Россией ее территорий к востоку от Байкала» [Исии, с. 22]. Это означало бы потерю статуса России как тихоокеанской державы. Американский посол в Петербурге Дж. Мейер, испросив аудиенцию у царя, всячески уговаривал Николая II пойти на уступки, обещая посредничество Т. Рузвельта, с тем чтобы «уговорить» Японию отказаться от контрибуции. Не искушенный в коварстве Николай II «упорствовал», но потом, как пишет Исии, «мимоходом, как бы про себя заметил, что можно было бы рассмотреть возможность передачи южной части Сахалина Японии...» [Там же, с. 23] О готовности царя согласиться на уступку части Сахалина было безотлагательно сообщено президенту Т. Рузвельту.

Из Вашингтона эта важнейшая информация была менее чем за сутки передана в Токио и стала известна Исии (который, впрочем, в мемуарах отмечает напрашивающееся предположение, что американцы могли намеренно передать ее японской стороне). Благодаря 14-часовой разнице во времени между Токио и Портсмутом, Исии успел встретиться с премьер-министром, который сначала усомнился в достоверности известия. Морской министр адмирал Гомбэй Ямамото даже предупредил Исии, что тому придется сделать харакири, если информация окажется ложной. Но Исии был уверен в надежности канала, хотя и описывает в мемуарах получение этой информации как чистую «случайность», имевшую место в ходе беседы с «одним другом» «в одной из иностранных миссий в Токио».

Из Токио были срочно отозваны старые и посланы новые инструкции в Портсмут, после чего японская делегация сделала следующее заявление: «Императорское правительство решило в знак своего миролюбия отказаться от требований на весь Сахалин и делает последнюю уступку, удовлетворяясь южной половиной острова» [Там же, с. 55–57]. Вот при каких обстоятельствах Россия была вынуждена уступить победившей Японии не только все Курилы, но и южную часть Сахалина, что рассматривалось русской дипломатией, не проявившей достаточной твердости, как поражение и за что граф С. Витте получил прозвище «графа Полусахалинского». Неслучайно и С. Витте, и участвовавший в портсмутских переговорах посол России в Вашингтоне Р. Розен в своих воспоминаниях обходят молчанием вопрос о Сахалине и переговоры о нем [Витте; Кабанов].

В советской трактовке долгое время считалось, что США сыграли благоприятную для интересов России роль в период русско-японской войны и заключения Портсмутского мира¹. В НКВД во времена М. Литвинова отношение к стратегическим целям американской политики было довольно позитивным и, как теперь представляется, намеренно не критическим. Не случайно Литвинова ассоциировали в западных дипломатических кругах с «англосаксонским лобби». Через три года после выхода мемуаров Исии была подготовлена аналитическая записка М. Литвинова с панорам-

1 Т. Рузвельту была в последствии даже присуждена Нобелевская премия мира.

ным обзором внешней политики США и русско-американских отношений за три века с оценкой перспектив послевоенного сотрудничества. М. Литвинов к тому времени не мог не знать правды о портсмутских переговорах, а фраза его записки «во время русско-японской войны симпатии США были, несомненно, на стороне Японии», по-видимому, заимствована из предисловия А. Трояновского к мемуарам Исии. Тем не менее, Литвинов утверждал, что «размеры неудач России, грозившие нарушить равновесие на Дальнем Востоке, встревожили правительство США и побудили его придать посредничеству через Т. Рузвельта при заключении мира между Россией и Японией благожелательную для России окраску». Далее М. Литвинов, похоже, явно лукавил: «Рузвельту удалось добиться от Японии отказа от требований чрезмерных территориальных уступок и контрибуций... Условия Портсмутского мира, по которому Россия удержала Северный Сахалин и не платила никакой контрибуции, вызвало разочарование в Японии, недовольство ролью Соединенных Штатов Америки и, наоборот, некоторое чувство признательности со стороны России» [АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. №209. П. 25. Л. 15–16].

Юридическая основа статуса Курильских островов после 1945 г.

Решения держав в Ялте и Потсдаме являются юридической основой территориальных изменений в итоге Второй мировой войны. Сан-Францисский мирный договор с Японией, подписанный в 1951 г. 51 государством во главе с США, является действующим и юридически обязывающим международно-правовым документом для Японии. По Ялтинским соглашениям все Курилы и остров Сахалин возвращались «навечно» СССР, что было условием его вступления в войну с Японией. В Потсдамской декларации США, Великобритании и Китая, к которой позднее присоединился Советский Союз, говорилось: «...после полной и безоговорочной капитуляции суверенитет Японии будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кусу, Сикоку и теми менее крупными островами, **которые мы укажем**» (выделено автором. — Н.Н.) [Советский союз... с. 357–359]. Последние слова демонстрируют **утрату Японией международной правосубъектности и права обсуждать условия послевоенного урегулирования**, наглядно иллюстрируя международно-правовые следствия, вытекающие из принципа полной и безоговорочной капитуляции. На основании этих документов американская военная администрация в Японии издала 29 января 1946 г. «Меморандум главнокомандующего союзных держав японскому императорскому правительству № 677» (директива 677, или «директива генерала Макартура»). В этом документе указывалось:

«...территория Японии определяется в составе: четырех главных островов Японии (Хоккайдо, Хонсю, Кюсю и Сикоку) и приблизительно 1000 мелких прилегающих островов, включая о-ва Цусима и о-ва Рюкю (Нансей) севернее 30° северной широты (за исключением о-ва Кутиносима), и исключая:

- а) о-в Унуре (Уллунг), Лианкорт Рокс (о-в Такэ) и о-в Квельнарт (Сайсю или Тедзю),
- б) о-в Рюкю (Нансей) южнее 30° северной широты (включая остров Кутиносима), группы островов Идзу, Нампо, Бонин (Огасавара) и Волкано (Кадзан или Иво), а также все другие отдаленные тихоокеанские острова, включая группу о-вов Дайто (Охигаси или Оагари) и о-в Парес Вела (Окинотори), Маркус (Минами-тори) и Ганджес (Нака нотори),

в) Курильские (Тисима) о-ва, Группу о-вов Хабомаи (Хабомадзе), включая о-ва Су-сио, Юри, Акиюри, Сибоцу и Тараку), а также о-в Сикотан.» [Сборник важнейших... Цит. по: Зиланов].

Обстоятельства подписания мирного договора с Японией определялись капитальными сдвигами в соотношении сил и геополитической обстановке на Дальнем Востоке, которые привели к войне в Корее. В изменившихся условиях СССР не поставил свою подпись под Сан-Францисским договором 1951 г. В то время как с поражением Гоминдана новую роль в АТР обрел коммунистический Китай, для США неизмеримо возросла значимость японского плацдарма, которому они прежде придавали вспомогательное значение, делая главную ставку на гоминдановский Китай. С.Л. Тихвинский цитирует приведенное в японской печати 4 мая 1950 г. заявление Главнокомандующего союзными оккупационными войсками в Японии генерала Д. Макартура о новой американской концепции: «Тихий океан превратился в англо-саксонское озеро, и наша линия обороны проходит через цепь островов, окаймляющих берега Азии. Эта цепь берет свое начало с Филиппинских островов, продолжается архипелагом Рюкю, в который входит главный остров Окинава, затем она поворачивает назад, проходит через Японию, Алеутские острова, Аляску» [Тихвинский Россия — Япония... с. 41].

Хотя Сан-Францисский договор 1951 г. не содержит указаний на передачу определенных территорий СССР, непреложным фактом является то, что в статье 2, пункте с договора, **«Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 г.»** [Сборник документов... с. 89–90]. Со своей стороны, Вашингтон, поставивший подпись под этим Договором, уже тогда активно проводил стратегию, которую можно охарактеризовать как «контр-Ялта». И если в Европе это выражалось в закреплении раскола Германии и создании НАТО при неоспариваемости послевоенных границ в целом, то на Дальнем Востоке, в отношении Японии, США полностью отказались от решений Ялтинской конференции. Так, Конгресс США в своей резолюции в связи с ратификацией Сан-Францисского договора сделал оговорку, что «условия Договора не будут означать признание за СССР каких бы то ни было прав или претензий на территории, принадлежавшие Японии на 7 декабря 1941 г...», и что для США «ничто, содержащееся в договоре... не подтверждает признания со стороны США никаких условий в отношении Советского Союза, содержащихся в так называемом «ялтинском соглашении» по Японии от 11 февраля 1945 г» [Цит. по.: Международное право... с. 317, 333].

Новые аргументы Японии из области географии и картографии

Положения Сан-Францисского договора столь определены, что отрицать отказ Японии от прав на Курильские острова невозможно. Поэтому Япония с согласия США разработала в середине 1950-х годов новую аргументацию: Шикотан и Хабомаи якобы относятся к системе острова Хоккайдо; а понятие «Курильские острова» будто бы никогда не охватывало Кунашир и Итуруп, которые будто бы относятся к отдельной географи-

ческой единице — «Южным Курилам» («Южные» с заглавной буквы как часть географического названия). Однако в любом довоенном географическом атласе или труде Курилы рассматривались как единое географическое понятие, поскольку они имеют все признаки для такой классификации. Например, Британская энциклопедия недвусмысленно указывает на Кунашир и Итуруп как на крупнейшие из Курильских островов. К сожалению, российские СМИ, вслед за американскими, часто стали употреблять в отношении Хабомаи и Шикотан именование «Южные Курилы» (как представляется, не отдавая себе отчет в подтексте такого написания). Но географической единицы Южные Курилы не существует, есть просто южная часть (южные Курилы) и северная часть (северные Курилы) указанных островов.

Попытка ввести такие географические новации легко опровергается и документами, и литературой. У США и Японии была полная ясность в отношении того, что в Сан-Францисском договоре Япония отказалась от всех Курильских островов. Литература, позволяющая в этом убедиться, в японских библиотеках сегодня часто содержится в режиме «спецхрана». Примером может служить книга американского автора Д. Риза (*Rees*). В приложении напечатана выдержка из справочника военно-морского флота США, выпущенного в 1943 г. на случай военных операций в районе Курил, где представлен список всех без исключения Курильских островов с подробным описанием в плане военного мореплавания.

В книге Д. Риза приводится также запись беседы госсекретаря А. Даллеса с министром иностранных дел Японии С. Иосидой. Иосида спросил, нельзя ли представить ялтинско-потсдамское решение таким образом, чтобы оно не распространялось на южные острова Курильской гряды. Даллес недвусмысленно ответил, что столь кардинальное изменение предшествующих согласований и толкований потребовало бы многолетних споров, что «задержит получение Японией полного суверенитета на неопределенное время» [*Rees*, p. 94–95]. Таким образом, и американская, и японская стороны при ратификации Сан-Францисского договора знали, от каких островов Япония отказывается.

Представлявший условия договора в японском парламенте директор договорно-правового отдела МИД Японии Кумао Нисимура буквально отбивался от негодующих депутатов, уточняя, что «понятие Курильские острова, фигурирующее в договоре, включает все острова, как северные, так и южные». В ответ на упреки К. Нисимура столь же недвусмысленно пояснил, что «отказ от суверенитета влечет за собой для Японии и потерю права высказываться по поводу конечной принадлежности территории» [Цит. по: Файнберг Исторические права... с. 291]. Кстати, С. Иосида, выступая в Сан-Франциско, назвал договор великодушным и справедливым и отметил, что он принимается японским народом с благодарностью, хотя и добавил, что некоторые территориальные решения вызывают у японского народа боль и беспокойство.

В советское время изложение и цитирование этих дебатов допускалось лишь в трудах, издаваемых для служебного пользования. Начиная с 1990-х годов эти важнейшие данные обнародованы российскими учеными, тогда как в Японии их, наоборот,

стали скрывать. А. Кошкин приводит следующие неопровержимые факты: «При подготовке к ратификации Сан-Францисского договора японское правительство словами заведующего договорным отделом МИД Японии Кумао Нисимура подтвердило факт отказа от всех островов Тисима (Курильские острова). 19 октября 1951 г. он заявил на слушаниях в парламенте: «Территориальные пределы архипелага Тисима, о которых говорится в договоре, включают в себя как северные Тисима, так и южные Тисима». О том, что вопрос об изъятии из состава японского государства островов Итуруп и Кунашир считался окончательно решенным в Договоре Сан-Франциско, свидетельствует и единогласно принятая совместная парламентская резолюция всех политических партий Японии от 31 июля 1952 г. В резолюции перед правительством ставилась задача добиваться возвращения оккупированных Соединенными Штатами Америки Окинавы, островов Огасавара и Амамиосима, также островов Хабомаи и Шикотан» [Кошкин Японский фронт... с. 496].

Стенограмма обсуждения в японском парламенте условий Сан-Францисского договора стала сегодня весьма неудобным документальным свидетельством для японской стороны. С. Хакамада, председатель японского Научно-исследовательского совета по вопросам национальной безопасности (АНПОКЭН) и крупнейший японский русист, даже признал в интервью Фонду Карнеги в России, что «разной» в суждениях о причислении разных островов к Курильским был ликвидирован и «японское правительство пришло к единому мнению по этому вопросу» [Хакамада].

Советско-японская декларация 1956 г. и фактор США

Советско-японская декларация от 19 октября 1956 г., в которой было прекращено состояние войны между двумя странами и урегулирован ряд проблем, зафиксировала готовность СССР передать Японии острова Хабомаи и Шикотан (в декларации — Сикотан), но только после заключения мирного договора. Статья 9 Декларации о передаче островов обусловлена выполнением пункта о заключении мирного договора.

Сейчас уже известны обстоятельства подписания этой Декларации. В период советско-японских переговоров 1956 г. США оказывали давление на Японию и не останавливались перед фактическим ультиматумом. Министр иностранных дел Японии М. Сигэмицу проинформировал в американском посольстве в Лондоне находившегося там государственного секретаря Дж.Ф. Даллеса о ходе переговоров с Москвой. Даллес тогда заявил, что в случае подписания Японией мирного договора с СССР, в котором та согласится признать Южный Сахалин и Курильские острова частью территории СССР, США навечно сохранят в своем владении острова Рюкю. Госдепартамент сделал подобное заявление японскому посланнику в Вашингтоне и пригласил его для обсуждения статьи 26 Сан-Францисского договора, которая, по мнению США, препятствовала Японии самостоятельно договариваться с другими странами о мирном урегулировании.

Американцы прямо указали японским дипломатам, что Япония не имеет права рас-

поряжаться островами, которые ей не принадлежат, ибо она отказалась от них в Сан-Францисском договоре, что не лишено логики. Обещая свою поддержку и тем самым увеличивая зависимость, а значит, и «послушность» Японии, США предлагали вынести территориальные притязания к СССР на рассмотрение специальной международной конференции участников Сан-Францисского договора (в число которых СССР не входил) — как в XIX в. они подталкивали выносить территориальные споры на арбитраж международных «дипломатических совещаний».

В памятной записке государственного департамента, переданной Японии и распространенной агентством Ассошиэйтед Пресс, говорилось: «По обдуманному мнению Соединенных Штатов, Япония не имеет права передавать суверенитет над территориями, от которых она отказалась по мирному договору... Сан-Францисский договор (который не предоставляет прав Советскому Союзу, поскольку он отказался его подписать), не определил суверенитета над территориями, от которых отказалась Япония, оставив этот вопрос, как было заявлено делегатом Соединенных Штатов в Сан-Франциско, на другое международное разрешение, помимо этого договора».

США открыто отступили от своей позиции, занятой в Ялте, указав, что «рассматривают так называемое Ялтинское соглашение просто как изложение общих целей тогдашними главами участвующих держав, а не как окончательное решение этих держав или какой-либо юридический результат в вопросе о передаче территорий». Далее отмечалось, что, по мнению США, «острова Эторофу и Кунасири (вместе с островами Хабомаи и Сикотан, которые являются частью Хоккайдо) всегда являлись частью собственно Японии и ... должны быть признаны, как находящиеся под японским суверенитетом» [Тихвинский с. 104–107].

Российские публицисты нередко задают вопрос, чем было продиктовано и было ли правильным решение руководства СССР не подписывать Сан-Францисский договор. В советское время, с его многочисленными табу в открытой печати, неучастие в Сан-Францисской конференции, где Китай представлял гоминдановский Тайвань, скупно объяснялось солидарностью с Пекином. Однако избранная тогда долгосрочная стратегия на Дальнем Востоке была мотивирована отнюдь не только и не столько идеологическим родством с коммунистическим Китаем, который и сам был склонен проводить прагматическую политику.

Революционный и победоносный Китай обладал колоссальной динамичностью и потенциалом. Отсюда — необходимость предупредить обращение воинствующего импульса этого демографического тотально мобилизованного гиганта против интересов Советского Союза, обезопасить протяженную советско-китайскую границу, исключить шансы США втянуть континентальный Китай в свою орбиту. А именно такие возможности анализировал в начале Второй мировой войны американский Совет по международным отношениям, предлагавший в случае резкого усиления СССР или гипотетического советско-германского модус вивенди в Евразии «подготовить на Дальнем Востоке противников советского режима (Китай, Япония)» [АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. №213. П. 25. Л. 3–6].

Япония была практически сделана протекторатом США, оккупировавших Окинаву, что уже лишало СССР многих преимуществ державы-победительницы в регионе. Его геополитическое и военно-стратегическое положение на Дальнем Востоке и Тихом океане стало бы совсем уязвимым и крайне небезопасным при гипотетическом американо-китайском сотрудничестве. Не случайно Зб. Бжезинский полагал, что поиски Вашингтоном взаимопонимания с континентальным Китаем, продолжавшиеся вплоть до Корейской войны, должны были чрезвычайно обеспокоить Советский Союз. По мнению Бжезинского, Корейская война была просчитанным шагом Москвы, предназначенным закрепить устойчивое американо-китайское противостояние. То, что это удалось и у «США осталась лишь некая точка опоры — Тайвань, Бжезинский оценил как чистый выигрыш СССР на несколько десятилетий вперед» [Brzezinski].

Подписание советско-японской декларации, по опрометчивому замыслу Н. Хрущева, должно было удержать Японию от военного союза с США. Однако 19 января 1960 г. был заключен Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности между США и Японией, которым было закреплено бессрочное пребывание американских вооруженных сил на японской территории. Обстоятельства изменились, причем обстоятельства самого серьезного характера, меняющие военно-стратегическое и геополитическое положение СССР. А, как известно, договоры действуют пока сохраняются прежние обстоятельства — так называемый принцип *rebus sic stantibus*.

Уже 27 января 1960 г. советское правительство направило Японии памятную записку об изменении обстоятельств, в которых СССР подписывал Декларацию 1956 г.: «Советское правительство шло навстречу пожеланиям Японии, учитывало национальные интересы японского государства и миролюбивые намерения, выразившиеся в то время японским правительством в ходе советско-японских переговоров. Но Советское правительство, учитывая, что новый военный договор, подписанный правительством Японии, направлен против Советского Союза, как и против Китайской Народной Республики, не может содействовать тому, чтобы передачей указанных островов Японии была бы расширена территория, используемая иностранными войсками. Ввиду этого Советское правительство считает необходимым заявить, что только при условии вывода всех иностранных войск с территории Японии и подписания мирного договора между СССР и Японией острова Хабомаи и Сикотан будут переданы Японии, как это было предусмотрено Совместной декларацией СССР и Японии от 19 октября 1956 г.» [Из памятной записки...]. В этом и нескольких последующих меморандумах Москва заявляла, что вся ответственность возлагается на Японию, которая заключила договор с США и полностью изменила обстоятельства.

Когда сегодня приводятся аргументы в пользу строгого выполнения Декларации 1956 г., почему-то игнорируется основополагающая логика последовательно вытекающих одно из другого обязательств. Все пункты декларации являются перечислением строго последовательных шагов, создающих совершенно определенные обстоятельства. И каждая статья фактически является протоколом о намерениях, выполнение

которого зависит от создаваемых предыдущим шагом необходимых условий. Более всего это относится к статье 9 о передаче двух островов, которая увязана со всеми остальными по принципу *rebus sic stantibus* — «пока сохраняются те же обстоятельства».

Вопрос об изменившихся новых обстоятельствах начала XXI в., в которых согласование текста рассматриваемой Декларации 1956 г. вряд ли было бы возможным, в настоящее время имеет самые серьезные характер и параметры. Что касается пролива между островами Уруп и Итуруп, то потеря этого единственного никогда не замерзающего пролива радикально разрушила бы всю военно-стратегическую конфигурацию в регионе и цельность военной инфраструктуры России, запираемой в Охотском море. Претензии Японии на эти острова изначально, даже в 1956 г., до японо-американского договора 1960 г., были неприемлемы и отметались советской стороной безоговорочно. Что касается Хабомаи — гряды необитаемых и непригодных для деятельности вулканических скал, то сами по себе они не имеют особой ценности. Однако автоматически отодвигаемая граница территориальных вод имела бы серьезные последствия для военно-стратегического положения России.

Какие бы гарантии Токио ни давал относительно демилитаризации островов или свободы военного мореплавания для России, США в рамках бессрочного договора о безопасности с Японией, да и без такового, никогда не станут с этим считаться.

Изменились и другие обстоятельства. Во время подписания Декларации 1956 г. еще не было Конвенции ООН по морскому праву, заключенной в 1982 г., к которой Россия присоединилась в полной мере в 1997 г. Эта конвенция (США к ней не присоединились) установила не только 12-мильные территориальные воды, но еще и 200-мильную **исключительную экономическую зону**. Эта зона включает воды, морское дно и его недра. В ней прибрежное государство осуществляет определенные международным правом суверенные права, включая права на разведку, разработку и сохранение природных ресурсов и управление ими; права на производство энергии и другие виды экономической деятельности. Прибрежное государство осуществляет в своей исключительной экономической зоне юрисдикцию в отношении создания и использования искусственных островов, установок и сооружений; морских научных исследований; защиты и сохранения морской среды.

В 1956 г. таких обстоятельств, имеющих жизненно важное значение для безопасности России, ее экономики и судьбы региона не существовало, и это еще одна причина, почему принцип «*rebus sic stantibus*» — «пока сохраняются прежние условия» — сегодня уже неприменим к советско-японской Декларации.

Юристы представили также анализ нарушения Конституции и юридических процедур при ратификации Декларации 1956 г. Верховным Советом СССР. Действующая же Конституция России предполагает изменение территории только при согласии жителей страны, выраженном в ходе референдума.

Хотелось бы надеяться, что слова президента В. Путина о выполнении Декларации 1956 г. в «полном объеме всех обязательств для обеих сторон» означают дипломатический намек на изменившиеся обстоятельства и нарушение Японией ряда статей Декларации. Ведь участие Японии в оккупационных силах в Ираке тоже можно рассматривать как нарушение статьи 3 пункта «б» Декларации, обязывающей «воздерживаться от угрозы силой или ее применения против территориальной целостности или политической независимости любого государства» [Декларации, заявления... с. 314–315].

Наконец, последнее. В общественное мнение внедрен ложный постулат о якобы абсолютной необходимости мирного договора. СМИ порой и вовсе допускают удручающе безграмотные утверждения, будто Россия и Япония до сих пор находятся в состоянии войны. Декларация 1956 г. **прекратила состояние войны** и установила дипломатические отношения. Мировая практика знает немало случаев, когда прекращение войны обходилось без договора. Нет и не будет мирного договора с Германией, состояние войны с которой прекращено односторонне соответствующими юридическими актами союзных держав. Как известно, были заключены лишь пять мирных договоров с сателлитами Третьего рейха — Финляндией, Румынией, Венгрией, Болгарией и Италией. Что касается Германии, раскол которой с началом холодной войны был в нарушение Потсдамских соглашений закреплен и оформлен созданием из трех западных оккупационных зон Федеративной Республики Германии, то в 1951 г. Конгресс США и Британия прекратили состояние войны с Германией. 26 мая 1955 г. Президиум Верховного Совета СССР также постановил, что «состояние войны между Советским Союзом и Германией прекращается, и между ними устанавливаются мирные отношения». В преамбуле указа было констатировано, что «политика Соединенных Штатов Америки, Англии и Франции... не позволила достигнуть необходимой договоренности о восстановлении единства Германии на миролюбивых и демократических основах и заключить мирный договор с Германией» [Указ Президиума...].

Не лишено оснований мнение, что особой необходимости в мирном договоре с Японией вообще нет, тем более что США не преминут вмешаться в процесс и заявить о своем непризнании права Японии обсуждать принадлежность России островов, от которых она отказалась в договоре Сан-Франциско.

В отличие от других партнеров Токио, Россия независимо от веса и политики других участников геополитического пасьянса на Дальнем Востоке и в АТР заинтересована в мирных добрососедских отношениях и стабильном, устремленном в будущее партнерстве с Японией. У России нет доктрины Монро для Тихого океана. Россия совершенно не рассматривает усиление и возрастание международной роли Японии как неблагоприятный фактор для своих интересов. Наоборот, независимая политика Японии гармонизировала бы баланс сил в АТР, расширила бы горизонты как японской, так и российской политики, повысила бы значение добрососедства с ней. Лучше всего этому может послужить принцип незыблемости итогов Второй мировой войны, который и должен быть положен в основу российско-японских отношений.

Литература

- АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. №209. П. 25. Л. 15–16.
- АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. №213. П. 25. Л. 3–6.
- АВПР. Фонд 0431 (I). Оп. 1. №18а. П. 4. Л. 64.
- Аллисон Г., Кимура Х., Саркисов К. От холодной войны к трехстороннему сотрудничеству в АТР. М. 1993.
- Бондаренко О.Я. Неизвестные Курилы. Серьезные размышления о статусе Курильских островов. М. 1992.
- Витте С.Ю. Воспоминания. В 3-х тт. М. 1960.
- Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на пресс-конференции по итогам 25-го заседания СМВД ОБСЕ, Милан, 7 декабря 2018 года // Министерство иностранных дел МИД РФ. 07.12.18. — URL: mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3437709 (дата обращения: 08.11.2018).
- Декларации, заявления и коммюнике Советского правительства с правительствами иностранных государств 1954–1957 гг. М. 1957.
- Дипломатический словарь. Т.1. М. 1948.
- Добров А. Дальневосточная политика США в период русско-японской войны. М. 1952.
- Дополнения к актам историческим. Т. I. СПб. 1848.
- Дополнительная инструкция Министерства иностранных дел Путятину. 24.02.1853 // АВПРИ. ГА, 1–9. Оп. 8. Д. №17. Ч.1. Л. 214–216.
- Загорский А.В. Российско-японские отношения: Б.Н. Ельцин перед драматическим выбором // Знакомьтесь Япония: к визиту Б.Н. Ельцина. М., 1992.
- Зиланов В. К., Кошкин А. А., Плотников А. Ю., Пономарев С. А. Русские Курилы. История и современность. Сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы. М. 2015.
- Из памятной записки Правительства СССР Правительству Японии от 27 января 1960 года // Известия. 29 января. 1960.
- История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен до начала XXI столетия / М.С. Высоков, А.А. Василевский, А.И. Костанов, М.И. Ищенко. Южно-Сахалинск. 2008.
- Кабанов Д.С. Роман Романович Розен и заключение Портсмутского мирного договора 1905 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. Волгоград. 2008.
- Кикудзиро Исии. Дипломатические комментарии. М. 1942.
- Кистанов В.О. Япония в АТР: анатомия экономических и политических отношений. М. 1995.
- Кошкин А.А. и др. Партитура Второй мировой. Гроза на Востоке. М. 2010.
- Кошкин А.А. Россия и Япония: Узлы противоречий. М. 2010.
- Кошкин А.А. Японский фронт маршала Сталина. Россия и Япония: тень Цусимы длиною в век. М. 2004.
- Латышев И.А. Путин и Япония. Будут ли уступки? 2000–2005. М. 2005.
- Латышев И.А. Россия и Япония в тупике территориального спора. М. 2004.
- Латышев И.А. Япония, японцы и японоведы. М. 2001.
- Международное право в избранных документах. Том III. М. 1957.
- Мирный договор с Японией, подписанный в Сан-Франциско 8 сентября 1951 года // История войны на Тихом океане. Т. 5. М. 1958.

- Мякотин А.А. Отечественная историография проблемы Курильских островов: дис. на соискание уч. ст. канд. ист.: 07.00.09. М. 2006.
- Мякотин А.А. Прояпонская позиция по проблеме Курильских островов в отечественной историографии // Проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран: сборник научных трудов. Вып. 3. М. 2004.
- Мясников В.С. Договорными статьями утвердили. М. 1996.
- Нарочницкая Н.А. Россия в геополитических и идейных проектах мировой истории (конец XIX–XX вв.). Дис. на соискание уч. ст. д. ист. н.
- Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М. 2005.
- Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860–1895. М. 1956.
- Открытое письмо российских ученых президенту Б. Ельцину // Федерация. 1992. № 37.
- Полевой Б.П. Первооткрыватели Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1959 г.
- Полевой Б.П. Первооткрыватели Сахалина. Южно-Сахалинск. 1959. с. 10–13.
- Протоколы 31–32-го заседаний КГА 31 мая 1946 // АВПР. Ф. 0431 (III). Оп. 3 Док. №19, П. 4. Л. 100, 103, 110.
- Румянцев О.Г. Российско-японские отношения и проблема территориальной целостности РФ: девять аспектов: Доклад, июль 1992 г. М. 1992.
- Русские Курилы: история и современность. Сб. док. /Сост. В.К. Зиланов и др. М. 1995.
- Сахалинцы и курильчане в защиту целостности России. Резолюция митинга // Regnum. 22.12.2018. — URL: regnum.ru/news/2542710.html (дата обращения: 08.11.2018).
- Сборник важнейших документов, касающихся оккупации и контроля союзных держав в Японии (на англ. языке). Токио. МИД Японии. Т. 2. 1949.
- Сборник документов и материалов по Японии (1951–1954 гг.). М. 1954.
- Славинский Б.Н. Советская оккупация Курильских островов (август–сентябрь 1945г.). М. 1993.
- Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сборник документов / М-во иностр. дел СССР. М. 1978/84. Т. 1. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 авг. 1945 г.). М. 1984.
- Совместная декларация Союза Советских Социалистических Республик и Японии. 19.10.1956 // Декларации, заявления и коммюнике Советского правительства с правительствами иностранных государств 1954–1957 гг. М. 1957. С. 313–316.
- Степанов Н.Н. Первая русская экспедиция на Охотское побережье в XVII в. // Известия Всесоюзного географического общества. 1958. Т. 90. Вып. 5.
- Стрельцов Д.В. Внешнеполитические приоритеты Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М. 2015.
- Стрельцов Д.В. Российско-японский политический диалог в 2016–2017 гг. // Япония. Ежегодник. 2017. Стр. 26–44.
- Тихвинский С.Л. Россия — Япония. Обречены на добрососедство. Воспоминания дипломата и заметки историка. М. 1996.
- Токийская декларация о российско-японских отношениях. 13.10.2003 // Бюллетень международных договоров. №2. 1994. С. 66–68. — URL: naukaprava.ru/catalog/159/160/162/22951?view=1 (дата обращения: 08.11.2018).
- Трояновский Я. Предисловие // Кикудзиро Исии. Дипломатические комментарии. М. 1942. I–XV.

Указ Президиума ВС СССР от 25.01.1955 о прекращении состояния войны между Советским Союзом и Германией // Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. № 2.

Файнберг Э.Я. Исторические права советского народа на Курильские острова // Ученые записки. Проблемы востоковедения. Сборник статей. Выпуск первый. М. 1970. С.290–301.

Хакамада С., Стрельцов Д. Кто подвергает ревизии историю? Продолжение дискуссии. 07.05.2015 // Московский центр Карнеги. — URL: carnegie.ru/publications/60015 (дата обращения: 08.11.2018).

Черевко К. И называют русских братьями // Неделя. 1985. № 31.

Черевко К.Е. Свидетельства японских историков о принадлежности Сахалина и Курильских островов (XVIII — первая половина XX в.) // Внешняя политика России. Источники и историография. М. 1991.

Brzezinski Zb. How the Cold War Was Played // Foreign Affairs. October. 1972.

Rees D. The Soviet Seizure of the Kuriles. Praeger. 1985.

DOI 10.32726/2411-3417-2018-4-32-63

УДК 94; 327

Эмил Ворачек

Чехословакия и сентябрьский кризис 1938 г. «Только СССР имеет... чистые руки»

Voráček E. Československo a zářijová krize 1938. “Tolko SSSR imejet ... čistyje ruki”

Аннотация. Статья посвящена одному из важнейших аспектов темы Мюнхенского кризиса — позиции СССР, его действиям и возможностям как союзника Чехословакии. Тема исследуется в широком международном контексте. Опираясь на внушительный пласт новых архивных источников, обобщая и анализируя предыдущие исследования, автор подробно рассматривает поведение Москвы на каждом этапе и в каждом аспекте кризиса. Анализ дипломатической переписки и впервые вводимые документы позволяют судить о мотивации главных действующих лиц, уточнить детали дипломатической игры, которую вели различные государства, проследить ответную реакцию Советского Союза.

Ключевые слова: Мюнхенский кризис, Чехословацкий кризис 1938 г., Мюнхенское соглашение, Э. Бенеш, внешняя политика СССР, советско-чехословацкий договор о взаимопомощи.

Исследование борьбы Чехословакии за существование под давлением нацистской Германии в 1938 г. охватывает целый комплекс внешнеполитических направлений, которые невозможно подробно проанализировать в рамках одной статьи¹. Особую роль играет деятельность главного проводника и стратега внешней политики Чехословакии Э. Бенеша, его переговоры с союзниками. Однако картина не будет полной, если выпустить из вида переговоры внутри страны, а также политику других государств, прежде всего восточного союзника в лице СССР².

1 Из многочисленной чешской и зарубежной литературы необходимо упомянуть полемическое исследование Й. Деймека, в котором приводится и другая библиография. [Dejmek. K československo-sovětským... s. 80–105].

2 Я выражаю благодарность российскому историку Н.А. Нарочницкой за предоставление документов из фондов РГАСПИ, о которых речь пойдет далее, а также за чистосердечное сотрудничество и консультации в исследовании проблематики 1930-х годов.

Сведения об авторе: Эмил Ворачек (Emil Voráček) — ведущий научный сотрудник Института истории Академии наук Чешской республики (Прага), доктор философии, доктор исторических наук; evoracek@seznam.cz.

С самого начала следует отметить, что в Чехословакии соответствующие документы были опубликованы в 1950-е годы и в основном все фонды и документы доступны. Аналогичным образом дело обстоит во Франции, Великобритании, Германии, Польше. Однако с учетом объема архивных фондов и степени их разработки не приходится сомневаться, что кое-что осталось неизученным. В современной России ситуация несколько иная. На смену эйфории по поводу открытия огромного массива документов после распада Советского Союза в 1991 г. (так называемой «архивной революции») вновь пришел период ограничения доступа и медленного рассекречивания остающихся закрытыми документов.

Возможно, ни один другой аспект истории Чехословакии не был столь многократно разобран несколькими поколениями историков. Официальная историческая наука эпохи социализма упрощенно подчеркивала классовую обусловленность политики Бенеша. Период ослабления цензуры в 1960-х годах привнес в освещение проблемы более реалистичные подходы, предложенные прежде всего рядом молодых исследователей. Живущие на Западе чехословацкие историки (в том числе И. Пфафф, И. Лукеш, Й. Хохманн) опубликовали в 1980–1990-е годы ряд работ, которые, несмотря на спорные моменты, внесли полезный вклад в исследования. Многие из этих трудов были переведены и опубликованы в Чехословакии после «бархатной революции» 1989 г.

Возможности для изучения темы значительно расширились после падения социализма, когда стали доступны практически все соответствующие архивные фонды Чехословакии. Исследовательской глубиной, объемом и скрупулезностью выделяются труды Й. Деймека. Особенно следует отметить принадлежащую его перу обширную биографию Э. Бенеша, где подробно рассматриваются действия президента в сентябре 1938 г. Нельзя не упомянуть и ряд других авторов, в первую очередь Р. Квачека.

В советской исторической науке долгое время господствовало представление об однозначной готовности Советского Союза прийти на помощь Чехословакии, с соответствующим идеологическим обоснованием. В период перестройки и особенно после распада СССР картина постепенно становилась более реалистичной и вполне свободной от прежних идеологических клише. Был издан целый ряд новых документов. Однако мнения отдельных авторов подчас сильно расходятся. В то время как, например, историк из Института славяноведения РАН С.З. Случ высказывает глубокий пессимизм по поводу готовности СССР прийти Чехословакии на помощь, исследователь из того же института В.В. Марьина реалистически подходит к исследованию этого вопроса.

Большой утратой стал трагический уход из жизни молодого исследователя О.Н. Кена (1960–2007), который первым из российских авторов стал опираться на изучение как российских, так и западных архивных документов и литературы. Он постепенно перешел к более концептуальным и теоретически обоснованным оценкам советской внешней политики в 1930-е годы [Кен]. Бывший депутат Государственной Думы Н.А. Нарочницкая подчеркивала в своих работах не только готовность, но и решимость СССР помочь маленькой демократической стране в центре Европы [Нарочницкая Великие войны... Также см.: Нарочницкая Партитура...]. Это подтверждали-

демарши советской дипломатии (1937–1938 гг.), стремившейся углубить политику коллективной безопасности, которую окончательно вытеснило из повестки дня Мюнхенское соглашение.

Сегодня в мировой историографии по данной теме можно отметить ряд исследований, которые основываются на фундаментальном труде Дж. Хэслема по проблематике коллективной безопасности в 1930-х годах. В частности, следует обратить внимание на канадского историка М.Дж. Карли, особенно на его последнюю работу с красноречивым названием «Только СССР имеет чистые руки» [Карли]. Недавно ставшие доступными архивные документы позволяют более объективно подойти к теме Мюнхенского кризиса, поставить новые вопросы, подтвердить или по-иному истолковать прежние исследования.

В ходе заключительной «шахматной партии» дипломатов в преддверии Второй мировой войны, при растущем давлении со стороны «динамических диктатур» Германии и Италии, в условиях возрастающего стресса, дело не обходилось, конечно, без ошибок отдельных участников. Влияние имели также их личные качества, объяснявшие порой слишком оптимистичные оценки политики той или иной стороны. Так было, например, в случае с чехословацким послом в Советском Союзе Э. Фирлингером, которого сами советские дипломаты неоднократно предостерегали против искажения позиций советской дипломатии. Конечно, даже у союзников не было абсолютной уверенности ни в чем, а информация, которая циркулировала между Э. Бенешем и советским руководством, была неполной. Как свидетельствуют недавно обнаруженные чешскими историками документы (в первую очередь в Архиве внешней политики РФ в Москве), советской стороне было свойственно отсутствие координации. Сам посол в Чехословакии С.С. Александровский осторожно жаловался на недостаток сведений. В частности, информация о контактах между военными, а также о торговых отношениях часто шла мимо него.

К сожалению, даже сегодня у нас нет доступа ко всем документам, которые могли бы осветить и расшифровать отдельные шаги тогдашней великой игры вокруг независимости Чехословакии. Президент Э. Бенеш объективно рассматривал эту игру как часть неотвратимо приближавшегося крупного военного конфликта между миром демократии и его союзниками, с одной стороны, и правыми диктатурами, с другой. Вероятность большого мирового конфликта в середине 1930-х годов оценивалась им весьма высоко. Бенеш часто подчеркивал это в своих долгих беседах, в том числе с послом Александровским.

Уже 19 августа 1933 г. на первой встрече посла Александровского с Бенешем, тогда еще министром иностранных дел (он стал президентом в 1935 г.), глава чехословацкой дипломатии заговорил о перспективах Германии и Европы после избрания Гитлера на пост канцлера. Его прогноз, в изложении советских дипломатов, был следующим: «Гитлеровский режим основался в Германии на много лет. Этим Бенеш не хочет сказать, что гитлеризм стабилен или имеет жизненную почву и корни для своего существования. Наоборот. Через ряд глубочайших потрясений как внутренних, так и международных

Германия вернется к [...] демократизму, но это будет лет через десять-пятнадцать. Тем временем можно ожидать всего, вплоть до военных столкновений в Европе» [Запись разговора...]. Этот прогноз сбылся полностью.

До сего дня, кроме закрытых для исследователей документов (например, личных папок дипломатов, фондов коллегии Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) и т.д.), недоступны также (за редким исключением) телеграммы, которыми НКВД обменивался с советскими послами за рубежом. Эти телеграммы (а их — в определенные периоды отправляли целыми пачками) помогли бы прояснить ряд загадок, которые до сих пор не дают пролить свет на развитие сентябрьского кризиса 1938 г. с точки зрения советско-чехословацких отношений и служат причиной жарких споров — не только историков, но и политически ангажированных журналистов. Телеграммы были основным средством информации в дни сентябрьского кризиса, и нам в мозаике источников их явно недостает.

В этой связи ценно открытие каждого документа, тем более — ключевого. Так обстоит дело и тогда, когда исследователям открывают документ, который ранее публиковался в дипломатических изданиях, но не вводился в научный оборот. В нашем конкретном случае это ответ советского руководства на два вопроса президента Бенеша, поставленные им 19 сентября 1938 г.¹ Ниже мы рассмотрим эти документы подробнее.

Наращение кризиса

Разумеется, публично советское руководство формулировало свои интересы несколько иначе, нежели они предстают из анализа внутренних дебатов, переговоров, стратегических концепций советской внешней политики. Основами последней были прагматизм и определенный политический реализм. Без глубокого знания этих внутренних оснований исследование внешней политики не может продвинуться далее. С точки зрения СССР, его действия частично ограничивал тот факт, что советская помощь Чехословакии, в случае нападения на нее, была привязана к предоставлению помощи ей со стороны Франции. Об этом советские лидеры неоднократно напоминали не только чехословацким, но и британским и французским представителям. 2 сентября 1938 г. в Москве народный комиссар иностранных дел М.М. Литвинов вновь подтвердил это французскому поверенному в делах Ж. Пайарту [Záznam o rozhovoru...]. Тем не менее нельзя отрицать последовательные усилия Советского Союза в целях укрепления политики коллективной безопасности с использованием всех имевшихся тогда внешнеполитических и международных механизмов и инструментов. В 1938 г. советское руководство предприняло и ряд дипломатических шагов в поддержку Чехословакии.

В более широком ракурсе нельзя игнорировать чрезвычайно важный для СССР дальневосточный контекст, повлиявший на сдержанный подход советского руковод-

1 Копии документов, о которых будет далее идти речь, презентовала российский историк Н.А. Нарочницкая на конференции в Палате депутатов парламента Чехии в мае 2013 г.

ства к ситуации с безопасностью в Европе. С начала 1930-х годов напряженность на Дальнем Востоке росла, в основном из-за все более агрессивной политики Японии, превратившейся в милитаризованное государство. В 1931 г. она захватила китайскую Маньчжурию. С того времени японская армия находилась в непосредственном соприкосновении с советскими пограничными войсками. Летом 1938 г. серия незначительных столкновений завершилась нападением японских частей в районе озера Хасан, которое советские войска отразили ценой больших потерь. С точки зрения целостной картины важно, что Япония отвлекала на себя порядка одной шестой советских вооруженных сил. Естественно, что чехословацкая дипломатия внимательно следила за дальневосточными событиями.

Советское руководство вполне отдавало себе отчет в подходе Запада к росту напряженности в Центральной Европе. В письме Александровскому от 11 августа 1938 г. Литвинов писал: «Конечно, мы крайне заинтересованы в сохранении независимости Чехословакии, которая мешает гитлеровскому наступлению в юго-восточном направлении, однако без западных держав мы вряд ли можем предпринять что-то существенное. Они считают необходимым искать сотрудничество с нами, но при этом нас самих игнорируют и в отношении германо-чехословацкого конфликта решают все между собой. Нам неизвестны факты, что сама Чехословакия когда-либо напоминала своим западным друзьям о необходимости привлечения к процессу СССР» [Письмо М.М. Литвинова... 11.08.1938]. Речь шла о том, что западные державы могли бы согласиться на участие СССР в решении европейских проблем, признать его равным партнером, который бы участвовал в важнейших конференциях, излагая свою точку зрения. Однако правительства, проводившие политику умиротворения, не желали этого. Пессимизм Литвинова основывался, в частности, на информации советского посла в Париже Я.З. Сурица и его лондонского коллеги И.М. Майского [Майский]. Они постоянно упоминали о соответствующем подходе западных держав. И Франция, и Великобритания, имевшие обширные колониальные империи и глобальные интересы, опасались СССР и коммунизма. Советская дипломатия вновь, как и в начале 1920-х годов, настаивала, чтобы Советский Союз воспринимали как равноправного партнера. Однако этого СССР не дождался ни тогда, ни позже, после Второй мировой войны. При этом Литвинов в инструкциях Александровскому указывал, что нежелательно открыто критиковать Англию и Францию: «В разговорах с Бенешем можете руководствоваться этими соображениями, не поддерживая, однако, слишком густо нашу незаинтересованность в европейских делах. Говорить в этом духе Вам будет теперь тем легче, что дальневосточный конфликт в данное время более или менее ликвидирован и нас нельзя упрекать больше в том, что мы увлеклись дальневосточными делами в забвении европейских интересов». Но реальность была далеко не такова.

Существенно недооцененным событием стала дискуссия на XIX сессии Генеральной Ассамблеи Лиги Наций в Женеве, которая непосредственно касалась Чехословакии. Сессия состоялась 21-го сентября 1938 г. По стечению обстоятельств переговоры в Лиге Наций совпали по времени с первой волной кризиса и давлением на Чехословакию со стороны Германии.

Хотя чехословацкий вопрос первоначально обсуждать не планировалось, он появился в повестке дня. Советскую делегацию возглавлял М.М. Литвинов. В нее входили послы во Франции и Великобритании Я.З. Суриц и И.М. Майский, а также А.Ф. Меркалов и А.М. Коллонтай. После ежегодного доклада генерального секретаря Лиги Наций (шотландца Дж. Э. Драммонда. — *Прим. пер.*) слово взял Литвинов, выступивший с пламенной речью в защиту Чехословакии.

Критикуя бездействие Лиги Наций, советский нарком апеллировал к тому, что организацию создали для защиты от агрессии, «чтобы заменить систему военных договоров, коллективных организаций, чтобы помочь жертвам агрессии» [ДВП. Т. XXI. Док. 357. С. 501], а она в этом плане ничего не сделала. «Абиссиния и Австрия потеряли свое самостоятельное существование, вследствие грубого насилия над ними, — говорил советский нарком. — Китай второй раз за семь лет стал жертвой японской агрессии и иностранного нашествия — Испания — уже третий год истекает кровью в результате вооруженного вмешательства в ее внутренние дела двух агрессоров». Под угрозой не скрываемой агрессии — находится Чехословакия, продолжал Литвинов, подчеркнув, что СССР всегда настаивал на том, чтобы Лига Наций максимально поддерживала жертв агрессии, и в частности, пытался организовать коллективное сопротивление аншлюсу Австрии, предотвратить агрессию Германии против Чехословакии и какие-либо уступки в ущерб чехословацким национальным интересам. Далее нарком заявил: «Избежать проблематической войны сегодня, и получить верную и всеобъемлющую войну завтра, да еще ценою удовлетворения аппетита ненасытных агрессоров и уничтожения и изуродования суверенных государств, не значит действовать в духе Пакта Лиги Наций» [Там же, с. 509].

Речь Литвинова встретила восторженное одобрение зала, в котором не было ни одного свободного места. Через день наркома телеграммой поздравил Сталин, лаконично заметивший: «Речь получилась у Вас замечательная» [Телеграмма...].

Подход СССР к росту напряженности в Европе, вымогательским методам Гитлера и интенсивной милитаризации Германии Литвинов открыто изложил постоянному представителю Чехословакии при Лиге Наций А. Гейдриху в беседе от 11 сентября 1938 г. Он сказал, что СССР считает войну неизбежной. Но зная, что Запад желает уничтожить Гитлера руками Сталина и Сталина руками Гитлера, СССР не намерен вступать в войну с самого начала. Советский Союз помнит, как в Первой мировой войне после битвы на Марне западные войска выжидали, когда немецкая армия ослабнет, ценой жизни миллионов русских солдат, до такой степени, что ее можно будет одолеть. Если Запад считает, что так будет и впредь, это в корне неправильно. Литвинов подчеркнул, что на этот раз именно СССР будет выжидать и работать над тем, чтобы добиться справедливого и прочного мира [Heidrich, s. 120].

Однако Москва выразила готовность оказать военную помощь Чехословакии в соответствии с соответствующими статьями Пакта Лиги Наций и советско-чехословацким договором 1935 г. Позиция СССР в значительной степени контрастировала с отношением к Чехословакии западных демократий, прежде всего союзной Франции. В то же

время Советский Союз, несмотря на сдержанное отношение к Чехословакии, заявлял о своей верности принятым обязательствам и пытался влиять на события, оказывая давление дипломатическими средствами — в частности, в связи с действиями Польши в сентябрьском кризисе 1938 г. (*Польша высказалась против возможности переброски Красной армии на помощь Чехословакии через свою территорию и начала военные учения возле советской границы. — Прим. пер.*).

Неудовлетворительное состояние чехословацко-советско-французского альянса и необеспеченность обороны Чехословакии перед лицом притязаний гитлеровской Германии были очевидны для всех заинтересованных сторон уже летом 1938 г. В 1938 г. советские представители неоднократно призывали Чехословакию и Францию к переговорам на уровне начальников генеральных штабов. Французское руководство заявило, что этот вопрос можно обсудить с военным атташе Франции в Москве. Чехословацкая сторона ответила аналогичным образом, несмотря на то, что руководство ее армии выразило готовность к переговорам. На данном этапе уже невозможно было рассчитывать на потенциальную военную помощь СССР, не предпринимая дальнейших шагов. Но такие шаги не последовали. Нужно было вести конкретные переговоры, но развитие внутривосточной ситуации в СССР и отношение к СССР западных держав создавали неблагоприятную атмосферу. Поле маневра для Чехословакии сузилось. Аншлюс Австрии в марте 1938 г. сделал ее положение еще более драматичным. Сохранившиеся барьеры во взаимоотношениях с Советским Союзом не улучшали ситуацию. А иное решение — в виде активного военного сотрудничества с Францией — не было должным образом обеспечено.

Даже в конце августа 1938 г. не было достигнуто никакого соглашения по ключевому вопросу о том, каким образом советские войска могли бы прийти на помощь Чехословакии. Польша, со своей стороны, вела себя по отношению к Чехословакии все более враждебно. Позиция Румынии, бывшего партнера Чехословакии по Малой Антанте, также не отличалась лояльностью в свете советских притязаний на Бессарабию.

СССР продолжал поддерживать Чехословакию дипломатически. Это выражалось не только в общих заявлениях наркома Литвинова о необходимости укрепления коллективной безопасности в Европе, но и в конкретных мерах в соответствии с договором 1935 г. Бесспорным и наиболее ценным вкладом СССР в оборону Чехословакии стала продажа 60 советских бомбардировщиков СБ-2, разработанных конструкторским бюро А.Н. Туполева (в чехословацкой маркировке Avia B-71)¹, поставленных в два приема весной 1938 г. Эти самолеты являлись самыми современными для той эпохи и в горизонтальном полете имели скорость на 30 км больше, чем чехословацкий истребитель Avia B-534. Одновременно началась подготовка к лицензионному производству в Чехословакии примерно 160 СБ-2 самолетов для чехословацкой авиации, но производство затягивалось и бомбардировщиков поставили слишком поздно, после сентября 1938 г. [См подробнее: Voráček].

1 А.Н.Туполев с 1922 г. руководил конструкторским бюро, занимавшимся разработкой морских, боевых и транспортных самолетов, торпедных катеров и аэросанов.

В первой половине сентября напряжение между Германией и Чехословакией стремительно нарастало. 19 сентября 1938 г. посол Чехословакии в СССР З. Фирлингер по собственной инициативе попросил о встрече с первым заместителем наркома иностранных дел В.П. Потемкиным. В записи беседы приведены слова Фирлингера: «Чехословакия слишком многим рискует, воздерживаясь от мобилизации ради того, чтобы последняя не нарушила нормального течения переговоров, идущих между Англией и Францией с одной стороны, и Германией с другой стороны» [Запись беседы...]. Судя по записи, Фирлингер был возбужден и задал Потемкину, в частности, такой вопрос: «Ген. Файфр имевший в Москве беседу с т.т. Шапошниковым и Локтионовым, просит посланника осведомиться, — приняты ли какие-нибудь практические меры для обеспечения эвентуального перелета советских воздушных сил между известным пунктом в СССР и таким же пунктом в Чехословакии». Потемкин сухо заметил, «что лишен возможности ответить на этот вопрос. Содержание разговоров ген. Файфра с представителями нашего Генштаба мне неизвестны» [Там же, л. 68¹]. Александровский говорил нечто подобное и ранее. Возможно, советское военное командование и дипломаты действительно не информировали друг друга, но вероятнее всего, речь шла о некоей тактике советских дипломатов. В любом случае это было серьезным сигналом для чехословацкого государства.

Самой сложной проблемой для чехословацкого правительства было преодоление противоречий между социалистическим Советским Союзом и демократическим Западом. Однако сам президент Бенеш оказался не между демократией и диктатурой, а образно говоря, между Гитлером и Сталиным [Подробнее об этом см: Lukeš]. Он не смог преодолеть взаимное недоверие между Францией и СССР. В чехословацко-советских отношениях также возникало много недоразумений, в том числе между военными. Правительство Великобритании с его «имперской высоты» все более явно отказывалось предпринимать шаги для обеспечения безопасности небольшого государства (и не только из-за неподготовленности британской армии), не желая по выражению премьера Н. Чемберлена «из-за маленькой страны, где-то в центре Европы рыть окопы и натягивать противогазы». ² Нежелание было тем большим, что отношение Лондона к Чехословакии даже в 1920-е годы не было по-настоящему дружественным. По сути, Чехословакия попала в западню.

Со стороны Советского Союза в первой половине сентября 1938 г. неоднократно повторялись слова наркома Литвинова, подтвержденные его первым заместителем Потемкиным в разговоре с З. Фирлингером 15 сентября: «СССР предоставит все свои ресурсы для совместных действий» [Telegram Fierlinger...]. Следует помнить, что в оборонной концепции президента Бенеша Советский Союз играл важную роль. Бенеш рассчитывал не только на «ограниченную прямую военную помощь с Востока,

1 Копия той записи, как и других в сентябре 1938 г., была немедленно передана И.В. Сталину, который пристально следил за ситуацией в Чехословакии.

2 Выступление Н. Чемберлена в английском радиовещании BBC, 27 сентября 1938 г.: “How horrible, fantastic, incredible it is that we should be digging trenches and trying on gas — masks here because of quarrel in a far away country between people of whom we know nothing” [BBC Broadcast... цит. по: Prime Minister on the Issues... p. 10].

прежде всего по воздуху (и для чехословацких ВВС), но и, не в последнюю очередь, на то, что Москва возьмет на прицел Польшу, правительство которой еще в 1938 г. отказалось искать модус вивенди с Чехословакией» [Dejmek, Eduard Beneš... s. 185–186]. Вот что он говорил С.С. Александровскому 18 мая 1938 г.: «Дальше Бенеш предлагал представить себе самое худшее. Чехословакия оставлена без помощи, и Германия более или менее быстро разбивает ее армию. Тогда, говорил Бенеш, можете быть уверены, что мы все-таки будем драться, пробиваясь на Восток для соединения с Красной армией. Вся моя забота будет направлена на сохранение армии, или хотя бы ее частей, которые унесут с собой чехословацкую независимость, будут драться в рядах чужих армий и снова вернутся победителями на свою родину» [Разговор М.М. Литвинова...].

Президент опирался на военно-политическую концепцию, согласно которой армию, если ей не удалось бы отступить в Румынию, следовало постепенно отводить на восток (подобно сербской армии в начале Первой мировой войны), чтобы сохранить один из элементов суверенитета чехословацкого государства, который должен был пригодиться в совместной с союзниками борьбе против нацистской Германии. Но расчеты еще не означали реальное сотрудничество, о чем очень хорошо знали прежде всего в Москве.

Ситуация стала еще драматичнее, когда чехословацкое правительство получило 19 сентября англо-французский план. Этот план возник после первой встречи премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена с А. Гитлером в Берхтесгадене, где было принято решение принять требование Германии о передаче ей Судетской области. Президент Бенеш уже утром 19 сентября был проинформирован послом в Париже Ш. Осуским о вероятном британско-французском предложении насчет того, чтобы Чехословакия уступила Германии районы с преобладанием немецкого населения [AMZV. TD 1038. № 830/38, продолжение: № 845/38; опубликовано: DČSZP. 1938. Sv. 2. Dok. č. 625. S. 322–323.¹]

Официально президента об этом плане уведомил британский посланник в Праге Б. Ньютон 19 сентября в 13.55. К нему в 14.05 присоединился французский посланник В.Л. де Лакруа, и они совместно вручили Бенешу меморандум, англо-французский план, суть которого состояла в том, что Чехословакия должна удовлетворить желание Гитлера о передаче Судетской области Германии. Судя по воспоминаниям Бенеша, предложение двух великих держав его потрясло [Beneš, Mnichovské dny, s. 241–252]. При этом Бенеш не мог знать о словах французского союзника, премьер-министра Э. Даладье, предложившего в случае несогласия Чехословакии «оказать на президента Бенеша самое сильное давление...». Презрительно взирая на интересы маленького государства, пусть и союзника, с позиций великой державы, французский премьер подчеркивал, что нельзя позволить Бенешу «решать вопрос о войне и мире» [Record of... s. 142].

1 Телеграмма посланника Чехословакии во Франции Ш. Осуского министерству иностранных дел ЧСР 19 сентября 1938 г.

Следующие два часа, до 17.15, президент совещался с правительством. Бенеш пригласил на личную беседу и советского посла Александровского, с которым в последние месяцы он находился в постоянном контакте. Полпред СССР прибыл на Пражский Град в 17.30 и более часа обсуждал с президентом текущую ситуацию [Audience...].

Два вопроса Сталину

Ключевую роль в отношении Советского Союза сыграли два вопроса президента Бенеша, заданные советскому правительству через посла С.С. Александровского в вышеупомянутой беседе. Проблема в том, в какой именно форме они, особенно второй, были заданы. Помимо вопросов, Александровский отправил в Москву более обширную информацию о переговорах с Бенешем и свои комментарии. У нас есть записи переговоров с обеих сторон, что позволяет их сравнивать. Согласно собственному свидетельству Бенеша, 19 сентября 1938 г. он задал Александровскому следующие вопросы [Beneš, Mnichovské dny, s. 216–317]:

«1) Что сделает СССР, если Франция выполнит свои союзнические обязательства перед Чехословакией?

2) Как поведет себя СССР, если Чехословакия будет настаивать на своем сопротивлении Германии даже в случае отказа Франции от своих обязательств?»¹

Однако в донесении Александровского в НКВД второй вопрос был сформулирован более узко: «Поможет ли СССР Чехословакии в качестве члена Лиги Наций на основании ст. ст. 16 и 17 Устава Лиги наций, если в случае нападения Германии, Бенеш обратится в Совет Лиги наций с просьбой о применении упомянутых статей» [Telegram S.S. Alexandrovského...].

Чешский историк И. Пфафф в своей работе о «советском предательстве 1938 г.» утверждает, что запись Бенеша является ошибочной [Pfaff, Sovětská zrada, s. 110–111], но аргументы, которые Пфафф приводит, не очень убедительны, потому что здесь, среди прочего, у нас еще есть запись разговора советской стороной. Однако и к этому надо отнестись критически. Сразу после возвращения в свою резиденцию на виллу «Тереза» в пражском районе Винограды Александровский поздно вечером 19 сентября (после 22 часов по московскому времени) подготовил обширный отчет о встрече с Бенешем (в том числе о заданных президентом вопросах), зашифровал и отправил в Москву незадолго до полуночи [DMČSSV. Díl 3. Dok. 341, s. 554–555; ДМИСЧО. Т. 3. Док. 341, с. 504–505].

В те дни М.М. Литвинов находился в Женеве, где 21 сентября ему предстояло выступить в защиту Чехословакии. В Москве телеграмму №17732 из Праги получили и рас-

1 В оригинале на чешском:

«1) Co učiní SSSR, jestliže Francie vyplní své závazky vůči Československu.

2) Jaký bude postup SSSR, kdyby Československo vytrvalo na svém odporu i v případě francouzského odmítnutí vlastních závazků» [Beneš, Mnichovské dny, s. 216–217].

шифровали утром 20 сентября¹. В НКВД вопросом занялся первый заместитель наркома В.П. Потемкин. Утром же 20 сентября он подготовил письмо и отправил курьера к И.В. Сталину, Л.М. Кагановичу, К.Е. Ворошилову и В.М. Молотову. К письму прилагался сформулированный им проект ответов на вопросы Бенеша.

Письмо Потемкина Сталину от 20 сентября 1938 г. ранее было совершенно неизвестно исследователям, но заслуживает пристального внимания, поскольку оно позволяет проследить за процессом непосредственно по действиям ведомства, отвечавшего за внешнюю политику СССР. В особенности это касается поведения главных действующих лиц в момент пика кризиса, когда можно было предложить только два решения. В дополнение к анализу вопросов Бенеша, сделанному Александровским, Потемкин приписал: «Прошу сегодня же обсудить, что следует ответить Бенешу, который рассчитывает, что наш ответ получит до 21-го» [Письмо заместителя...]. Потемкин был достаточно откровенен (отметим, что письмо было адресовано прежде всего Сталину!), формулируя свое мнение:

«Со своей стороны полагаю, что на оба вопроса, поставленные нами Бенешем, мы не можем дать иной ответ, кроме положительного. При этом я предложил бы сообщить Бенешу, что о содержании нашего ответа данного чехословацкому правительству мы одновременно ставим в известность и французское правительство» [Там же]. Письмо Сталину было написано на бланке заместителя наркома иностранных дел, предложение дать ответ президенту Бенешу — на листе без бланка, но соответствующее задокументированном.

Письмо Потемкина было очень своевременным. Речь шла о ключевом моменте кризиса в Центральной Европе, за которым советское руководство внимательно следило. Сталин вызвал членов Политбюро в Кремль. Эти «вопросы Народного комиссариата иностранных дел» (см. с. 64, 65) обсуждались во второй половине дня 20 сентября 1938 г., с 14.15 до 17.45 по московскому времени [На приеме у Сталина... с. 240]. Вопреки привычке Сталина обсуждать вопросы сначала с отдельными членами Политбюро, на сей раз все были в сборе с самого начала (к сожалению, стенографирование на том заседании не велось). Проект ответа, предложенный Потемкиным, одобрили с небольшим дополнением [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 592. Л. 46. Особая папка]. Текст ответа стал частью постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 сентября 1938 г. (находится в «особой папке») [Решения...]. Документ подписали И.В. Сталин, В.М. Молотов, Л.М. Каганович, К.Е. Ворошилов и Н.И. Ежов.

Политбюро постановило следующее:

«1) На вопрос Бенеша о том, окажет ли Советский Союз немедленную и реальную помощь Чехословакии, если Франция остается ей верной и тоже окажет помощь, можете дать от имени Правительства Советского Союза утвердительный ответ.

1 К сожалению, в отличие от документов чехословацкого происхождения, в документах НКВД не обозначалось время получения или отправки телеграммы — только дата. Оригиналы телеграмм до сих пор недоступны исследователям (Прим. авт.)

2) Такой же утвердительный ответ можете дать и на другой вопрос Бенеша, — поможет ли СССР Чехословакии как член Лиги Наций на основании ст. ст. 16 и 17, если, в случае нападения Германии, Бенеш обратится в Совет Лиги Наций с просьбой о применении упомянутых статей.

3) Сообщите Бенешу, что о содержании нашего ответа на оба его вопроса мы одновременно ставим в известность и французское правительство» [Там же].

Текст постановления был немедленно передан В.П. Потемкину, который не принимал участия в этой встрече, поскольку не был членом Политбюро (видимо, присутствовал в приемной кабинета Сталина в Кремле). Однако в следующие дни он уже лично участвовал в заседаниях Политбюро [На приеме у Сталина... с. 240]. Текст ответа советского правительства отправили немедленно по телеграфу послу Александровскому. В то же время Потемкин лично передал ответ прибывшему в здание НКВД чехословацкому послу З. Фирлингеру, который, после шифрования, в срочном порядке отправил его в МИД Чехословакии. Однако в варианте Фирлингера ответ несколько отличался от текста Политбюро: «Правительство СССР занималось вопросами, поднятыми президентом на встрече с Александровским. Потемкин сказал мне ответ на первый вопрос. Если Франция остается верной своим обязательствам, СССР поможет быстро и действенно. Ответ правительства СССР на первый вопрос Бенеша — «да». Ответ на второй вопрос, выполнит ли СССР свои обязательства в случае обращения Чехословакии в Лигу Наций согласно 16 и 17 пункту ее устава, — тоже «да», в каждом из случаев» [AMZV. PZ Moskva. TD 857/38; *Nové dokumenty...* s. 342 (первая публикация документа)]. Деша Фирлингера была отправлена в Прагу в 17.38 по московскому времени, до МИД Чехословакии она дошла в 19.37 по средневропейскому. Расшифровка была готова в 20.20 по средневропейскому. Ответ советского руководства быстро передали по телефону президенту Бенешу, который в то время обсуждал с правительством англо-французский план.

Текст ответа советского правительства на два вопроса президента Бенеша известен давно, его впервые опубликовали в сборнике документов еще в 1958 г. Но некоторые детали еще никто не проверял, поскольку историки не имели доступа к оригиналу или факсимиле документа — в их распоряжении была только отредактированная запись. Кроме того, письмо В.П. Потемкина Сталину также оставалось недоступным. Трактовок опубликованного текста ответа на вопросы президента Бенеша, как и дебатов по одному из ключевых документов советской внешней политики в сентябре 1938 г., было много. Достаточно упомянуть оценки в работах И. Пфаффа в 1990-е годы, затем И. Лукеша и, наконец, Й. Деймека, который, конечно же, не обошел вниманием этот документ в своей книге об Э. Бенеше [Pfaff *Die Sowjetunion...*; Lukeš, s. 222–225; Dejmek, *K československo-sovětským...* s. 80–105].

В.П. Потемкин в письме к И.В. Сталину четко отразил главную внешнеполитическую линию советского правительства. Ответом на оба вопроса было категорическое «да». Сталин написал в верхней части письма: «Согласен с нижеследующим предложением для ответа на телеграмму Александровского». В нижней части письма стояли подписи членов Политбюро: Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова и Ежова. Как мы

можем убедиться на материалах российских архивов, в последующие дни, вплоть до 28 сентября 1938 г., Политбюро продолжало заниматься чехословацким вопросом. Однако, к сожалению, в эти дни не было принято никаких постановлений, которые непосредственно касались Чехословакии. Не существует и стенограмм, поскольку заседания Политбюро стенографировались выборочно, скорее из необходимости записывать слова отдельных выступающих для последующей публикации в измененной форме в газетах. Точные данные мы могли бы узнать из «особых папок». Тем не менее, в те дни была объявлена и проведена частичная мобилизация в западных военных кругах СССР, дело дошло до передислокации войск. Об этом будет подробно сказано далее¹.

Пока в Кремле обсуждался чехословацкий вопрос, 20 сентября в Праге состоялись интенсивные дискуссии на разных уровнях. На самом высоком уровне собрался Политический комитет министров под председательством Э. Бенеша. Президент открыл слушание в 11 часов утра, заседание длилось два с половиной часа. Основной темой стал обмен мнениями по вопросу о советской помощи. Министры Ф. Ежек и Я. Шрабек высказались в ее пользу, в то время как депутат парламента от Торгово-ремесленной партии среднего класса Р. Млчох выразил категорический протест. Министр иностранных дел К. Крофта в ответ рассказал о своей беседе с М.М. Литвиновым в Женеве. Согласно протоколу министра Ежека (официальная стенограмма заседания комитета не была принята), Литвинов прямо сказал: «СССР готов прийти на помощь даже в случае, если Франция не выполнит свои обязательства, но Чехословакии необходимо потребовать решение Лиги Наций, которое бы четко обозначило агрессора. Иначе в случае оказания помощи агрессором признают СССР» [Ježek, s. 686]. Президент Бенеш напомнил, что такое решение должно быть единогласным, что вряд ли реально с учетом взглядов правительств Франции и Великобритании. «Сегодняшнее состояние Лиги Наций печально, — отметил он. — Лига Наций разочаровала своими действиями по Эфиопии и Испании. Хотя там нет Германии, Лига Наций будет делать то, что попросят Англия и Франция». Министр Р. Бехине добавил: «И у англичан будет новый аргумент против нашей большевизации» [Ibid]. В то же время из-за границы поступили сообщения, в которых говорилось об усилении давления на Чехословакию с целью принятия англо-французского плана по передаче территорий (*Судетской области от Чехословакии к Германии. — Прим. пер.*).

Во второй половине дня 20 сентября, между 13.00 и 17.00, состоялись встречи представителей западных держав. Правительства Великобритании и Франции ждали ответа из Праги. Вечером в Лондоне собрался «внутренний кабинет».

Среди важных международных дипломатических событий этого дня, помимо вышеупомянутых, примечательны переговоры болгарского царя Бориса III и А. Гитлера в Берлине. «В британских архивах сохранились слова болгарского царя Бориса, кото-

¹ К сожалению, в государственных военных архивах России, особенно в Архиве министерства обороны (АМО) в Москве и Подольске, а также в Российском государственном военном архиве (РГВА) до сих пор недоступны полностью документы Генштаба СССР. Российские историки этим вопросом в последние годы не занимались (кроме О.Н. Кена). (Прим. авт.)

рый в ночь с 20 на 21 сентября убеждал Гитлера и Г. Геринга в том, что Чехословакия не останется в изоляции в случае войны. В таком случае началась бы мировая война, в которой Советский Союз представлял бы самую серьезную опасность для Германии. Даже если бы Германия вначале добилась успеха в боевых действиях против Запада, решающую роль сыграли бы русские. Ресурсы России бесконечны и будут полностью использованы на войне, а Германия скоро окажется истощена. У Бориса сложилось впечатление, что Гитлеру стало от этого не по себе, хотя он и не согласился с его аргументами. Английские дипломаты настолько заинтересовались разговором, что дважды повторили слова Бориса» [Zprávy britského... Цит. по: Král, s. 73].

С улиц чешских и словацких городов приходили сообщения о настроениях людей, в известной мере сформированных под влиянием лозунгов политических партий. В частности, коммунисты подчеркивали помощь Советского Союза: «Советский Союз с нами!», «С нами Москва, с нами демократы всего мира!» [AKPR.D 9800/1457/38] Газета «Лидове новины» (*где работал знаменитый писатель Карел Чапек. — Прим. пер.*) стала местом встречи политиков, которые призывали не идти на капитуляцию: «Господин президент, сейчас от Вас зависит, сдадимся ли мы... Капитуляция означает моральное и политическое крушение на поколения вперед. Мы бы не оправились от этого. Возьмем ли мы на себя риск войны... Повсюду есть люди, которые будут стоять за Вас и идти с Вами до конца... Я говорю открыто, и это мнение многих моих друзей: мы предпочитаем худший риск войны, нежели позорную капитуляцию, которая уничтожит в нас все чешское, сильное и решительное» [Dopis H. Ripky...].

Глава МИД Чехословакии К. Крофта 20 сентября в 19.45 передал послам Великобритании и Франции ответ руководства страны на англо-французскую ноту от 19 сентября, в которой содержалось требование к чехословацкому правительству уступить пограничные регионы, где свыше 50% населения составляли этнические немцы [Ježek, s. 686]. Англо-французские предложения были отклонены. Британский посол Б. Ньютон не замедлил заявить, что ответ неудовлетворителен, и потребовал немедленной встречи с Крофтой. На этой встрече, состоявшейся ночью, в частности, обсуждалась возможность обращения к международному арбитражу.

О решении советского правительства президенту Бенешу доложили около 20.30. Однако оно уже не играло никакой роли и не могло изменить позицию чехословацкого правительства. Поздно вечером управление президента получило от посольства Франции извещение о том, что в Париже и Лондоне сообщения своих послов рассмотрят в течение ночи [Beneš, Mnichovské dny... s. 259].

Очередной бессонной (для Чехословакии) ночью с 20 на 21 сентября, в 02.00, послы Великобритании и Франции представили президенту Бенешу ожидаемый демарш. Президент «справедливо сказал, что, учитывая тон и содержание, предложение двух сверхдержав является ультиматумом» [Záznam Krofty...]. От Чехословакии требовали безоговорочно принять англо-французский план. Ночная аудиенция послов длилась до 03.45, обсуждение продолжалось [ibid]. Три известные записи той ночной встречи

многократно обсуждались в литературе. Наиболее примечательным фрагментом является просьба президента Бенеша о помощи: «Если мы примем приговор, я прошу о помощи против германской пропагандистской кампании и мобилизации». Ответ послов был единодушным: «Необходимо безоговорочно принять план, и только после полного и ясного его принятия можно ставить такие вопросы» [Newton z Prahy... Цит. по: Král, s. 84].

Еще до отъезда послов было созвано совещание, в котором приняли участие премьер-министр М. Годжа, его заместитель Р. Бехине, глава МВД Й. Черный, министр иностранных дел К. Крофта и депутат парламента Й. Млчох. После отъезда послов к ним присоединился президент. Другие члены Политического комитета (министр здравоохранения и спорта Ф. Ежек и министр образования Э. Франке) ожидали в президентской приемной [Ježek, s. 690]. После совещания состоялось заседание Политкомитета, продолвшееся до 05.45 утра. К этому времени президент Бенеш уже знал позицию советского правительства.

По свидетельству Ежека, имело место много истеричных выступлений. На его слова, что «действия России без согласия Лиги Наций были бы наихудшим вариантом», президент Бенеш ответил: «Это было бы самым худшим! Запад, как и страны “Оси” (Германия, Италия и Япония. — *Прим. пер.*), подумает, что настало время идти крестовым походом против большевизма. Весь мир поднимется против нас, если мы будем наедине с СССР против Германии» [Ibid, s. 692]. Такова была жестокая реальность той ситуации, своего рода «красная линия», переступить которую Бенеш не собирался.

Решения Политического комитета министров были объявлены на внеочередном заседании правительства в шесть утра 21 сентября. Руководство Чехословакии в итоге согласилось с условиями англо-французского плана, даже не спросив мнение парламента. Разумеется, вопрос о возможной советской помощи обсуждался, позиция СССР получила положительную оценку. Однако такой путь сочли невозможным. Большую роль сыграло мнение представителей армии: «...изолированный конфликт стал бы ошибкой для Чехословакии, тем более что в таком случае существует риск подвергнуться нападению со стороны других соседних государств» [Protokol o mř...]. В конечном итоге советскую помощь отвергли еще по одной причине, со следующей аргументацией: «Если говорить о России, то с отказом Франции от своих обязательств пала система, на которой основывалась бы русская помощь. Даже если бы Россия заявила, что удовлетворена объявлением Германии агрессором со стороны большинства членов Лиги Наций все равно этот путь (принятие помощи. — *Прим. пер.*) был бы неприемлем — хотя бы потому, что помощь со стороны большевистской России настроила бы против нас весь западный мир» [Ibid].

Вечером 21 сентября в 20.30 министр Крофта сообщил циркулярной депешей чехословацким представительствам о принятии Чехословакией англо-французских требований. Еще раньше в 17.00 ответ чехословацкого правительства правительствам Франции и Великобритании был передан французскому и великобританскому посланникам в Праге [Nóta vlády, s. 359–360].

Позднее в своих мемуарах Бенеш отметил, «ни одно из условий, включенных в текст нашей ноты от 21 сентября, входе дальнейших действий великих держав с момента раздела и занятия территории Чехословакии после мюнхенской конференции и до немецкого вторжения 15 марта 1939 г. выполнено великими державами не было» [Beneš, Paměti... s. 347].

За опубликованием решения правительства о капитуляции под нажимом союзников быстро последовала реакция народа. Она была предсказуемо негативной, и правительство Годжи ушло в отставку. 23 сентября 1938 г. объявили мобилизацию, что едва ли могло стратегически изменить ситуацию.

После решения чехословацкого правительства принять британско-французский план советское руководство продолжало пристально следить за ситуацией и провело военные учения на своей западной границе. Тем не менее на Ассамблее Лиги Наций в Женеве Литвинов подтвердил положительный ответ на запросы чехословацкого президента от 21 сентября. Он еще раз ясно изложил точку зрения Советского Союза после того, как Чехословакия объявила мобилизацию: «Советский Союз готов помочь Чехословакии и вне рамок договора о взаимопомощи — и на основании решений Лиги Наций, и на основании своего собственного добровольного решения» [DMČSSV. Díl 3. Dok. 369, s. 581–582; ДМИСЧО. Т. 3. Док. 369, с. 529–530. Для сравнения: Lvová, s. 210]. Советское руководство устами Потемкина выразило посланнику Фирлингеру свое искреннее удивление, почему Чехословакия не задала еще один вопрос, который прямо напрашивался. По словам Фирлингера, Потемкин сказал, что «удивился, почему наше правительство никогда не задавало вопрос о безусловной помощи со стороны СССР. Мы договорились о том, что Праге необходимо немедленно уточнить, будет ли Франция оказывать военную помощь, потребуется ли от нас еще что-то. Ответьте немедленно» [DČSZP. 1938. Sv. 2. Dok. 674, s. 365¹].

В первом раунде решающей игры вокруг Чехословакии руководство Советского Союза продемонстрировало свою готовность оказать помощь в соответствии с действующим договором о взаимопомощи. Его действия на международных площадках казались особенно яркими на фоне разочарования политикой умиротворения агрессора, которую избрали великие державы демократического Запада. Путь к Мюнхенскому соглашению открывался все отчетливее. Те события существенно повлияли также на дальнейшее развитие Советского Союза и направление его внешней политики.

23 сентября 1938 г. в Женеве нарком Литвинов произнес речь, где еще раз призвал мировое сообщество к противостоянию агрессору. По словам Литвинова, принятие чехословацким правительством британо-французского плана по решению судетского кризиса дало Советскому Союзу моральное право отказаться от обязательств, которые

1 22 сентября 1938 г. Телеграмма чехословацкого посланника З. Фирлингера в СССР министру иностранных дел К. Крофта о разговоре с заместителем народного комиссара иностранных дел СССР В.П. Потемкиным. Этот документ был опубликован уже в 1958-ом году.

он нес в соответствии с советско-чехословацким договором 1935 г. Однако он оговорился, что договор по-прежнему действует [ДВП. Т. XXI. Док. 368, с. 519].

В ночь с 27 на 28 сентября, в момент непосредственной угрозы немецкой агрессии, президент Бенеш передал через Фирлингера просьбу о помощи со стороны советских ВВС. Советское руководство уже не отреагировало на эту срочную просьбу. А вскоре в Мюнхене начались переговоры, проходившие без участия как чехословацких, так и советских представителей. Они завершились подписанием Мюнхенского соглашения.

Советские военные мероприятия на западных границах в конце лета 1938 г.

Один из дискуссионных вопросов, обсуждаемых в связи с кризисом сентября 1938 г. и Мюнхенским соглашением — насколько сталинский Советский Союз в 1938 г. был готов защищать Чехословакию военными средствами? В этом контексте существует ряд других второстепенных проблем, связанных с положением Красной Армии и возможностями ее передислокации. Рассмотрим вкратце советские действия и возможности в военной сфере летом и в сентябре 1938 г.

В настоящее время большинство авторов согласны с тем, что основополагающий курс Москвы на поддержку Чехословакии с весны 1938 г. сомнений не вызывает. Тем не менее здесь еще много вопросов без ясных ответов или же с неоднозначными ответами. Надо сказать, что поведение разных государств в периоды обострения международных кризисов и во многих других случаях бывало неоднозначным.

Остается загадкой, в какой степени Москва была разочарована чехословацкими уступками и политикой ее западных союзников. Но так или иначе, Красная Армия получила в этот период ряд приказов о проведении мобилизационных мер. Советский Союз долго скрывал свои действия в военной области во время Мюнхенского кризиса, и первые документы и материалы по этому вопросу увидели свет лишь в 1970-х годах [Документы по истории...; DMČSSV. Díl 3. Dok. 354, s. 566–567. Документы и материалы...]¹ Более подробное описание кризиса и советских мер давалось во втором томе двенадцатитомной «Истории второй мировой войны», а также в мемуарах генерала М.В. Захарова [В чешском переводе *Dějiny druhé...*; Захаров]².

В сентябре 1938 г. Советский Союз развернул значительные воздушные и сухопутные силы (около 30 стрелковых дивизий, около 600 истребителей и бомбардировщиков, тяжелую технику, средства доставки, боеприпасы и топливо) на западе Украины, восточнее тогда польского Львова. Однако эта группировка (за исключением ВВС) могла бы прийти на помощь армии Чехословакии в случае ее войны с вермахтом только спустя несколько недель после начала военных действий.

1 21 сентября 1938 г. Директива народного комиссара обороны СССР К.Е. Ворошилова о проведении военных учений в районе государственной границы.

2 Во время Мюнхенского кризиса М.В. Захаров являлся помощником начальника Генштаба Красной Армии, а в то время, когда он писал свои мемуары (1969 г.), опубликованные 20 лет спустя, маршал Захаров сам занимал пост начальника Генштаба.

Мы еще не знаем деталей других советских решений, даже если о них можно догадываться... Известно, что 21 сентября (на следующий день после вышеупомянутого заседания Политбюро) в 18.00 нарком обороны маршал К.Е. Ворошилов приказал командованию Киевского особого военного округа провести крупные военные учения вдоль границы на участке Волочиск — Проскуров — Каменец-Подольский. Соединения, участвовавшие в маневрах, удалось развернуть 23–25 сентября 1938 г. Речь шла о силах Винницкой военной группировки: 4-м кавалерийском корпусе (состоявшем из 34-й, 32-й и 9-й кавалерийских дивизий), 25-м танковом корпусе (23-й и 26-й танковых бригадах, имевших на вооружении легкие танки) и 17-м стрелковом корпусе (96-й, 97-й и 72-й стрелковых дивизиях). В этих учениях не участвовали подразделения 2-го кавалерийского корпуса, но им, согласно приказу, в то же самое время следовало проводить маневры вблизи советско-польской границы.

Каждую из трех стрелковых дивизий предполагалось усилить восемью тысячами солдат и младших командиров из резерва. Это же касалось и остальных соединений. Из военно-воздушных сил, которые Ворошилов отправил на учения, были созданы три истребительных полка, три полка быстрых бомбардировщиков и один полк тяжелых бомбардировщиков. Для обеспечения своей деятельности в означенных районах, включая функционирование двух постоянных баз, военный совет Киевского особого военного округа по своему усмотрению имел право вызвать солдат и командиров из резерва [DMČSSV. Díl 3 (červen 1934 — březen 1939). Praha 1979. Dok. č. 352. S. 566 — 568; Захаров, с. 112–113]¹. Командовал учениями маршал С.К. Тимошенко, ставка которого переместилась из Киева в Проскуров (ныне город Хмельницкий. — *Прим. пер.*).

Два дня спустя, поздно вечером 23 сентября, нарком обороны К.Е. Ворошилов и начальник Генштаба Б.М. Шапошников отдали подобные приказы двум другим военным округам — Белорусскому и Калининградскому, причем Белорусский военный округ мобилизовал особенно значительные силы. На полоцком направлении предстояло сосредоточить 50-ю стрелковую дивизию в районе Горбули — Мышки — Росица — Волинцы, а бронепоезда — на станции Бигосово. В дальнейшем предстояло укрепление и перемещение 5-й стрелковой дивизии и 18-й танковой бригады в Полюдовичи, Слободу, к озеру Навлицкое. На лепельском направлении сосредоточили 24-ю кавалерийскую дивизию (без 1-го полка) и 16-ю танковую бригаду, а также 27-ю стрелковую дивизию и по одному кавалерийскому, стрелковому и гаубичному полку. Затем в районе Минска расквартировали 36-ю кавалерийскую дивизию, 100-ю и 2-ю стрелковые дивизии, 21-ю танковую бригаду, 7-ю кавалерийскую и 13-ю стрелковую дивизии. В районе Слуцка — 4-ю кавалерийскую дивизию. Все подразделения переместились из мест постоянной дислокации в новые районы. Личному составу ВВС поручили развертываться на аэродромах вблизи границы так, чтобы охватить Себеж, Полоцк, Минск и Слуцк. Скоростные бомбардировщики должны были взлетать из района Витебска и Орши, тяжелые — из мест постоянного базирования.

1 Однако в «Истории второй мировой войны» в ряде случаев приводятся большие значения численности воинских соединений (Прим. авт.) [Dějiny druhé... s. 101nn].

В тот же день командование Калининского военного округа получило приказ о перемещении 67-й стрелковой дивизии на западную границу СССР. Одновременно Ленинградскому, Калининскому, Киевскому, Белорусскому, Харьковскому и даже Московскому военным округам поступил приказ привести в полную боеготовность системы ПВО [Захаров, с. 112–113; История второй... с. 101–103]. Все это сопровождалось призывом резервистов в боевые части. 28 сентября Генштаб приказал военным советам и командирам всех округов европейской части СССР (вплоть до Кавказа) не демобилизовывать солдат и младших командиров, даже если срок их службы истек [Документы по истории... с. 314]. М.В. Захаров вычислил общее количество частей, находившихся в состоянии полной боеготовности. Это были танковый корпус, 30 стрелковых дивизий, 10 кавалерийских дивизий, 7 танковых бригад и 12 воздушных бригад, 7 частей укрепленных районов, войска ПВО — 2 корпуса, 2 бригады, 16 полков и несколько отдельных частей [Захаров... с. 114]. Хотя Захаров не обращался к архивным и другим источникам, во втором томе опубликованной в 1970-е годы «Истории второй мировой войны» его сведения нашли подтверждение. К тому же там приводились еще более подробные данные о мобилизационных мероприятиях Красной армии — на сей раз со ссылками на данные архивов министерства обороны. Указывалось, что 23 сентября 1938 г. в рамках учений часть формирований Белорусского особого и Калининского военных округов, вошедшие в незадолго до этого развернутые Витебскую и Бобруйскую армейские группы в Белоруссии, были приведены в боевую готовность и отправлены в место дислокации. (Данные события в приказе К.Е. Ворошилова не отразились.) В «Истории второй мировой войны» было уточнено и количество мобилизованных зенитных подразделений — 2 корпуса, 1 дивизия, 6 бригад и 31 полк [История второй... с. 102].

После первой волны мобилизации советское руководство приступило к мобилизации резервистов и тыловых подразделений. 29 сентября командования Киевского, Белорусского, Ленинградского и Калининского военных округов получили приказ привести в состояние боеготовности еще 17 стрелковых дивизий, 3 танковых корпуса, 22 танковые и 3 мотострелковые бригады и 34 авиабазы [АМО РФ Ф. 19а. Оп. 663. Д. 1. Л. 48; цит. по: История второй... с. 104]. Одновременно расположенные в тылу военные округа (Харьковский, Орловский, Московский, Северокавказский, Поволжский и даже Приуральский) получили приказ в течение двух дней призвать из запаса в свои подразделения по 250–275 командиров и политработников. По данным «Истории второй мировой войны», в боеготовность были приведены войска второй линии в количестве 30 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий, 2 танковых корпусов, 15 отдельных танковых бригад и 34 авиабаз. В воинские части из запаса призвали 330 тысяч человек, а еще несколькими десятками тысяч военных отменили демобилизацию, хотя их срок воинской службы подошел к концу [Там же].

В августе 1938 г., принимая в Москве главкома войск ВВС и ПВО Чехословакии Я. Файфра, советская сторона предложила помощь в размере 700 самолетов, которые помогли бы восстановить баланс между чехословацкой и германской военной авиацией. В этой связи нарком обороны Ворошилов направил в Политбюро (Сталину и Молотову) информацию с конкретным обозначением воздушных соединений Белорусского,

Киевского и Харьковского военных округов, которые были готовы к перелету в Чехословакию и к 30 сентября могли бы приступить к выполнению данного задания. Речь шла прежде всего о четырех доукомплектованных полках скоростных бомбардировщиков 10-й и 16-й воздушных бригад (246 скоростных бомбардировщиков СБ) и четырех истребительных полках 58-й и 69-й воздушных бригад, в которых находилось 302 истребителя И-16 [Документы по истории... с. 312–313].

Москва информировала чехословацкое правительство и французских представителей о своих шагах в военной области. 24 сентября 1938 г. начальник французского Генштаба М.Г. Гамелен сообщил советскому военно-воздушному атташе во Франции Н.Н. Васильченко, что на чехословацко-германской границе сосредоточено 30 (по другим разведывательным данным — 38) немецких дивизий и что все ВВС Германии дислоцированы близ границ Чехословакии. На следующий день Васильченко получил от наркомата обороны указание поблагодарить Гамелена за предоставленные сведения и передать ему, что советская сторона стянула к западной границе СССР 30 пехотных частей и некоторое количество кавалерии, что эти войска были доукомплектованы резервистами и что военно-воздушные, танковые и иные формирования Красной Армии находятся в состоянии боевой готовности. Об этих и других шагах 28 сентября 1938 г. повторно проинформировали военного атташе Франции в СССР А. А. Паласса [ДМИС-ЧО. Т. 3. Док. 374, с. 535–536].

Вот все, что мы знаем на сегодня. Дополнительная информация, особенно в отношении решений советского руководства, пока недоступна в российских архивах. Более поздние публикации не содержат ссылок на-какие-либо дополнительные документы по вопросу о подготовке Советским Союзом конкретной военной помощи Чехословакии. Это относится и к официальной «Военной истории Чехословакии», и к книге польского исследователя Мариана Згурняка. При этом в ряде западных работ не упоминаются даже известные советские документы — их используют всего несколько авторов [Vojenské... s. 503nn; Zgorniak, s. 224–227; смотри напр.: Haslam, s. 186, 278; Roberts, s. 56, 160n].

Доступный документальный материал говорит совершенно однозначно: Красная Армия после решения Политбюро от 20 сентября провела масштабные учения, мобилизовав существенные людские и материальные ресурсы. Несомненно, Сталин знал, о чем Э. Бенеш и начальник Генштаба Чехословакии генерал Л. Крейчи говорили советскому послу Александровскому. Речь шла о том, что Чехословакия может быть защищена от агрессивных соседей только в том случае, если ее друзья согласятся с некой базовой геостратегической и политической концепцией. А именно: Чехословакия является ключом к европейской коллективной безопасности, если Чехословакия будет сокрушена, то пострадает безопасность Европы в целом. Сентябрьский кризис 1938 г. и Мюнхенское соглашение рассматривались как общеевропейский вопрос: подразумевалось, что от судьбы Чехословакии зависит судьба всей Европы. Последующие месяцы убедительно доказали правоту этой оценки. Однако Британия и Франция двигались в наихудшем как для Праги, так и для Европы направлении — к соглашению с Германией. Тем самым они сами избавили Москву от обязательств, вытекавших из ее договора с Чехословакией.

Но каковы были бы возможности Москвы и Красной армии, если бы помощь Чехословакии была принята и оказана? Красная Армия производила впечатление мощной силы, количественно превосходившей потенциальных противников. На рубеже 1937–1938 гг. ее сухопутные войска насчитывали 1165 тыс. человек, ВВС — 193 тыс., ВМФ — 132 тыс. Вместе с другими военизированными соединениями в мирное время в ее рядах находилось 1605 тыс. человек. основная ударная сила состояла из 62 кадровых дивизий, еще 34 входили в состав внутренних войск. При полной мобилизации предусматривалось формирование 150 стрелковых дивизий, а численность сухопутных войск достигла бы 3,9 млн человек. Кавалерия располагала 32 дивизиями, танковые войска — 25 дивизиями легких танков и четыремя — тяжелых. В общей сложности на вооружении находилось 4950 танков, из которых 1058 были развернуты на Дальнем Востоке. ВВС Красной Армии состояли из 77 бригад. В европейской части СССР дислоцировались 53 бригады, на вооружении которых состояло 6762 боевых самолета [Доклад... с. 532–557]¹.

Однако боеспособность Красной армии вызывала большие сомнения. Во многих подразделениях на хватало старшин и командиров. И командование, и личный состав были слабо подготовлены. Летом 1936 г. тогдашний заместитель наркома обороны маршал М.Н. Тухачевский резко критиковал подразделения Киевского и Белорусского военных кругов за ряд серьезных недостатков, которые подтвердили их маневры в сентябре 1938 г. [Tuchačevskij, s. 23] Несостоятельность Красной Армии усугублялась репрессиями против командного состава, которые предшествовали так называемому «большому террору» 1937–1938 гг. и вскоре стали его частью. Репрессии и чистки были и ранее. По свидетельству наркома К.Е. Ворошилова, только в течение 1920-х и первой половины 1930-х годов в армии репрессировали 47 тыс. человек командного состава [Известия, с. 43]. Причины большей частью были политические — им вменялась принадлежность к тем или иным оппозиционным группам (троцкисты, правоуклонисты). Однако пострадали и военные специалисты, служившие еще в царской армии, которых отстранили от командования в основном на рубеже 1920–1930-х годов. В августе 1936 г., например, арестовали ряд высокопоставленных офицеров, в том числе заместителя командующего Ленинградским военным округом Н.М. Примакова и советского военного атташе в Великобритании В. К. Путну.

«Большой террор» отличался от предыдущих периодов более частыми расстрелами и посадками. Органы НКВД, после того как в сентябре 1936 г. их возглавил Н.И. Ежов, активизировали работу с армией. 11 июня 1937 г. советская печать объявила, что восемь высших командиров Красной Армии арестованы и обвиняются в шпионаже и предательстве. Их задержали в конце мая, в список вошли имена маршала М.Н. Тухачевского (заместителя наркома обороны), командарма второго ранга А.И. Корка (командующего Военной академией имени Фрунзе), командармов первого ранга И.Э. Якира и И.П. Убо-

1 Доклад наркома обороны СССР и начальника РККА в ЦК ВКП(б) — И.В. Сталину — о плане развития и реорганизации РККА в 1938–1942 гг. Датировка сообщения непонятна, но она явно составлена ранее 1937 г., поскольку в тот день ее обсудил Комитет обороны при правительстве СССР (Прим. авт.).

ревича (командующих Киевским и Белорусским военными округами)¹. В то же самое время ликвидировали командование советской разведки, что серьезно подорвало ее деятельность.

На основе большого количества архивных и опубликованных документов польский историк П. Вечоркевич недавно подсчитал, что в период с 1935 по 1939 г. более 36 тыс. офицеров были изгнаны из армии по политическим мотивам, из них почти 15 тыс. репрессированы [Więszorkiewicz, s. 908]. Жертвами репрессий стали все командующие военными округами, 13 из 15 командармов, до 28 из 85 командиров корпусов и 110 комдивов. Репрессии осенью 1938 г. остановил по приказу Сталина новый нарком внутренних дел Л.П. Берия. Несомненно, на решение Сталина повлияли кризис 1938 г. и Мюнхенское соглашение, поставившие Советский Союз перед необходимостью стабилизировать государство, ослабленное террором. После репрессий средний возраст комдивов Красной Армии сократился до 35–40 лет, средний возраст командиров полков составлял 30–35 лет. Почти каждый командовал своими частями и соединениями всего несколько месяцев, подавляющее большинство прошло только краткий курс командиров, практически никто из них не имел соответствующего опыта [Erickson, s. 15n; см.: Litera, s. 239–266].

Вот почему иностранные наблюдатели оценивали возможности Красной Армии весьма критически. Большинство западных военных атташе в Москве считали, что репрессии лишили Красную Армию наступательных возможностей. Британский военный атташе, полковник Р. Файрбрейс, в своем анализе от апреля 1938 г. подчеркивал, что Красная Армия еще может вести оборонительную войну на своей территории, но не на чужой. Он указал также на плохое состояние транспорта и других секторов экономики и влияние этого фактора на боевые возможности советских войск. Его немецкий коллега, генерал Э. Кестринг, оценивал положение Красной Армии гораздо более критично. По его мнению, из-за репрессий она вообще не была боеспособна. Это во многом отвечало реальности, потому что в советско-финской войне год спустя Красная Армия выглядела откровенно слабой и на первом этапе несла огромные потери. Однако летом 1939 г. на другом, дальневосточном театре боевых действий она смогла нанести тяжелый удар Квантунской армии Японии.

Не приходится сомневаться, что дискуссия о боевых возможностях Красной армии и общий критический взгляд на ее состояние усилили крайне скептическое отношение западных держав к Москве.

Возможности переброски частей Красной Армии в Чехословакию и позиция соседних стран

Но в игре вокруг Чехословакии был еще один не менее важный фактор, о котором в советских документах не очень часто упоминалось, хотя он имел фундаментальное

¹ Дело так называемой «Антисоветской троцкистской военной организации» в Красной армии. [Известия, s. 53]

значение. Речь идет о географии. В то время Чехословакия не граничила с Советским Союзом, от которого ее отделяли территории Польши и Румынии. Если бы Красная Армия решилась оказать помощь Чехословацкой Республике, ей пришлось бы пересечь территорию хотя бы одного из упомянутых государств. Советско-польские отношения отличались напряженностью в течение почти всего межвоенного периода, а в конце 1930-х годов они ухудшились до такой степени, что начальник Генштаба Красной Армии Б.М. Шапошников причислял Польшу к числу наиболее вероятных противников на европейском театре боевых действий, наряду с Германией и Италией [Записка начальника... с. 557–571; Случ]. Польша долгое время последовательно отказывалась разрешить прохождение Красной армии на запад к немецкой границе, а в сентябре 1938 г. попыталась извлечь выгоду из сложившейся ситуации. Отчеты о концентрации польских войск на границе с Чехословакией вынудили главу чехословацкой дипломатии К. Крофту попросить у Москвы поддержки. 23 сентября 1938 г. В.П. Потемкин предупредил польского поверенного в делах Т. Янковского, что нападение Польши на Чехословакию приведет к отмене советско-польского договора о ненападении 1932 г. Свою точку зрения Москва выразила в виде публичного заявления правительства [Prohlášení... s. 516–517; польские отношения в военной сфере см.: Friedl, s. 33–35].

Однако СССР не делал акцент на трудном и чувствительном вопросе о прохождении своей армии через территорию Польши или Румынии и, в принципе, оставил его возможное решение на усмотрение западных государств. 2 сентября 1938 г., в ответ на заданный накануне вопрос французского правительства, как Советский Союз будет оказывать помощь Чехословакии, если Польша и Румыния не захотят пропускать советские войска через свою территорию, Москва заявила, что выполнит свои обязательства, и предложила оказать давление на Польшу и Румынию с помощью Лиги Наций [ДВП. Д. 324. С. 470].

После того как от транзита через Польшу пришлось отказаться, единственным вариантом оставалась Румыния, бывшая союзницей Чехословакии по Малой Антанте. Переговоры о переброске советских войск через румынскую территорию шли практически с момента подписания советско-чехословацкого договора 1935 г. Однако препятствием служила позиция румынского правительства и короля (Кароля II. — *Прим. пер.*). Хотя румынские власти относились к советскому режиму не столь негативно, как руководство Югославии, никакого союзного договора с СССР они подписывать не собирались. Окружение короля и армейское командование воспринимали деятельность Коммунистического Интернационала как угрозу для Румынии [AMZV. TD 16/13...].

Тем не менее румынское руководство маневрировало. В начале февраля 1936 г. король Кароль поручил министру иностранных дел Н. Титулеску прозондировать почву на предмет заключения договора с СССР при условии, что Советский Союз принципиально откажется от претензий на Бессарабию [AMZV. PZ Bukurešť. 20.01.1936]. Румынское правительство вело речь о том, что в случае вступления советских войск на территорию Румынии (для оказания помощи Чехословакии), по окончании военной операции

Красная Армия ее полностью покинет¹. При этом в то время как в 1936–1938 гг. шли переговоры (в особенности между Литвиновым и Титулеску) о возможности транзита советских войск, румынское правительство публично заявляло, что не согласится на это ни при каких условиях [Ciano 's... s. 98–100]. вопросом о возможном прохождении советских войск через румынскую территорию в Чехословакию серьезно занимался и президент Бенеш, в том числе на встречах Малой Антанты (например, в июне 1936 г. в Бухаресте) [AMZV. TO/340/13.06.1936, cirkulární].

В какой-то момент король Кароль разрешил Титулеску провести переговоры в Москве о заключении пакта с СССР. Но здесь сказалась советская тактика. Москва высказала мнение, что не видит веских причин для заключения договора о союзе, и тут же заговорила о неких условиях. В числе прочего, с советской стороны прозвучал упрек, что Малая Антанта не меняется, не занимается политикой коллективной безопасности (хотя в случае с Чехословакией это было совсем не так). К сожалению, встреча в Праге президента Бенеша и короля Кароля в октябре 1936 г. не привела к решению, которое бы укрепило обороноспособность Чехословакии. А с ростом влияния князя Павла и пронемецких групп в Бухаресте Румыния все более склонялась к сотрудничеству с Третьим рейхом. Советское руководство, следившее за этими сдвигами, попыталось побудить Чехословакию активнее вести себя с румынским руководством. Об этом говорили как посол С.С. Александровский президенту Э. Бенешу в Праге, так и посол СССР в Великобритании И.М. Майский своему чехословацкому коллеге Я. Масарику в Лондоне [Masaryk...].

Чтобы быстро создать транспортную инфраструктуру, необходимую для перемещения войск, чехословацкое руководство решило внести финансовый вклад в строительство железнодорожной линии, соединяющей Чехословакию с Советским Союзом через Румынию. После длительных переговоров решение о форме чехословацкого финансового участия в строительстве железнодорожной линии Вишаул — Ватра Дорней, которая должна была связать Чехословакию с Советским Союзом к 1939/40 году, казалось достижимым. Чехословакия получила от Франции кредит на строительство железной дороги. Соответствующий протокол подписали 14 июля 1936 г., но строительство затянулось. в конце июня 1938 г. Чехословакия выделила дополнительные средства на возведение дороги. Идея постройки исходила от командования чехословацкой армии. По этой железнодорожной линии в случае необходимости Чехословакия могла бы получить помощь, дорога превратилась бы в своего рода коридор до СССР [Из разговора...]². Проект предусматривал также строительство новой железнодорожной ветки в Подкарпатской Руси (Закарпатье тогда входило в состав Чехословакии и называлось Подкарпатской Русью. — *Прим. пер.*), которая находилась бы вне зоны досягаемости венгерской артиллерии и располагалась бы подальше от границы

1 Нарком Литвинов также неоднократно обращался к этому вопросу в своих письмах к Александровскому. Александровский в дополнение к должности полпреда в Чехословакии в 1938 г. выполнял по совместительству эту роль и в Бухаресте. (*Прим. авт.*).

2 Румыния присоединилась к Чехословакии только двумя узкоколейными железными дорогами, которые не соответствовали потребностям военного времени (*Прим. авт.*).

с Венгрией¹. В сентябре 1938 г. до завершения строительства этой железной дороги было еще далеко. Имелись только автодороги, но они не были пригодны для большого количества моторизованных военных частей.

Возможность прохождения советских войск по территории Румынии постоянно наталкивалась на сопротивление определенных румынских кругов (включая короля Кароля), которое не смогли преодолеть ни чехословацкая, ни французская дипломатия. Не было прогресса и летом 1938 г. [Tejchman, s. 97–99] Из доступных документов следует, что Москва и Бухарест вообще не вели на высоком уровне переговоры о транзите советских войск.

В начале сентября 1938 г., когда тучи вокруг Чехословакии сгустились, Румыния продолжала тщательно избегать каких-либо заявлений о возможном проходе советских сухопутных войск через ее территорию. По данным как чехословацкого посольства в Бухаресте, так и тогдашней румынской прессы, на повестке дня стояли два регулярно обсуждавшихся вопроса: 1) как поведет себя Румыния, если дело дойдет до военного конфликта, и 2) пропустит ли она советские войска, идущие на помощь Чехословакии. Авторитетная ежедневная газета *Universul* от 5 сентября 1938 г. в передовой статье, автором которой был весьма сведущий во внешнеполитической сфере журналист, утверждала: «Во внешней политике мы должны следовать нашей традиционной линии, честно и реалистично исполнять наши дружеские и союзнические обязательства, взять на себя полную ответственность за всех тех, кто защищает свободу и независимость государства».

Вопрос, о котором в несколько общем виде, но весьма своевременно писала авторитетная газета, официально правительственными кругами не затрагивался. На конфиденциальном уровне он явно обсуждался более детально. Предполагаемая позиция правительства заключалась в том, что «Румыния имеет установленную политическую линию, определяемую обязательствами, вытекающими из Устава Лиги Наций и тесного сотрудничества с Чехословацкой Республикой, которое проявляется в тесном военно-промышленном сотрудничестве» [ibid, с. 99]. Эта интерпретация, также опубликованная в газете, должна была вызвать большое удовлетворение в Париже, но в румынском МИД ею были возмущены. Когда французский посол А. Тьерри посетил министра иностранных дел Н. Петреску-Комнена перед его отъездом в Женеву... тот был возмущен и собирался давать опровержение. И только после замечания корреспондента румынского информационного агентства *Radogu*, что опровержение давать опасно, ибо его могут истолковать как отказ от основополагающих начал румынской внешней политики, Петреску-Комнен отказался от своего намерения» [ibid].

В отношении прохода советских войск румынская дипломатия стремилась избегать однозначных высказываний. Так, сообщения из Таллина и Риги о том, что готовится соглашение между Советским Союзом и Румынией о транзите советских войск,

1 Работы по строительству дороги были начаты только на рубеже 1938–1939 годов, что было слишком поздно (*Прим. авт.*).

были молниеносно опровергнуты румынским МИД. Это было сделано после обращения поверенного в делах Германии, которого Петреску-Комнен заверил, что «такое разрешение не может быть дано, поскольку Советы еще не обосновались в Румынии» [Ibid]. Однако румынское руководство осознавало серьезность положения и с пониманием говорило о чехословацких интересах. Поэтому, когда Гитлер выступил 12 сентября 1938 г. с громкой речью против Чехословакии, министр внутренних дел Румынии А. Калинеску по собственной инициативе дал указание, чтобы «самые грубые оскорбления, которые Гитлер высказал в адрес президента и Республики (Чехословакии. — Прим. пер.), были раскритикованы в румынской прессе» [AMZV. Praha. PZ Bukurešť 1938, zpráva z 13.09.1938]¹. Калинеску говорил также об опасности германской пропаганды. «Он заверил меня очень твердо, что является убежденным противником немцев и их политики» [Ibid], — свидетельствовал чехословацкий дипломат М. Крупка.

В те дни значительная часть румынского населения (особенно средние слои и рабочие) была довольно решительно настроена на борьбу «за безопасность Румынии и защиту Чехословакии» [AMZV. Politické zprávy (PZ) Bukurešť 1938, zpráva z 19.9.1938, č.j. 948/dův 1938], но это мнение дипломаты не брали в расчет. Чехословацкое посольство посетил ряд делегаций, выразивших Чехословакии поддержку. В письме к президенту Бенешу делегация румынского Союза ремесленников (*Generální liga řemeslníků — zaměstnavatelů*) отмечала: «Румынские ремесленники присоединяются ко всему цивилизованному миру, не одобряют и осуждают намерения подорвать единство государства и независимость чехословацкой нации с помощью террористических актов и моторизованных дивизий со свастикой на знамени» [Ibid].

На фоне таких актов народной солидарности чехословацкие дипломаты в отчете о встрече главы дипмиссии с премьер-министром и патриархом Румынии Мирном (Кристей) отмечали, «насколько ограничено эти симпатии находят отражение в политике» [AMZV. PZ Bukurešť 1938, zpráva z 30.09.1938, č.j. 993/dův 1938. Politická zpráva č. 15]. В кульминационный момент кризиса чехословацкие дипломаты настойчиво искали поддержки. Но «члены румынского правительства на прямой вопрос о том, ведет ли Румыния военные приготовления, реагировали либо уклончиво, либо даже полностью отрицательно». При этом в том же отчете-говорилось о состоявшихся на той неделе «серьезных военных маневрах на румыно-венгерской границе, которые, несомненно, направлены против Венгрии»; о том, что по конфиденциальной информации «Румыния твердо нацелена на военные действия против Венгрии, если последняя нарушит нейтралитет», и что «Румыния в данном вопросе едина с Югославией» [Ibid]².

1 Чехословацкий поверенный в делах М. Крупка был принят министром внутренних дел Румынии Калинеску по делу отказа в выдаче разрешения на работу, чехословацким гражданам [AMZV. PZ Bukurešť 938/dův. 1938. Fol. 1–2].

2 В связи с этими сообщениями о приготовлениях румынской армии к защите своей территории следует помнить, что менее двух недель спустя, 12 октября 1938 г., министр обороны генерал Г. Аргесян и статс-секретарь военного ведомства А. Глац подали королю прошение об отставке.

20 сентября 1938 г. в ходе совместного ужина в Женеве нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов сообщил своему румынскому коллеге Н. Петреску-Комнену о решении поддержать Чехословакию на основании постановления Политбюро ЦК ВКП(б), но основными темами разговора стали отношение Югославии к Венгрии и политические препятствия для транзита советских войск через Польшу, а не переброска их через Румынию. Материалы последующих дней также не говорят о том, что последняя проблема обсуждалась на двустороннем уровне.

Дискуссия о «румынском коридоре» для прохода Красной Армии в Чехословакию получила широкий резонанс после выхода в свет книги Иржи Хохмана, в которой была опубликована записка, якобы написанная румынским министром иностранных дел Н. Петреску-Комненом и отправленная наркому М. Литвинову 24 сентября 1938 г. [Hochman, s. 194–201 (appendix C)] Согласно этому документу, Румыния собиралась принять сенсационное решение разрешить советским войскам воздушный и наземный транзит через свою территорию, чтобы помочь спасению Чехословакии. Однако подлинность этого документа пока не подтверждена [Hauer, The Quest... s. 41].

Разрешение на транзит советских войск, о котором писали некоторые авторы, скорее всего, является фальшивкой [См.: Hauer, Zrada...].

Но если бы даже возможность такого транзита политически существовала, воплотить ее в жизнь было бы сложно ввиду низкой пропускной способности и технического состояния румынской железнодорожной сети. В северной части страны она была очень слабо развита и совершенно непригодна для массового транзита войск с вооружением и обмундированием. Основные железнодорожные пути связывали Румынию с Венгрией и Польшей, но ни один из них не вел в Чехословакию. Не было прямой железной дороги, которая соединяла бы последнюю с Советским Союзом через румынскую территорию. Помимо прочего, транзит означал бы еще и необходимость менять колеса поездов с советской колеи (1524 мм) на румынскую (европейскую, 1435 мм), тогда как оборудования для такой смены колес на единственном советско-румынском пункте пропуска Тирасполь–Бендеры не имелось [Ibid, s. 567].

Москва, похоже, всерьез и не рассматривала транзит по румынской территории — только по «польскому коридору». Однако более решительная попытка осуществить этот вариант создала бы прямую угрозу советско-польского конфликта, с тяжелейшими для Москвы последствиями. В той международной обстановке СССР, скорее всего, назвали бы агрессором, и ему вероятно пришлось бы столкнуться с коалицией враждебных государств, чего Сталин всегда тщательно избегал [Ragsdale The Munich... s. 614–617; Ragsdale Soviet...].

В конечном счете в вопросе о транзите через Румынию возобладали интересы румынских правящих кругов. Летом 1938 г. Румыния начала сложную дипломатическую игру, в ходе которой она тяготела к поддержке Чехословакии в сохранении ее целостности, что соответствовало и румынским интересам. Тем самым Румыния главным образом отвечала на венгерские территориальные притязания, и вполне вероятно, что если

бы имела резолюция Лиги Наций, где Чехословакия была бы названа жертвой, то это подтолкнуло бы Румынию разрешить Красной Армии пройти через свою территорию на помощь Чехословакии [Tejchman, s. 98]. Косвенным доказательством сдвига в этом направлении стало благожелательное отношение румын к пролету в Чехословакию советской авиации. Несмотря на резкие протесты Польши, уже весной 1938 г. Румыния разрешила пролет 20, а летом еще 40 самолетов СБ-2, приобретенных Чехословакией у СССР¹.

Оценка поведения СССР

Шаги, предпринятые Советским Союзом в сентябре 1938 г., были очень осторожными и осмотрительными. Москва выразила полную поддержку Чехословакии, готовность оказать военную и другую помощь, но при условии, что союзный договор 1935 г. будет выполнен полностью и в первую очередь Францией. Поведение Парижа, которое стало наихудшим сценарием для Чехословакии, освободило в итоге Москву от всех ее обязательств. Несмотря на масштабные военные учения, предоставление советской военной помощи было нереально из-за позиций, занятых Польшей и Румынией, и СССР не предпринял никаких действий для обеспечения прохождения своих войск. Дипломатическая ситуация в последние дни сентября 1938 г. сложилась в пользу того, чтобы СССР не предпринимал попыток в этом направлении.

Совершенно очевидно, что Сталин в той системе отношений действовал таким образом, чтобы избежать втягивания СССР в одностороннюю войну, хотя, несомненно, он (как и раньше, в случае Испании и Китая) имел интерес остановить агрессора. Представляется, что Сталин был готов вместе с Великобританией, Францией и их союзниками предпринять коллективные действия, вплоть до войны против Германии, которую в долгосрочной перспективе считал потенциальным противником. Предпринятые Москвой в 1938 г. масштабные мобилизационные меры были всерьез восприняты как подготовка к таким коллективным действиям. Крупные маневры на западной границе СССР служили одновременно предупреждением Польше. Однако заставить польское правительство допустить прохождение советских войск через польскую территорию, как и летом 1939 г., можно было только с помощью западных государств. Сталин также стремился к непосредственному участию СССР в международных переговорах по европейскому кризису, однако Великобритания и Франция встречного желанья не проявили. В конце концов еще подписание «Пакта четырех» в 1933 г. никак не свидетельствовало о готовности допустить СССР до совместного принятия решений по европейским вопросам, если речь не шла о Лиге Наций.

Сталин занял очень сдержанную позицию, которую Москва, по-видимому, избрала в соответствии со своей новой внешнеполитической установкой, которая была изложена М.М. Литвиновым послу С.С. Александровскому в конце марта 1938 г. «Моя декла-

¹ Речь идет о скоростных бомбардировщиках (в советской классификации СБ-2, в чехословацкой В-71) грузоподъемностью до 600 кг (Прим. авт.).

рация¹, — сказал тогда нарком, — вероятно, является последним призывом к Европе о сотрудничестве, после чего мы займем, по-видимому позицию малой заинтересованности дальнейшим развитием дел в Европе. Аншлюс уже обеспечивает Гитлеру гегемонию в Европе, независимо от дальнейшей судьбы Чехословакии» [Письмо М.М. Литвинова... 28.03.1938. См. также: Случ, с. 162].

Литература

- Архив министерства обороны (АМО) РФ. Ф. 19а. Оп. 663. Д. 1. Л. 48.
Документы внешней политики СССР (далее ДВП). Т. XXI. Д. 82. С. 128–129.
ДВП. Т. XXI. М. 1977. Д. 324. С. 470.
ДВП. Т. XXI. М. 1977. Док. 357. С. 501.
ДВП. Т. XXI. М. 1977. Док. 368. С. 519.
Дело так называемой «Антисоветской троцкистской военной организации» в Красной армии // Известия ЦК КПСС. 1989. № 4.
Доклад наркома обороны СССР и начальника РККА в ЦК ВКП(б) — И.В. Сталину — о плане развития и реорганизации РККА в 1938–1942 гг. // 1941 год. Документы. Кн. 2. М. 1999.
Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений (ДМИСЧО). Т. 3. Док. 341. М. 1978.
Документы по истории мюнхенского сговора 1937–1939 гг. М. 1979.
Записка начальника генштаба Красной армии наркому обороны СССР маршалу Советского Союза К. Е. Ворошилову о наиболее вероятных противниках СССР // 1941 год. Кн. 2 / Сост. Л. Е. Решин. М. 1998. Док. № П11.
Запись беседы посла Чехословакии в СССР З. Фирлингера с первым заместителем наркома иностранных дел В.П. Потемкиным. 19.09.1938 // Архив внешней политики (далее АВП) РФ. Ф. 0138. Оп. 19. П. 128. Д. 1. Л. 67–68.
Запись разговора С. Александровского с Э. Бенешем. 19.08.1933 // АВП РФ. Ф. 010. Оп. 8. П. 33, Д. 98. Л. 50.
Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М. 1989.
Из разговора посла Александровского с начальником экономического отдела Министерства иностранных дел ЧСР Й. Фридманом. 31 августа 1936 года. // АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 77. Д. 116. Л. 45–43.
Известия ЦК КПСС. 1989. № 4.
История второй мировой войны в 12-ти томах. М. 1973–1982.
Карли М. Дж. Только СССР имеет... чистые руки: Советский Союз, коллективная безопасность в Европе и судьба Чехословакии (1934–1938 гг.) // Новая и новейшая история. 2012. № 1. С. 44–81.
Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920 — середина 1930-х гг.). М.О.Г.И. 2008.
Майский И.М. Дневник дипломата. Лондон 1934–1943. М. 2006.

1 Речь шла о заявлении М.М. Литвинова, которое 17 марта 1938 г. было опубликовано в печати в качестве ноты для МИД Франции, Великобритании, Чехословакии и США. В числе прочего, он обратил в нем внимание на то, что над Чехословакией нависла угроза, и призвал к совместным действиям, чтобы остановить агрессию против нее. (Прим. авт) [ДВП. XXI. Д. 82, с. 128–129]

На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953). М. 2008.

Нарочницкая Н.А. Великие войны XX столетия. М. 2007.

Нарочницкая Н.А. Партитура второй мировой. Кто и когда начал войну. М. 2009.

Письмо заместителя наркома иностранных дел В.П. Потемкина И.В. Сталину 20 сентября 1938 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 166. Д. 592. Л. 47. Особая папка.

Письмо М.М. Литвинова С.С. Александровскому. 28.03.1938. // АВП РФ. Ф. 0138 (Референтура по Чехословакии). Оп. 19. П. 128. Д. 1. Л. 17.

Письмо М.М. Литвинова С.С. Александровскому. 11.08.1938 // АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 19. П. 128. Д. 1. Л. 53–54.

Разговор М.М. Литвинова с С.С. Александровским. 18.05.1938 // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 149. Д. 168. Л. 20.

Решения Политбюро ЦК ВКП(б) за 13 сентября — 26 октября 1938 г. // РГАСПИ. Ф.17. Оп. 162. Протокол № 64 (Особая папка).

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 24. (Особая папка).

Решения Политбюро ЦК ВКП(б) за 13 сентября — 26 октября 1938 г. Протокол № 64 // РГАСПИ. Ф.17. Оп. 162. 64/54. Л. 5–6. (Особая папка).

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 592. Л. 46. Особая папка.

Случ С.З. Польша в политике Советского Союза // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х гг. XX столетия. М. 2001. С. 156–190.

Телеграмма И.В. Сталина С.С. Литвинову. 22.09.1938 // РГАСПИ. Ф. 3. Оп. 63. Д.70. Л.126.

Archiv kanceláře prezidenta republiky (AKPR). D 9800/1457/38.

Archiv ministerstva zahraničních věcí. (AMZV). Praha. PZ Bukurešť 1938, zpráva z 13.09.1938.

AMZV. Praha. TD 1938. . 857/38 (originál).

AMZV. Politické zprávy (PZ) Bukurešť 1938, zpráva z 19.9.1938, č.j. 948/dův 1938.

AMZV. PZ Bukurešť 1938, zpráva z 30.9.1938, č.j. 993/dův 1938. Politická zpráva. č. 15.

AMZV. PZ Bukurešť. 20.01.1936.

AMZV. PZ Moskva. 1938. č. 119 (kopii).

AMZV. TD 1038. №. 830/38; 845/38.

AMZV. TD 16/13.01.1936 z Bukurešti.

AMZV. TO/340/13.06.1936. Cirkulární.

Audience u p. presidenta republiky 19.09.1938 // Národní archiv, f. Presidium ministerstva vnitra (NA, f. PMV). F. 225. Sl. 3. Fol 121.

BBC Broadcast. 27. September 1938.

Beneš E. Mnichovské dny. Praha. 1968.

Beneš E. Mnichovské dny. Praha. 1968.

Beneš E. Paměti. Mnichovské dny / Editor Hauner M. Praha. 2018.

Ciano 's diplomatic papers. London. 1948.

DČSZP. 1938. Sv. 2. Praha 2001. Dok. č. 649. S. 342.

DČSZP. 1938. Sv. 2. Praha 2001. Dok. č. 674. S. 365

DČSZP. 1938. Sv. 2. Praha 2001. Dok. č. 625. S. 322–323.

Dějiny druhé světové války 1939–1945. Sv. 2. Praha. 1978.

Dejmek J. Eduard Beneš a fenomén Ruska mezi světovými válkami // Slovanský přehled. LXXXVII. № 2. S. 165–188.

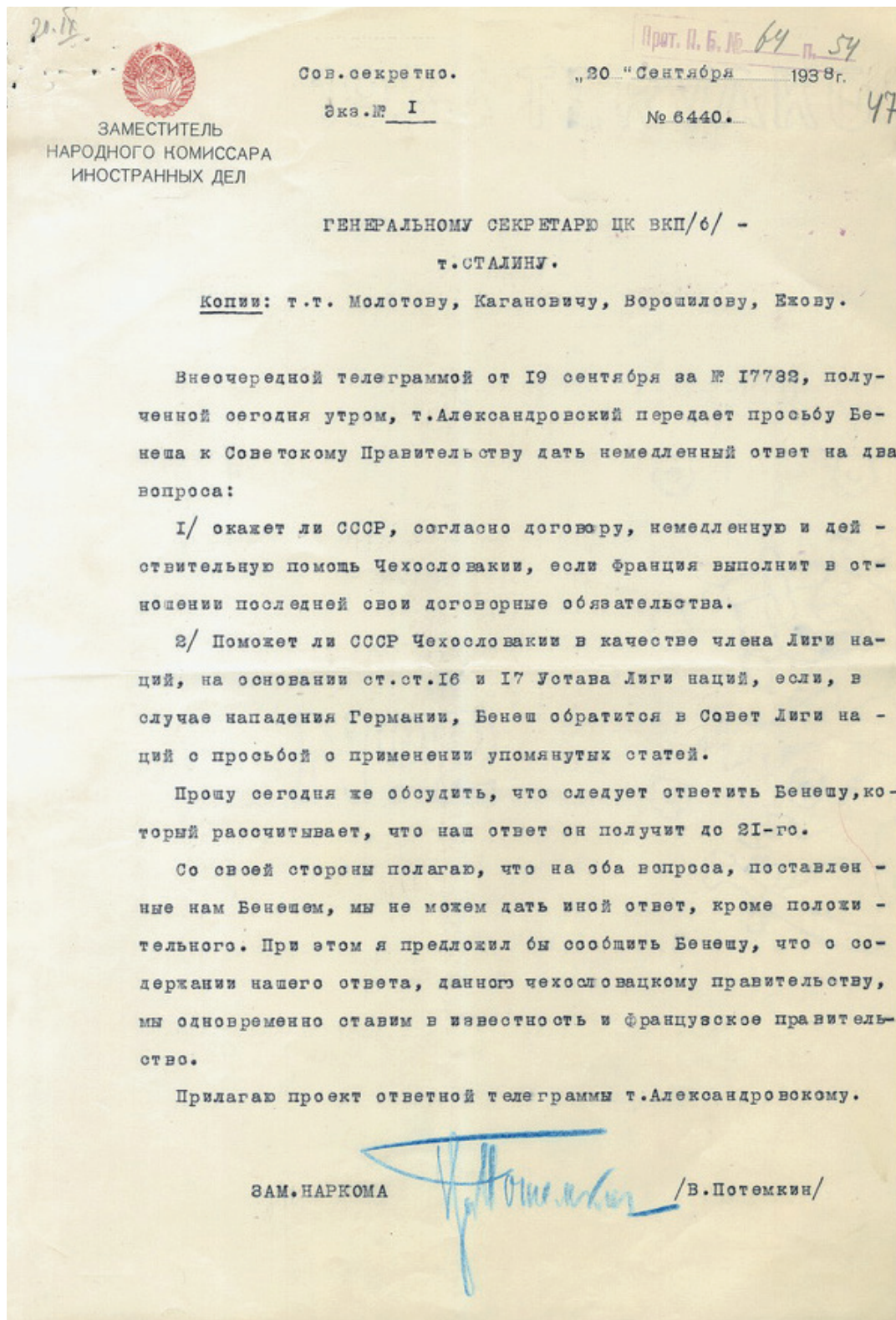
- Dejmek J.* K československo–sovětským politickým vztahům ve druhé polovině třicátých let (Kritické úvahy nad monografiemi Ivana Pfaffa a Igora Lukeše) // *Český časopis historický (ČČH)*. 97/1999. 1. S. 80–105.
- Dejmek J.* K československo–sovětským politickým vztahům ve druhé polovině třicátých let (Kritické úvahy nad monografiemi Ivana Pfaffa a Igora Lukeše) // *Český časopis historický*. 97/1999. № 1. S. 80–105.
- Dokumenty a materiály k dějinám československo–sovětských vztahů (далее DMČSSV). Díl 3 (červen 1934 — březen 1939). Praha 1979. Dok. č. 352. S. 566–568.
- DMČSSV. Díl 3. Praha. 1979. S. 581–582.
- DMČSSV. Díl 3. Praha. 1979. Dok. č. 369. S. 581–582.
- DMČSSV. Díl 3. Praha. 1979. Dok. č. 374. S. 588–589.
- DMČSSV. Díl 3. Praha. 1979. Dok. 341. S. 554–555
- DMČSSV. Díl 3. Praha. 1979. Dok. 354. S. 566–567.
- DMČSSV. Díl 3. Praha. 1979. Dok. č. 341. S. 341–342.
- Dopis H. Ripky E. Benešovi 20.9.1938* // Archiv Ústavu Tomáše Garrigua Masaryka (AÚTGM). F.E. Beneš, II, kr. H. Ripka.
- Erickson J.* The Road to Stalingrad. Stalin's War with Germany. London. 1993.
- Friedl J.* Na jedné frontě. Vztahy československé a polské armády za druhé světové války. Praha. 2005.
- Haslam J.* The Soviet Union and Struggle for Collective Security in Europe, 1933–1939. London. 1984.
- Hauner M.* The Quest for the Romanian Corridor: The Soviet Union, Romania and Czechoslovakia during the Sudeten Crisis of 1938. Hauner, Milan // *Mythos München = Le mythe de Munich = The myth of Munich*. München. 2002. S. 39–77.
- Hauner M.* Zrada, sovětizace, nebo historický lapsus? Ke kritice dvou dokumentů k československo — sovětským vztahům z roku 1938 // *Soudobé dějiny*. 1999. č. 4. S. 545–571.
- Heidrich A.* Zahraničně-politické příčiny Mnichova // *Pejskar J. a kol. Poslední pocta*. Sv. 1. Curych. 1982.
- Hochman J.* The Soviet Union and the Failure of Collective Security, 1934 — 1938. Ithaca. 1984.
- Ježek F.* Z paměti o mnichovské krizi 1938 // *HaV*. 1969. S. 674–701.
- Král V.* Dny, které otřásl Československem. Praha. 1979.
- Litera B.* Sovětská armáda a „velký teror“ 1937–1938 // *Litera B. a kol. Formování stalinského mocenského systému*. Praha. 2003.
- Lukeš I.* Československo mezi Stalinem a Hitlerem. Benešova cesta k Mnichovu. Praha 1999.
- Lukeš I.* Československo mezi Stalinem a Hitlerem. Benešova cesta k Mnichovu. Praha. 1999.
- Lvová M.* Mnichov a Edvard Beneš. Praha. 1968.
- Masaryk Kroftovi 28.11.1936 // Archiv ministerstva zahraničních věcí MZV. Kabinet č. 5197.
- Newton z Prahy 21.9.1938 v 20:50 // National Archives (London), Foreign Office. 371–21 740.
- Nóta vlády ČSR vládám Francie a Velké Británie o přijetí anglo-francouzského plánu na řešení sudeto-německé otázky. 21. září 17.00 // *Dokumenty československé zahraniční politiky. Československá zahraniční politika v roce 1938 (DČSZP)*. Praha. 2001. Díl 2. Dok. č. 664. S. 359–360.
- Nové dokumenty k historii Mnichova. Praha 1958. Dok. č. 389. S. 84.
- Pfaff I.* Die Sowjetunion und die Verteidigung der Tschechoslowakei 1934–1938. Versuch der Revision einer Legende. Köln–Weimar–Wien. 1996.

- Pfaff I.* Sovětská zrada. 1938. Praha. 1993.
- Prime Minister on the Issues // *The Times*. 28. September. 1938.
- Prohlášení a záznam rozhovoru Potěmkina a Jankovského 23. 9. 1938 // *ДВП*. XXI. Dok. č. 366. S. 516; dok. 367. S. 516–517.
- Protokol o mř. schůzi ministerské rady, konané dne 21. září 1938 o 6. hodině ranní v předsednictvu ministerské rady // Národní archiv, f. Presidium ministerské rady (NA, PMR). Fol. 776.
- Ragsdale H.* The Munich Crisis and the Issue of Red Army Tranzit Across Romania // *Russian Rewiev*. Vol. 57. No. 4 (October 1998).
- Ragsdale H.* Soviet Military Preparations and policy in the Munich Crisis: New Evidence // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 47 (1999). H. 2. S. 210–226.
- Record of Anglo-French Conversation held at No. 10 Downing Street on September 18, 1938 // *Documents of British Foreign Policy* (далее DBFP). III ser. Sv. 2. Dok. č. 928. S. 373–399. London 1949.
- Roberts G.* The Soviet Union-and the Origins of the Second World War. Russo-German Relations and the Road to War. N.Y. 1995.
- Tejchman M.* Československo a Rumunsko v roce 1938 a Malá dohoda // *Slovanské štúdie*. Sv. 12 (1971).
- Telegram Fierlinger z Moskvy 15. září 1938 // *AMZV*, Telegramy došlé (TD). № 798/38.
- Telegram S.S. Alexandrovského lidovému komisariátu zahraničí z 19.09.1938 // *Nové dokumenty k historii Mnichova*. Praha. 1958. Dok. č. 36. S. 80–81.
- Tuchačevskij M.N.* Vybrané spisy. Praha. 1966.
- Vojenské dějiny Československa. III. díl (1918 — 1939). Praha. 1987.
- Voráček E.* Kulminace československo-sovětských vojensko-technických kontaktů a obchodů v období 1937–30. IX. 1938 // *Slovanské historické studie*. 1988. S. 120–139.
- Wieczorkiewicz P.* Lanciuch smierci. Czystka w Armii Czerwonej, 1937–1939. Warszawa. 2002.
- Záznam Krofty o noční demarši vyslanců Velké Británie a Francie, 21.09.1938 // *AMZV*. Praha. Kroftův archiv. Kart. 3. Strojopis.
- Záznam o rozhovoru K. Krofty se S. S. Alexandrovským 03.09.1938 // *AMZV*. Praha. Kroftův archiv. Kart. 3.
- Zgorniak M.* Europa v przedeniu wojny. Situacja-militarna w latach 1938–1939. Krakow. 1993.
- Zprávy britského vyslance Sofia 8. 11. a 15.10.1938 // *National Archives* (London). Foreign Office 371–21 778.

Перевод Вадима Трухачёва

Приложение**Письмо заместителя наркома иностранных дел В.П. Потемкина И.В. Сталину.****20 сентября 1938 г.**

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 592. Л. 47. Особая папка.

DOI 10.32726/2411-3417-2018-4-66-83

УДК 323; 327; 329

Игорь Максимычев

Конец меркелевской Европы? О предстоящем завершении одной политической карьеры

Аннотация. Автор анализирует особенности политической биографии, основные приоритеты и итоги деятельности А. Меркель. Как во внутривнутриполитической, так и в международной сфере результаты приближающейся к завершению «эры Меркель» представляются противоречивыми. Положение ФРГ в качестве неформального лидера Евросоюза приносит стране не только выгоды, а ее образ в глазах партнеров ухудшается с каждым годом. Заметно обострился вопрос о месте Германии в глобальной политике, и прежде всего о характере ее взаимоотношений с Россией.

Ключевые слова: Ангела Меркель, эра Меркель, политическая жизнь Германии, германская внешняя политика, лидерство Германии, российско-германские отношения.

Политик, личность которого долго находилась в центре общественного внимания, всегда рискует в случае очередной неудачи мгновенно утратить популярность и даже стать объектом нелюбимой критики. Лишь немногим удается проститься с властью, сохранив такое достоинство и уважение, как Шарль де Голль (с которым это случилось дважды). Яркий пример противоположного свойства явил обожествлённый своими дальними потомками Наполеон Бонапарт — его после финального поражения при Ватерлоо едва не растерзала толпа собственных подданных. Не будет гладким и спуск с властных вершин для долголетнего канцлера ФРГ Анжелы Меркель.

А. Меркель останется в истории политиком, которому суждено было присутствовать при крушении самых заветных своих проектов. Но поскольку цели госпожи канцлера очень часто входили в клинч с интересами и чаяниями людей в Германии, а также в других странах Евросоюза и на континенте в целом, у европейцев отсутствуют причины рвать на себе волосы по случаю завершения «эпохи Меркель».

Синдром отличницы

У психологов есть понятие «синдром отличника» (или «синдром отличницы», так как он чаще наблюдается у женщин) — близкое, но не совсем тождественное термину «перфекционизм». Обладатель этого синдрома считает свою задачу полностью выполненной, только когда сделанная работа заслуживает самого высокого балла, даже если за

Сведения об авторе: Максимычев Игорь Федорович — главный научный сотрудник Института Европы РАН, доктор политических наук; igorfedmax@yandex.com.

отсутствием «начальника» приходится выставлять эту оценку самому. Вышеуказанное качество, в целом похвальное, зачастую приводит, однако, к отрицательным последствиям. Оно порождает, например, высокомерие по отношению к окружающим («Они не способны постоянно получать высшие оценки»), неумение правильно воспринимать критику («Разве допустимы возражения, когда все столь совершенно?»), уверенность в собственной непогрешимости, отказ от исправления допущенных промахов. Человек с синдромом отличника действует, как правило, по принципу «хочешь сделать хорошо — сделай сам». В результате перфекционист перегружает себя второстепенными делами, теряет из виду целостную картину происходящего, отбивает у подчиненных охоту проявлять инициативу. Синдром зарождается в школьные годы, в дальнейшем он усиливается, и со временем преодолеть его становится невозможным.

А. Меркель относится к разряду заядлых отличниц. Она была среди первых учениц в средней политехнической школе в Темплине (ГДР) и выпускные экзамены в 1973 г. сдала, разумеется, с наивысшими оценками. Беспроблемно пройдя курс обучения на физическом факультете Лейпцигского университета имени Карла Маркса, она в 1986 г. с блеском защитила докторскую диссертацию в Центральном институте физической химии Академии наук ГДР в Берлине, где стала работать в отделе теоретической химии. Выделялась способностью легко осваивать иностранные языки, побывала по студенческому обмену в СССР (даже сейчас ей нетрудно произнести несколько фраз по-русски).

Для успешной научной карьеры в условиях ГДР непременно требовалось активное участие в общественной жизни. Уже в ранней юности будущий канцлер окунулась в политику, с рвением включившись в работу Союза свободной немецкой молодежи, аналога советского комсомола. В Берлине она была избрана членом райкома ССНМ, секретарем по агитации и пропаганде. Произошло это в преддверии «смутного времени», стартовавшего с подачи горбачевской перестройки, когда под вопросом оказались сами основы существовавшего в социалистических странах общественного строя.

На первых порах явных оппозиционных настроений у Меркель не просматривалось. Однако надо учитывать, что она была выходцем из семьи протестантского пастора, переселившейся в ГДР из ФРГ в 1954 г., через несколько дней после рождения Ангелы. Евангелическая церковь в ГДР была главной опорой поддерживаемого из ФРГ «духовного сопротивления» реальному социализму. Протестанты являлись реальной политической силой, поскольку именно к этой ветви христианства принадлежало большинство населения республики. Католики представляли лишь незначительную его часть, и католические священники сохраняли, как правило, лояльность властям. Организаторы массовых выступлений 1989 г. использовали протестантские церкви — с согласия или даже по инициативе их пасторов — в качестве организационных центров для проведения антиправительственных демонстраций. Перестав быть пастором вскоре после переезда в ГДР, отец Меркель в течение долгого времени сохранял тесную связь с церковными структурами Берлина и Бранденбурга. Царившие в евангелической церкви оппозиционные настроения не могли не повлиять на формирующиеся политические взгляды Ангелы.

У Меркель не проявилось желания вступить в правившую в ГДР Социалистическую единую партию Германии (СЕПГ) или в другую партию связанного с ней демократического блока. Ангела не помышляла о карьере политика. Оставайся обстановка в ГДР спокойной, подобный шаг на более поздних этапах не был бы исключен, поскольку он обеспечивал карьерный рост. Однако к концу 80-х годов обстановка в ГДР стала стремительно обостряться. Когда размах оппозиционного движения в республике достиг масштабов, которые позволяли сделать вывод о неизбежности скорых фундаментальных изменений в общественном строе ГДР, вопрос об определении своего места в новом раскладе политических сил встал перед Меркель в полный рост.

Переломным моментом в ее жизни — так же как и всей ГДР — стало падение Берлинской стены 9 ноября 1989 г., катастрофические обстоятельства которого были обусловлены рядом непростительных тактических ошибок со стороны руководства СЕПГ [См.: Максимычев, 2011]. Спустя месяц Ангела подключилась к работе одной из новых оппозиционных партий, получившей название «Демократический прорыв», — сначала на технической должности (администратор ЭВМ), а затем в отделе по связям с печатью, став практически пресс-секретарем председателя партии. Обращает на себя внимание, что Меркель приняла решение вступить не в существовавший в ГДР Христианско-демократический союз (ХДС), объединявший католиков и протестантов (что было бы логично с учетом ее семейных традиций), а в организацию без исторических корней, которую поначалу относили к левым течениям. Как участник блока демократических партий, поддерживавшего СЕПГ на протяжении всего периода существования республики, ХДС (ГДР) не пользовался популярностью среди реформаторов, заполонивших политическую сцену страны. Мало кто в ГДР заметил, что к руководству этой партии уже пришли люди, готовившие присоединение республики к ФРГ.

С «Демократическим прорывом» же случился конфуз. Получившие доступ к архивам министерства госбезопасности ГДР спецслужбы ФРГ объявили, что председатель партии Вольфганг Шнур — агент («неформальный сотрудник») штази. Это означало конец его политической карьеры. Погребальный колокол прозвонил и по партийному детищу Шнура, получившему на выборах в Народную палату 18 марта 1990 г. менее одного процента голосов. Победителем выборов стал презируемый реформаторами ХДС республики (41% голосов). Однако поскольку ХДС и ряд других восточногерманских политических формирований, включая «Демократический прорыв», выступали на выборах в рамках поддержанной канцлером Коелем единой коалиции «Альянс за Германию», личный крах Шнура не помешал Меркель получить высокую должность в аппарате нового правительства. Она была назначена заместителем пресс-секретаря премьер-министра, которым стал председатель ХДС (ГДР) Лотар де Мезьер. Ангела присутствовала практически на всех раундах немецко-немецких переговоров об объединении, набивая руку на общении с прессой. Была она и в Москве, когда там 12 сентября 1990 г. подписывался договор «2+4» об условиях объединения Германии.

В том же году при непосредственном участии А. Меркель состоялось присоединение «Демократического прорыва» к ХДС (ее партия вошла прямо в ХДС единой ФРГ, после того как христианско-демократические союзы обоих германских государств слились

в один). Произошло это в октябре 1990 г. на объединительном съезде в Гамбурге, где произнесенная Меркель торжественная речь, приличествующая столь радостному поводу, произвела соответствующее впечатление.

Освоение профессии политика шло полным ходом. А. Меркель нащупала, наконец, верное направление движения, нашла свое место в правильной партии, закрепились в поле зрения всесильного Гельмута Коля. «Канцлер германского единства» приметил юную, но старательную поклонницу и взял ее под свое крыло. Ангела стала для всех «девочкой Коля». Началось долгое и в целом весьма успешное восхождение Меркель по ступенькам германской политической лестницы.

На пути к власти

Г. Коль, начав с глухого провинциального уровня, достиг на протяжении 70-х годов прошлого столетия положения безусловного авторитета в федеральном руководстве ХДС — партии, погрязшей в позиционных боях за возвращение себе статуса правящей. Не выделявшийся особыми талантами Коль сумел задвинуть в тень таких ярких соперников, как Франц-Йозеф Штраус из «сестринского» ХСС, и навечно остался в немецкой истории как объединитель двух германских государств. Сложнейшую задачу присоединения ГДР в 1990 г. Колю удалось решить мирным и неконфронтационным путем, нейтрализовав все возможные возражения со стороны держав, имевших право голоса в германских делах. Как подтверждают историки, им не было допущено ни единой существенной ошибки в процессе ликвидации восточногерманского государства, столь долго осложнявшего жизнь западной коалиции. При этом он сумел остаться в дружеских отношениях и с М.С. Горбачевым, и с Б.Н. Ельциным, хотя это было непростым делом, так как они оба люто ненавидели друг друга.

Но еще более тесные личные отношения, тщательно выстроенные Г. Кодем, связывали его с главами западных держав, прежде всего США, чье лидерство он никогда не ставил под сомнение. Канцлер часто использовал возможность телефонных контактов с западными коллегами, решая подчас очень сложные вопросы. Как знать — может быть, заслуживает доверия утверждение Коля, что пары его телефонных звонков хватило бы для предотвращения натовских бомбардировок Югославии, начавшихся в марте 1999 г. [см.: Примаков...; Mit Helmut Kohl...]. Но в тот момент он уже не был канцлером. Пост федерального канцлера занял Герхард Шредер (СДПГ), вице-канцлера — Йошка Фишер («зеленые»).

К этому времени А. Меркель накопила изрядный опыт работы в федеральном правительстве. Решающим и неопределимым фактором ее карьерного успеха изначально была целенаправленная поддержка со стороны Г. Коля. В целом внедрение представителей Восточной Германии в новую общегерманскую политическую элиту, без чего было в принципе невозможно говорить о воссоединении, шло исключительно трудно и сопровождалось всякого рода скандалами — высокопоставленные старожилы отчаянно сопротивлялись дележу пирога. В обстановке всеобщей сумятицы Меркель сумела сохранить свою безупречную репутацию. Она быстро усвоила, что ее «гэдээровское»

прошлое — это скорее минус, чем плюс в глазах общегерманского истеблишмента, который по сути ничем не отличался от прежнего западногерманского. Восточногерманская ересь, включая вольномыслие оппозиционеров 1989 г., отвергалась напрочь.

Не оставалось никаких сомнений: любая попытка защищать бывших граждан ГДР, преследуемых за «происки» против «старой» ФРГ, или сослаться на успешный опыт республики в решении социальных проблем привела бы к немедленной карьерной катастрофе. «Гэдээровское» клеймо подлежало скорейшему радикальному удалению. Впредь отзывы Меркель о ГДР будут только негативными. Миросозерцание «девочки Коля» выровнялось по главным ориентирам, продиктованным западногерманскими политкомиссарами из ХДС/ХСС. Америка — венец творения, быть с ней — гарантия глобального успеха. НАТО навечно обеспечивает безопасность немцев и заодно их ведущие позиции в Европе. Объятия с Францией — необходимая предпосылка результативной внешней политики ФРГ. Европейская интеграция — наиболее надежный способ гарантировать германскую гегемонию на континенте. Рыночное хозяйство — залог всеобщего счастья, все нападки на него — от лукавого. Зло в Европу приходит только с Востока, Россия всегда находится под подозрением, независимо от наличествующей в ней формы правления.

Этих немудреных, но зато бесспорно прозападных ориентиров оказалось вполне достаточно, чтобы Ангелу в партии заметили и оценили по достоинству. Как правило, носители синдрома отличника редко отвлекаются на абстрактные построения и теоретические рассуждения. Они всегда практики, ограничивающие поле зрения проблемами, связанными со скрупулезным исполнением возложенных на них обязанностей. Надо отдать Меркель должное — ни малейших поводов для критики в ее адрес не было. Головокружительно быстрое продвижение к властным вершинам стало логичным следствием.

В январе 1991 г., в свои неполные 37 лет, не имевшая опыта государственной службы и бездетная Ангела стала министром по делам женщин и молодежи в четвертом по счету кабинете Коля — канцлер лично выдвинул ее на этот пост. Коль инициировал и ее избрание заместителем председателя ХДС в декабре 1991 г. взамен ушедшего в отставку Лотара де Мезьера, которого упорно, хотя и бездоказательно, обвиняли в сотрудничестве со «штази». Вскоре А. Меркель осталась практически единственным заслуживавшим внимания выходцем из ГДР на германском политическом Олимпе. Этот формальный момент сильно увеличил ее удельный вес в раскладе соперничающих сил и течений во внутренней политике ФРГ. В 1994 г. она занимает пост министра охраны окружающей среды, который в германских условиях несет значительную политическую нагрузку. И снова к деятельности Меркель нет никаких претензий. Она говорит, думает, решает, поступает как полноценный политик из «старой» ФРГ.

После неудачных для партии парламентских выборов 1998 г. ставшую «безработной» Меркель избирают генеральным секретарем ХДС, а это пост, дающий уникальную возможность влиять на функционирование партийного аппарата. Этот гигантский рывок вперед открывал путь к посту председателя ХДС и теоретически — к связанному с этой

должностью креслу канцлера. Еще несколько лет назад о таких перспективах молодой берлинский химик и думать не могла. На пути к сияющим политическим вершинам Ангеле предстояло перешагнуть через своего главного благодетеля. Этот акт черной неблагодарности был несколько задекорирован тем, что по ряду причин старейшины ХДС предпочли возложить ответственность за проигранные выборы лично на «несменяемого» Г. Коля. Тому пришлось уйти в отставку с поста председателя партии (для соблюдения приличий он стал лишенным реальной власти «почетным председателем»). Лидером партии избрали его главного внутрипартийного оппонента Вольфганга Шойбле, который и предложил кандидатуру Меркель на должность генерального секретаря. Чуть позже разразился шумный скандал по поводу так называемого «незаконного финансирования» предвыборной избирательной кампании ХДС, по ходу которого Коль отказался назвать имена замешанных в этом спорном деле спонсоров. Со стороны партии было отказано в поддержке его позиции, и он навсегда рассорился с новым руководством ХДС.

Признаков того, что А. Меркель терзалась сомнениями, принимая решение, в чьей лодке плыть, замечено не было. Власть находилась уже на расстоянии протянутой руки. Она публично выступила с призывом к «обновлению» ХДС, который, по ее убеждению, был в состоянии добиться успеха и без Г. Коля. В этот момент, как по заказу, чувствительный удар по престижу получил В. Шойбле: свара в партийной верхушке не прошла для него бесследно, и он был также вынужден уйти в отставку. Меркель осталась на ристалище в гордом одиночестве, и очередной съезд ХДС в апреле 2000 г. избрал ее председателем партии. Однако дожидаться, когда социал-демократы оступятся и ХДС вновь сможет вернуться во власть, пришлось довольно долго.

Тем временем в блоке христианских партий обострилась конкуренция в борьбе за манящий пост канцлера. А. Меркель пришлось на первых порах уступить, и на парламентские выборы 2002 г. ХДС/ХСС вышли под предводительством председателя баварского ХСС Эдмунда Штойбера в качестве кандидата на главную государственную должность. Эти выборы были проиграны. Одной из причин поражения стал пацифистский настрой германской общественности: правящая коалиция СДПГ и «зеленых» отказалась благословить затеянную под фальшивым предлогом войну США в Ираке, в то время как А. Меркель всецело поддержала ее [Merkel verteidigt...]. Впервые столь недвусмысленно проявилась готовность будущего главы германского правительства следовать любым зигзагам американской политики. Вассальная преданность не осталась незамеченной за океаном. Отныне содействие Вашингтона было Меркель обеспечено.

Оппозиционный период карьеры А. Меркель был отмечен также последовательным «выдавливанием» из руководства ХДС потенциальных соперников, способных претендовать на высшие посты в государстве. Наиболее характерным был конфликт с располагавшим значительным влиянием в высших финансовых кругах ФРГ Фридрихом Мерцем, занимавшим перспективный пост председателя объединенной фракции ХДС/ХСС в бундестаге. Он сделал серьезную заявку на роль теоретика германского консерватизма. Всеобщее внимание привлекла выдвинутая им концепция «ведущей германской культуры» («deutsche Leitkultur»), которая, в противовес распространенной в то

время в ФРГ теории «симбиоза культур», или мультикультурализма («Multikultur»), исходила из того, что постоянно живущие в Германии иностранцы должны интегрироваться в немецкую культурную среду. Уже тогда проблема взаимоотношений между коренным населением и иммигрантами (по большей части турками) стала приобретать чрезвычайную остроту. Меркель отклонила идею Мерца (хотя сама некоторое время спустя публично признала, что политика «симбиоза культур» потерпела крах). Восстановив партийную традицию, она лично возглавила парламентскую фракцию ХДС/ХСС. Оскорбленный Мерц бросил политику и ушел в большой бизнес.

«Мамочка Меркель»

Судьбоносный час пробил для А. Меркель в ноябре 2005 г., когда после удачного для ХДС/ХСС исхода парламентских выборов она была большинством голосов депутатов бундестага избрана федеральным канцлером. Для характеристики нового главы правительства была типична превосходная степень: самый молодой канцлер (51 год) за все время существования ФРГ, первая в германской истории женщина на этом посту, первый немецкий канцлер с естественно-научным образованием (остальные были по преимуществу юристами). Наконец, впервые столь важную должность занял выходец из Восточной Германии (пусть даже связь Меркель с ГДР была по существу только формальной).

Парламентская база, на которую опиралось правительство Меркель, была также не совсем обычной для ФРГ. В эту так называемую большую коалицию входили обе наиболее многочисленные («народные», по немецкой терминологии) партии ФРГ. Столь тесное единение ХДС/ХСС и СДПГ наблюдалось в прошлом лишь один раз — в 1966–1969 гг., когда канцлером был Курт Георг Кизингер (ХДС), а вице-канцлером, министром иностранных дел — Вилли Брандт (СДПГ). На протяжении почти всего остального времени существования ФРГ ее политическая система носила по существу бипартийный характер: ХДС/ХСС и СДПГ были противостоящими полюсами, вокруг которых в той или иной комбинации группировались более мелкие партии. Эксперимент с совместным ведением государственных дел в рамках единой правящей коалиции закончился в конце 60-х годов не совсем удачно для христианских партий. Социал-демократы оттеснили их от властных вершин, договорившись со свободными демократами. Последовал продолжительный (1969–1982 гг.) период социал-демократического (совместно со СвДП) правления. Этот исторический урок требовал от Меркель особой осторожности в общении с партнером-соперником.

Впрочем, к началу XXI в. социал-демократы во многом растеряли свой боевой дух и пробивную силу по сравнению с предшествовавшим героическим периодом реальной борьбы за власть. Партия не располагала более вождями ранга Вилли Брандта или Гельмута Шмидта, его преемника на посту канцлера. Неумная энергия Герхарда Шредера пугала многих в руководстве СДПГ, привыкшем к спокойному оппозиционному существованию за 16 лет канцлерства Гельмута Коля (1982–1998 гг.). Предлагавшиеся социал-демократами решения возникающих время от времени экономических и внутривнутриполитических проблем ФРГ практически ничем не отличались от рецептов

ХДС/ХСС и зачастую были больше ориентированы на интересы крупного капитала, чем на нужды средних слоев населения. Тожественность политической платформы обеих «народных партий» стала особенно очевидной в ходе широкомасштабной операции по присоединению ГДР, когда западногерманский политический класс выступал единым фронтом. В условиях объединенной Германии разницу в позициях христианских партий и социал-демократов можно было разглядеть только во внешнеполитической сфере, где определенное влияние сохранял Эгон Бар, творец концепции «новой восточной политики», с которой связано занимаемое В. Брандтом место в европейской истории. Но не внешняя политика определяет по большей части поведение немецкого избирателя.

А. Меркель неплохо справилась с необходимостью убедительно подтвердить преемственность своей политики по отношению к успешному в целом курсу Г. Коля, обозначив в то же время отказ от самолюбования, характерного для «канцлера воссоединения». Молодость не помешала ей вжиться в роль заботливой и методичной хозяйки, занятой прозаическим делом наведения и поддержания порядка в германском, а заодно и в европейском доме. Линия поведения Меркель точно соответствовала правилу, которое находит отклик в душе любого немца, независимо от его социального положения и политических убеждений: «Должен быть порядок» («Ordnung muss sein»). (Некогда стальную, а ныне несколько расшатавшуюся немецкую дисциплину не смогли добить даже гей-парады, на которые собираются нетрадиционные сексуалы со всего континента.)

Готовность «шагать в ногу со временем» А. Меркель демонстрировала в том, что касается покровительства всевозможным меньшинствам, а также следования новейшим веяниям европейской политической моды, типа «ювенальной юстиции». Она первой из глав европейских правительств использовала возможность вещания в интернете, чтобы еженедельно в непринужденной форме кратко информировать население о своих оценках происходящего в стране и за ее пределами, а также о прогнозах на будущее. Вряд ли было случайностью, что свой первый «подкаст» в июне 2006 г. она посвятила проходившему в ФРГ чемпионату мира по футболу. Футбол — это практически общенациональная страсть немцев. Обращение к слушателям в стиле общения футбольных фанатов послужило лучшей демонстрацией близости нового канцлера к народу. Язык публичных выступлений Меркель был нарочито прост и понятен для каждого. В целом она сумела подобрать верный ключик к сердцу немецкого обывателя. Постепенно за ней закрепилось чуть-чуть ироническое, но по существу исполненное сердечной симпатии прозвище «мамочка» («Mutti»).

Возглавляемый Меркель ХДС стал уверенно увеличивать отрыв от своего главного соперника, которым оставалась СДПГ. Участие социал-демократов в «большой коалиции» на правах младшего партнера неуклонно вело к эрозии голосующего за них сектора избирательского корпуса. В самом же блоке ХДС/ХСС Меркель приобрела черты безальтернативного германского вождя — в силу отсутствия в руководстве христианских партий ярких политиков, способных составить ей настоящую конкуренцию (причем она лично приложила руку к созданию такой ситуации). Сама судьба, казалось,

благоволила к Меркель — бури и невзгоды, время от времени обрушивающиеся на Евросоюз, обходили ее и управляемое ею государство стороной. Экономика ФРГ крепла вопреки нарастанию кризисных явлений в других европейских странах. Германия все основательнее закреплялась на позициях неоспоримого лидера интегрированной части Европы.

Начались изменения и в сфере внешней политики — постепенно и почти незаметно, как всегда у А. Меркель. Поначалу основные элементы преемственности не были затронуты, по крайней мере формально. Но очень скоро стало ясно, что за борт выброшено главное внешнеполитическое достижение эры Шредера — тихо скончался неформальный «треугольник» Париж-Берлин-Москва, возникший после того, как эти три столицы отказались одобрить американскую интервенцию в Ираке. Для Меркель существование подобной трехсторонней конструкции было абсолютно неприемлемым, поскольку носило по существу характер вызова глобальным амбициям США, настаивавшим на своем праве управлять миром. Она не могла также смириться с тем, что «треугольник» мог означать преодоление последствий холодной войны на европейском континенте, — для нее, как и для Вашингтона, холодная война еще не достигла своей главной цели: ликвидации российского влияния в мире; в ее глазах Россия продолжала оставаться глобальным противником [См.: Максимычев, 2014; 2018].

Если для Г. Шредера свободный механизм франко-германо-российских консультаций был равнозначен заявке на признание самостоятельности Европы в качестве глобального центра влияния, то А. Меркель больше всего опасалась утратить доверие США и осложнить тем самым германо-американские отношения. Она не верила в способность Евросоюза утвердиться в роли равноправного игрока на мировой арене, а главное — в возможность для Германии сохранить в таком случае ведущие позиции на континенте: ведь большинство членов Евросоюза следовали указаниям из Вашингтона. В американской же тени, по ее убеждению, ФРГ вполне может рассчитывать на полномочия своего рода прокуратора европейской провинции.

Вассальная преданность Соединенным Штатам была для нового канцлера безусловным политическим стержнем. Даже тесные отношения с Францией, без которых германское верховенство в Евросоюзе было бы невысказанным, занимают подчиненное место в ее представлениях о глобальном миропорядке. В этом сказывается не только признание роли США как высшего главы Запада и тем самым «владыки мира»; здесь просвечивают также личные воспоминания А. Меркель о трагическом конце ГДР, когда горбачевская Москва с готовностью и в ущерб себе предала своего важнейшего стратегического союзника в Европе. Именно тогда у будущего канцлера сложилось убеждение, что в конфликте с США Россия придет в конце концов к тому, чем завершило свое существование СССР: капитулирует и развалится. Делать ставку на того, кто непременно проиграет, не отвечает сугубо практической немецкой натуре. К тому же не стоит забывать об уходящем корнями глубоко в германскую историю «натиске на Восток» — Дранг нах Остен.

В руководящих кругах ФРГ, опьяненных неожиданной триумфальной «победой» над СССР, позиция А. Меркель не выделялась оригинальностью. Логика рассуждений, основанных на презумпции разгрома объединенным Западом восточного гиганта в холодной войне, была с готовностью воспринята всем германским политическим классом. Как и канцлер, большинство германских «властителей дум» полагали, что ФРГ в качестве верного союзника США открыт путь к командным высотам второго уровня сначала в Западной Европе, затем на всем европейском континенте и, наконец, в глобальном масштабе. Первые попытки замены столь блестяще оправдавшей себя «новой восточной политики» Вилли Брандта возведением нового «санитарного кордона» вдоль западных рубежей России относятся к временам правления Г. Коля. Учреждение в августе 1991 г. Веймарского треугольника в составе ФРГ, Франции и Польши отражало начавшуюся перестройку стратегического мышления немцев, выражавшуюся, в частности, в требовании: «Ни одного соглашения с Россией без предварительного одобрения Польшей». Мало кого в ФРГ тогда смущало, что выполнение этого требования означает в действительности демонстративное игнорирование интересов Советского Союза / Российской Федерации.

Перевод внешней политики ФРГ на антироссийские рельсы занял определенное время. При Г. Коле возведение польских интересов в ранг приоритета, что неизбежно создавало тормоз на пути развития отношений с Россией, лишь намечалось, а при Г. Шредере было и вовсе оттеснено на задний план — именно при нем началась реализация проекта газопровода «Северный поток», против которого шумно протестовали поляки. А вот А. Меркель начала демонтаж политических отношений с Россией сразу же после прихода к власти. Она с порога официально объявила отношения с непосредственными соседями ФРГ своим абсолютным приоритетом. Конечно, при ней был введен в действие «Северный поток-1» и начато сооружение «Северного потока-2», но это диктовалось не стремлением к укреплению российско-германских отношений, а совершенно конкретными, императивно заявленными германскими хозяйственными нуждами.

Резко изменилась атмосфера предусмотренных в договорном порядке российско-германских встреч на высшем и министерском уровне. Постоянно проявлялись попытки Берлина вмешиваться во внутренние дела РФ, используя тему защиты прав человека. Вошли в практику приемы, демонстративно устраиваемые Меркель для представителей «внесистемной» прозападной оппозиции в России. Созданный Владимиром Путиным и Герхардом Шредером «Петербургский диалог» как площадка для всесторонних контактов и дискуссий по актуальным проблемам внутреннего и международного развития стал походить на фехтовальный зал, где соревнующиеся стремятся как можно более чувствительно «уколоть» другую сторону.

Деструктивный фон российско-германских отношений, созданный германской стороной при А. Меркель, делает понятными причины резко враждебной реакции ФРГ на воссоединение Крыма с Россией, хотя кому как не немцам должен быть понятен моральный и правовой контекст этого исторического события — воссоединившейся Германии еще не исполнилось и 30 лет. Крым и гражданская война на Донбассе яви-

лись для Берлина не причиной, а поводом для организации похорон конструктивного сотрудничества с Россией. Общеизвестная роль германской дипломатии в подготовке и реализации государственного переворота на Украине в феврале 2014 г., а также во введении Евросоюзом антироссийских санкций не оставляет сомнений в том, что замораживание отношений с проводящей независимую политику Россией было давней целью ориентированной на укрепление союза с США политики А. Меркель, поддержанной социал-демократами.

Кризис

Долгий период успешности подталкивает, как правило, к усыплению бдительности и росту соблазна игнорировать реальность. К тому же синдром отличника плохо сочетается со способностью адекватно оценивать возможные зигзаги труднопрогнозируемых процессов. В 2016 г. Ангела Меркель пошла ва-банк, поставив все на победу Хиллари Клинтон на президентских выборах в США. Для нее, уже предвкушавшей американо-германскую гармонию в деле совместного управления делами Запада, избрание Дональда Трампа было равнозначно удару в солнечное сплетение. Шок оказался тем болезненнее, что наложился на потрясение, вызванное недооценкой канцлером силы протестной реакции немцев на иммиграционный кризис.

Обе ошибки были обусловлены тем, что А. Меркель пропустила момент, когда кризис американского глобализма перерос в его катастрофу и в международную политику стал возвращаться принцип национальной самоидентификации. Не одна она проявила подобную близорукость. Большинство представителей европейского политического класса также не поняли, что достигнута «точка невозврата», что массовый протест против навязывания извне чужой воли превратился в определяющий фактор развития внутренней обстановки в странах Евросоюза. Неожиданно для них лицемерие, с которым элиты еще недавно успешно оправдывали все творимое ими, ссылаясь на западные или европейские ценности, стало все чаще восприниматься гражданами именно как лицемерие и ничего больше. Люди перестали воспринимать призыв жертвовать национальными интересами во имя чего-то, что на поверку всегда оказывалось нужным только американской либеральной империи или управляемой из-за океана бюрократии ЕС. Универсальная дубинка для дисциплинирования союзников США сломалась, когда Д. Трамп с его лозунгом «Америка превыше всего!» нанес удар, так сказать, в спину глашатаям «общих ценностей».

По ряду исторических и психологических причин национальный ренессанс особенно остро сказался на ситуации в ФРГ. С 1945 г. немцам (особенно западным) усиленно внушали: все, что связано с понятием «нация», неприемлемо и предосудительно, потому что в прошлом в Германии существовал преступный режим, претендовавший на титул национального (точнее, национал-социалистского), и все, что можно было бы назвать национальными интересами немцев, должно по этой причине быть подчинено общим интересам Запада. В ГДР дело с общими интересами Востока обстояло не так однозначно, поскольку интернационалистская философия марксизма провозглашала не отмену, а гармонию национальных интересов строящих социализм народов.

Отчасти и поэтому восточные немцы гораздо свободнее оперировали понятиями нации и национальных интересов.

Вопреки привычным штампам, ГДР, в отличие от Западной Германии, во многом сохранила традиционную немецкую культуру со всеми ее сильными и некоторыми слабыми сторонами. Вальтер Момпер, видный представитель СДПГ, правящий бургомистр (Западного) Берлина в 1989–1990 гг., зафиксировал в своих мемуарах: «В то время как у большинства западных немцев было лишь туманное представление о жизни немцев в ГДР, западные берлинцы доподлинно знали, что происходит в [советской] “зоне”. Я тоже охотно посещал ГДР, мне нравились земля и люди. Им приходилось жить в безрадостном окружении. Города и дома были серыми, модерн и блеск Запада отсутствовали. С другой стороны, ГДР не была так американизирована, так унифицирована на западный манер, как ФРГ. Все выглядело намного более немецким, более приземленным и более преходящим. Для меня поездки в ГДР всегда были поездками также и в германскую историю» [Mompfer, s. 150–151].

Именно восточные, а не западные немцы выступили в качестве инициаторов присоединения ГДР к ФРГ в 1989–1990 гг. Однако Западная Германия постаралась облачить процесс поглощения Восточной не в национальные, а в антикоммунистические одежды. И только затопившие в последние годы Германию миллионные потоки новых мигрантов из охваченных не без участия Запада войнами регионов планеты и связанное с этим обострение криминогенной обстановки в прежде идиллически спокойных немецких городах и всяких вернули национальную проблематику в общественный дискурс. К всеобщему удивлению оказалось, что и западные немцы не только не забыли, но и не собирались забывать, что в Германии существует такая же нация, как и другие нации, с теми же правами и интересами, что и у всех.

После того как А. Меркель приветствовала массовое прибытие иммигрантов, заявив: «Мы справимся!» [Sommerpressekonferenz...], ее харизма рухнула. До немцев дошло, что непогрешимая канцлер может допускать неверные шаги. Для огромного сектора избирательного корпуса ФРГ она перестала быть «германской мамочкой» и превратилась в «хромую утку».

Неизвестно, было ли самостоятельным или подсказанным решение А. Меркель не выдвигать свою кандидатуру на выборах председателя ХДС на очередном съезде партии в декабре 2018 г. Во всяком случае, оно логически вытекало из сложившейся негативной ситуации. Пару лет назад ее намерение завершить в ближайшее время политическую карьеру вызвало бы смятение и великий плач по всей Германии, поскольку сама мысль о том, что канцлером будет не А. Меркель, представлялась большинству избирателей почти святотатственной. Теперь ничего подобного не наблюдалось. Были сразу заявлены кандидаты в преемники действующего председателя ХДС, и началось деловое обсуждение их шансов одержать верх.

Пробил час подведения итогов длившегося практически полтора десятилетия правления пока что единственной женщины на посту главы германской исполнительной

власти. Ей предшествовала череда выдающихся государственных деятелей, первым из которых был «железный канцлер» Отто фон Бисмарк, создавший современную Германию. Его овеянная легендами незаурядная фигура до сих пор остается точкой отсчета при определении степени успешности политиков, берущихся управлять немцами. По преданию, Бисмарк завещал немцам на все времена осмотрительное отношение к России. Передают его слова: «Заключайте союзы с кем угодно, развязывайте любые войны, но никогда не трогайте русских». До сравнения с Бисмарком масштабы Меркель не дотягивают. Ее вклад в присоединение ГДР к ФРГ незначителен, и ей не удалось устранить различия между восточными и западными немцами. Но самое главное: она не вняла совету Бисмарка по части германо-русского сотрудничества.

Во внутривнутриполитической сфере результаты «эры Меркель» выглядят разнонаправленными. К числу ее успехов можно отнести впечатляющее ослабление влияния социал-демократов. За время «больших коалиций» СДПГ растеряла практически все свои позиции в политической жизни страны, хотя еще при Г. Коле она продолжала играть роль главного соперника ХДС/ХСС. Сейчас в рейтинге избирательных симпатий социал-демократы идут наравне с новыми правыми из «Альтернативы для Германии» (АдГ) или даже уступают им. Конечно, вряд ли стоит вменять это обстоятельство в заслуги одной А. Меркель. Все европейские социалисты переживают сейчас острейший кризис — стоит только посмотреть на французских коллег СДПГ, которые к концу президентства своего однопартийца ушли в политическое небытие¹. Но усилия Меркель по вовлечению в орбиту влияния христианских партий среднего класса, на интересы которого ориентируется также СДПГ, несомненно, способствовали таким результатам.

В то же время именно повышенное внимание, уделяемое среднему классу, привело к оголению правого фланга ХДС/ХСС, на котором смогла развернуться «Альтернатива для Германии» (АдГ), возникшая и окрепшая на волне недовольства «исламизацией» ФРГ. А. Меркель сама распахнула двери для АдГ, обратившись к мигрантам из стран Ближнего Востока и Северной Африки с призывом приезжать и устраиваться в ФРГ. Не случайно Фридрих Мерц сделал одним из центральных пунктов своей предвыборной программы упрек в адрес руководства ХДС по поводу недооценки опасности, которую представляет собой АдГ. Но ответный ход его политических противников, объявивших Мерца «человеком вчерашнего дня», произвел сильное впечатление на партийный аппарат ХДС, который и решил в конечном счете, что новым председателем партии станет Аннегрет Крамп-Карренбауэр. Партийным аппаратчикам было что терять в случае победы Ф. Мерца, получившего неофициальный, но вполне оправданный титул «анти-

1 Экзистенциальные трудности, переживаемые европейскими социалистами, приводят к значительному обострению внутривнутриполитической ситуации в странах Евросоюза. В частности, отсутствие социалистической (хотя бы по названию) альтернативы обусловило появление на улицах французских городов «желтых жилетов» со всеми вытекающими из этого последствиями. Можно только согласиться с редактором «Шпигеля» Яном Фляйшхауэром, который недавно констатировал: «Стабильность послевоенного демократического строя [ФРГ] всегда опиралась на прочность обеих его великих опор — досточтимого Христианского союза и еще более досточтимой Социал-демократии. Это отличало Германию от многих стран с более гетерогенной и тем самым намного более хаотичной партийной системой» [Fleischhauer].

Меркель» [см. напр.: Bauer]

Противоречивыми оказались и итоги внешнеполитической деятельности А. Меркель. Бесспорно, она упрочила руководящую роль ФРГ в Евросоюзе, чему способствовали дальнейшее ослабление позиций Франции при президенте Франсуа Олланде и продолжающаяся «детронизация» Великобритании, вызванная как отсутствием объективных предпосылок для того, чтобы играть роль великой державы, на которую она упорно претендует, так и недалекостью британского политического класса, решившегося на Брекзит. Немцы высоко оценили заслуги А. Меркель в этой области, иной раз даже преувеличивая дипломатические способности канцлера (в частности, в рамках «Нормандского формата»). Например, не так давно журнал «Шпигель» писал: «Украинский кризис был первым значительным конфликтом в Европе после Второй мировой войны, урегулирование которого США предоставили европейцам — то есть Германии, Меркель. В условиях украинского кризиса она стала политиком глобального масштаба. Она вела переговоры с Путиным, в бесчисленных переговорах по телефону добивалась уступок с его стороны» [Hoffmann].

Однако положение ФРГ в качестве «хозяйки Евросоюза» приносит Германии не только плюсы. Оно вызывает также осложнения в ее отношениях с более слабыми странами ЕС, на которые Берлин упорно оказывает давление, безоговорочно требуя финансовой дисциплины и сокращения государственных расходов. Общественность переживающих экономические трудности стран возлагает непосредственно на Берлин ответственность за снижение своего жизненного уровня. Немцам охотно припоминают германские прегрешения в годы Второй мировой войны. Кое-где муссируется гипотетическая возможность дополнительной выплаты репараций за причиненный нацистами ущерб. Особенно болезненно немцы воспринимают подобные выпады со стороны поляков, которых А. Меркель собиралась сделать главным союзником ФРГ на Востоке Европы.

В целом образ Германии в глазах партнеров объективно ухудшается с каждым годом. Этот процесс сдерживается лишь тем, что финансовый вклад немцев является в конечном счете главным источником наполнения казны ЕС. ФРГ — хозяйка Евросоюза, пока ее экономика господствует в нем. С этой точки зрения проект «Северный поток-2», обеспечивающий на долгие годы вперед конкурентоспособность германской промышленности, является ключом к «светлому будущему» ФРГ. По логике вещей, добиваться срыва проекта должны те, кто хочет ослабления позиций Берлина. Пул противников «Северного потока — 2» возглавляют США, Украина, Польша — страны, которые А. Меркель рассматривает как ближайших союзников. Таким образом, мир для нее как бы перевернулся вверх тормашками.

Вопреки своим антирусским наклонностям, Меркель до сих пор не согласилась похоронить «Северный поток-2», — конечно, не из симпатии к России, а по требованию представителей бизнеса, ответственных за германскую экономику. Но кроме этого ей в сфере восточной политики нечем похвастаться. Охлаждение и формализация стали характерными для российско-германских отношений задолго до украинского кризиса.

Участие министра иностранных дел ФРГ вместе с министрами иностранных дел Франции и Польши в международном прикрытии подготовки и проведения вооруженного путча в Киеве в феврале 2014 г. не было случайным.

Оторвать Украину от России и стравить их друг с другом было целью еще кайзеровской Германии. В 1918 г. германские и австро-венгерские оккупационные силы учредили после Брестского мира с Россией «независимую» Украину во главе с гетманом П.П. Скоропадским — в качестве германского протектората, которому они собирались передать почти половину европейской части России вплоть до северного побережья Каспийского моря. Тогда планам германского военного командования помешала капитуляция рейха, не столько потерпевшего поражение на полях сражения Западного фронта, сколько поспешившего предотвратить вступление иностранных войск на территорию Германии после народных бунтов в тылу. На получение статуса, подобного режиму Скоропадского, рассчитывали украинские приспешники Гитлера, объявленные майданной властью «героями нации». Киевский путч 2014 г. стал в определенной степени реализацией задумок, взлелеянных германскими генералами еще век назад.

Во всяком случае, действия ФРГ полностью укладываются в схему столетней давности. Нынешний украинский кризис был на сто процентов использован Берлином для развертывания русофобской кампании, А. Меркель стала главным мотором принятых Евросоюзом антироссийских санкций. Вот только все это в конечном счете не принесло ФРГ ожидавшегося политического выигрыша. Наоборот, произошло ослабление германских позиций, да и в целом позиций ЕС в международных делах. По инициативе Германии весь Евросоюз поставил себя в зависимость от украинского конфликта, от действий безответственного режима П.А. Порошенко, и осознание серьезной опасности этой ситуации пробивает себе дорогу, в том числе и в ФРГ. Тем более что заморозить Россию в «нулевом статусе» девяностых не удалось.

Мюнхенская речь российского президента (2007 г.) и «восьмидневная война» 2008 г. стали знаковыми событиями, ознаменовавшими возвращение России на мировую арену. Российское содействие в разгроме террористического «исламского государства» на территории Сирии и восстановлении там гражданского мира не оставило сомнений в способности и готовности Москвы выполнять глобальные обязательства. Это опровергло пророчество о «конце истории» в том смысле, что определяемый США монополярный миропорядок пришел навсегда. Мир остался многополярным. Но только признать эту истину и сделать практические выводы из такого признания оказалось невероятно трудно, практически невозможно для убежденных в своем превосходстве западных лидеров, одним из которых, несомненно, является А. Меркель.

Ближайшие перспективы

На важнейшем для дальнейших судеб партии съезде ХДС в Гамбурге в декабре 2018 г. А. Меркель еще раз продемонстрировала свои лучшие качества организатора-отличницы. Благодаря тщательно продуманной канцлером режиссуре, во вто-

ром туре голосования председателем партии была избрана поддержанная ею Аннегрет Крамп-Карренбауэр, хотя и минимальным большинством — при почти тысяче делегатов ее главному сопернику Фридриху Мерцу не хватило для победы всего 19 голосов. АКК (как принято сокращать довольно сложное имя нового председателя ХДС) — это провинциальный политический деятель из Саара, в прошлом премьер-министр этой крошечной земли, около года занимавшая пост генерального секретаря ХДС, полученный ею по предложению все той же Меркель. Она рассматривается в германской политике как «копия» Меркель, ее «клон», «мини-Меркель» [См. напр.: Bauer; Hassel].

АКК пророчат повторение карьерного взлета ее покровительницы, начавшегося также с должности генерального секретаря партии. Но для этого ей необходимо отделить себя от А. Меркель, чтобы переломить связанную с именем нынешнего канцлера тенденцию потери симпатий избирателей, сохраняющуюся на протяжении последних избирательных кампаний. Решение этой сложнейшей задачи отнюдь не гарантировано. Избрание Крамп-Карренбауэр — выигрыш для Меркель, которой удалось таким образом отсрочить свою отставку с поста канцлера, возможно, до 2021 г. Станет ли оно выигрышем и для ХДС, которому предстоит преодолеть глубокие внутренние противоречия, — покажет время.

Нельзя сказать, что тема необходимых и неизбежных перемен в политике ХДС по всему спектру стоящих перед ФРГ проблем не присутствовала в дискуссиях, ведущихся в партии, в том числе и среди делегатов съезда 2018 г. Всеобъемлющий кризис партии очевиден для всех, пути его преодоления обсуждаются страстно и с небывалой резкостью. Двое из трех кандидатов на освобождавшийся пост председателя ХДС (Фридрих Мерц и Иенс Шпан) требовали путем решительного изменения профиля партии на важнейших направлениях политики ФРГ обозначить разрыв с «эрой Меркель», завершающейся не только провалами в сфере внутренней политики, но и внешнеполитическими неудачами. Предложенные ими шаги не поражали радикальностью и полетом творческой мысли, но могли служить показателем убеждения, что многое в германской политической реальности должно стать иным. В том числе и спокойная, будничная, но упорная манера Меркель вести даже самые острые и напряженные дела.

С А. Крамп-Карренбауэр во главе ХДС не приходится ожидать скорых и серьезных сдвигов в политике ФРГ. Между тем на обстановку в Германии влияет и общее обострение кризисных явлений в интегрированной части Европы. Под знаком неудач складывается политическая карьера также Терезы Мэй и Эмманюэля Макрона. Германскую общественность сильно обеспокоила атмосфера бунта на улицах французских городов, обусловленная протестом против, казалось бы, не столь значительной проблемы повышения налога на автомобильное топливо. В этой связи вспомнили, с какой легкостью студенческие волнения 1968 г. во Франции перекинулись на Западную Германию. Перспектива снижения жизненного уровня населения Великобритании в связи с «жестким» Брекзитом не добавляет немцам оптимизма. Видный германский дипломат, председатель Международной конференции по безопасности в Мюнхене Вольфганг Ишингер рисует тревожную картину на окружающем ФРГ пространстве: «В становя-

щемся все более авторитарным и нелиберальным мире Европе придется еще настойчивее бороться за свои интересы и сохранение миропорядка, который приносил ей до сих пор огромный выигрыш» [Ischinger, s. 253]. В ФРГ ширится осознание, что срочные изменения назрели по всей линии государственного управления. Вопрос в том, успеют ли политики, ответственные за положение дел в стране, принять превентивные меры, прежде чем недовольство людей выплеснется на улицы.

Очень может быть, что найти путь к преодолению возникшего тупика будет суждено новым политикам, ворвавшимся в германскую политическую жизнь на гребне массового протеста против несостоятельной глобалистской линии, проводимой совместно ХДС/ХСС и СДПГ. Феномен появления новых людей в европейской политике не ограничивается ФРГ. Ренессанс национальной идеи охватил большую часть Европы. Три четверти века не только немцев, но и всех европейцев убеждали в том, что нация и национальные интересы — это плохо и предосудительно, что мир стал «глобальным», что им руководит Вашингтон... Три четверти века европейцы послушно голосовали за партии, для которых термин «национальный» звучал как ругательство. И только потоки иммигрантов, переполнившие европейские города и поставившие под угрозу сохранение европейского стиля жизни, подвигли жителей Старого света на попытку разобраться в том, насколько справедливо и насколько соответствует их представлениям о добре и зле мироустройство, закрепляющее разбухание американской империи до размеров всего земного шара.

Именно с принципами американской империи несогласны те новые политические силы, которые несколько лет назад спонтанно появились практически одновременно во всех ведущих европейских странах. Они получили самые различные названия, звучащие подчас довольно экзотически — евроскептики, антиглобалисты, традиционалисты, популисты, крайне правые. По существу же все они более или менее аутентично отражают крутой поворот в общественном сознании большинства стран «старой» Европы, связанный с возвращением национального самосознания в европейскую политическую реальность в качестве защитной реакции на глобализм американского толка.

Против новых партий и объединений выступили в показательном единении все представители старого политического класса — правые, левые, либералы, консерваторы, националисты и т.д. В ход была сразу пущена тяжелая артиллерия — новых объявили родичами германского национал-социализма, хотя оснований для этого столько же, сколько для приравнивания социалистов к партии Адольфа Гитлера (кстати, такой прием действительно использовался в Западной Германии во времена Конрада Аденауэра). Ложность обвинения защитников национальных интересов в национализме легче всего доказать на примере отношения соответствующих партий к России: новые политики отвергают русофобию и считают сотрудничество с Россией единственным реальным способом обеспечить безопасность на европейском континенте.

Будущее за новыми партиями, поскольку только они предлагают путь, ведущий к прочному миру в Европе. Но когда их голос станет определяющим для политики каждой европейской страны, и прежде всего ФРГ, — предсказать трудно. Предстоящее

завершение «эры Меркель» донельзя обострило постоянно стоящий перед Германией судьбоносный вопрос о ее месте в глобальной политике, и прежде всего о характере ее взаимоотношений с Россией, — вопрос, неудовлетворительное решение которого неоднократно ставило немцев в прошлом на край национальной катастрофы. Пока А. Меркель находится у руля германской политики, ждать существенного поворота не приходится. Но ее вероятным преемникам стоит задуматься уже сейчас. В конечном счете дело идет о судьбе Германии.

Сегодня ФРГ вновь на распутье. В который раз немцам приходится решать, должны ли они и могут ли позволить себе состоять в конфронтации с державой, без добрых отношений с которой невозможна безопасность ни в Европе, ни в мире. Остается надеяться, что поиски правильного решения в разумные сроки приведут к позитивному результату.

Литература

- Максими́чев И.Ф. Россия — Германия. Война и мир. От мировых катастроф к европейской безопасности. М. 2014.
- Максими́чев И. Падение Берлинской стены. Из записок советника-посланника Посольства СССР в Берлине. М., 2011.
- Примаков: в бывшей Югославии все время будет «плавающая стабильность» // Вести. 25.03.2009. — URL: vesti.ru/doc.html?id=267070
- Bauer U. Mini-Merkel, Anti-Merkel und Rebell // DW.ru. 02.11.2018. — URL: dw.com/de/mini-merkel-anti-merkel-und-rebell/a-46127154 (date of access: 05.12.2018).
- Fleischhauer J. Annegret Kramp-Karrenbauer: Frau von gestern // Spiegel. 29.11.2018. — URL: spiegel.de/politik/deutschland/annegret-kramp-karrenbauer-frau-von-gestern-kolumne-a-1241038.html (date of access: 05.12.2018).
- Hassel T. “AKK” - mehr als ein Merkel-Klon // tagesschau.de. 19.02.2018. — URL: tagesschau.de/inland/kommentar-akk-101.html (date of access: 05.12.2018).
- Hoffmann Ch. Merkels Vermächtnis steht auf dem Spiel // Spiegel. 29.11.2018. — URL: spiegel.de/politik/ausland/ukraine-krise-angela-merkel-vermaechtnis-steht-auf-dem-spiel-a-1241016.html (date of access: 05.12.2018).
- Ischinger W. Welt in Gefahr. Deutschland und Europa in unsicheren Zeiten. Berlin. 2018.
- Maximyschew I. Russland begreifen. Berlin. 2018.
- Merkel verteidigt Irak-Krieg // Frankfurter Allgemeine. 27.03.2003. — URL: faz.net/aktuell/politik/cdu-csu-merkel-verteidigt-irak-krieg-189806.html (date of access: 05.12.2018).
- Mit Helmut Kohl hätte es Jugoslawien-Krieg nicht gegeben: Willy Wimmer zum Tod des Altkanzlers // RT. 16.06.2017. — URL: deutsch.rt.com/inland/52517-kein-jugoslawien-krieg-mit-helmut-kohl-willy-wimmer-zum-tod-des-altkanzlers/ (date of access: 05.12.2018).
- Momper W. Grenzfall. Berlin im Brennpunkt deutscher Geschichte. Bertelsmann. München. 1991
- Sommerpressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel // Die Bundesregierung. 31.08.2015. — URL: bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/pressekonferenzen/sommerpressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-848300 (date of access: 05.12.2018).

DOI 10.32726/2411-3417-2018-4-84-103

УДК 94

Антон Крутиков

Феномен Юзефа Пилсудского и столетие польской независимости

Аннотация. *Фигура Юзефа Пилсудского является самым узнаваемым символом, связанным с обретением Польшей независимости. «Легенда» маршала, его политическое наследие оказали заметное влияние на государственное развитие Польши в XX в. Попытки использовать идеи Пилсудского и само его имя в современных условиях неизбежно становятся предметом споров как политиков, так и историков, порождают конфликты. Несмотря на противоречивость оценок, главный герой польского патристического мифа остается в сознании большинства поляков важной составляющей национальной идентичности.*

Ключевые слова: *Юзеф Пилсудский, Польша, польская независимость, историческая память, национальное самосознание.*

Понятие «ноябрьские праздники» уже на протяжении многих десятилетий является своеобразным культурно-историческим символом, в определенном смысле объединяющим русских и поляков. Трудно объяснить простым совпадением тот факт, что важнейшие события в жизни двух соседних славянских народов в XX веке произошли именно в этом месяце. Польский Ноябрь, ставший прямым ответом на Ноябрь¹ российский и его политическим антиподом, открыл новую эру в польской истории, вернув страну на политическую карту Европы. Он объединил разделенные между тремя бывшими империями польские земли и дал стране нового общенационального лидера, чей авторитарный режим оказался одной из наиболее ярких характеристик Второй Речи Посполитой в межвоенное двадцатилетие.

Для современных поляков дата 11 ноября 1918 г. по-прежнему имеет символический и во многом сакральный смысл. Праздник, запрещенный во времена «Народной Польши» правительством Болеслава Берута, стал в 1970–1980-е годы символом сопротивления коммунистическому режиму в ПНР и идеалом того поколения людей, которое привело страну к повторному «обретению независимости» в 1989-м.

С началом в ПНР «политики трансформации», преемственность между «старой» и «новой» Польшей была обеспечена благодаря «транзиту» политического наследия

1 Октябрьская революция, как известно, по новому стилю произошла в ноябре, поэтому автор и сравнивает два Ноября. — *Ред.*

Сведения об авторе: *Крутиков Антон Алексеевич — историк, Научно-просветительский проект «Западная Русь» (Минск, Беларусь); bialyorzel1000@gmail.com.*

Второй Речи Посполитой, который новые власти страны постарались оформить в виде ряда символических актов.

Одной из таких акций (но, далеко не единственной) стала передача президентских регалий последним президентом в изгнании Рышардом Качоровским, прибывшим в Варшаву из Лондона в 1989 г. по приглашению польского Сейма.

15 февраля 1989 г. Сейм Польши также восстановил празднование 11 ноября в память о «поколениях поляков, боровшихся за свободу и независимость» своей страны и в целях «увековечивания годовщины обретения польским народом независимого государственного существования» [Ustawa... poz. 34]. Этот праздничный день, получивший официальное название «Национальный праздник независимости» («Narodowe Święto niepodległości»), прочно вошел в число наиболее заметных памятных дат современной Польши.

Начиная с 2010 г. центральным элементом праздника стал проходящий в Варшаве Марш независимости, организованный по инициативе националистических ассоциаций, таких как «Национально-радикальный лагерь» (ONR) и «Польская молодежь» (Młodzież Wszepolska). Обе организации называют себя преемниками «эндеков» — мощного националистического объединения, существовавшего с конца XIX в., одним из идеологов которого был Роман Дмовский, главный оппонент Юзефа Пилсудского. До 2015 г. Марш рассматривался как «нишевое» мероприятие оппозиции и объединял правую польскую интеллигенцию и молодежь, выступавшую против правящей на тот момент «Гражданской платформы». После победы на выборах правой партии «Право и справедливость» и прихода к власти нового президента Анджея Дуды, Марш начал приобретать черты официального государственного мероприятия.

Столетие польской независимости, которое страна отметила 11 ноября 2018 г., стало одним из важнейших общественно-политических событий в новейшей истории Республики Польша. Накануне 11 ноября в Варшаве и других регионах страны прошли праздничные концерты, гуляния, патриотические манифестации и торжественные мессы в костелах. В Кракове собравшиеся на Рыночной площади установили даже своеобразный рекорд по количеству людей, которые одновременно пели официальный гимн Войска польского — песню «My, pierwsza brygada» [Święto Niepodległości...].

Одним из главных пунктов праздничной программы в Варшаве должен был стать «Марш независимости», который традиционно проходит во второй половине дня 11 ноября по центру польской столицы. Как и в предыдущие годы, участники марша планировали собраться днем на площади Романа Дмовского и пройти по Иерусалимским аллеям через мост Понятовского и Щецинскую набережную к Национальному стадиону, где вечером должен был состояться праздничный концерт. По оценкам польских властей, в этом году марш также установил своеобразный рекорд, так как его участниками в Варшаве стали более 250 тыс.

Эти праздничные мероприятия и приуроченные к ним выступления польских политиков и общественных деятелей дают возможность не только подвести определенные итоги в государственном развитии Польши, но и оценить роль национальных символов и героев в конструировании современной польской идентичности.

Тень маршала

Для большинства поляков фигура Юзефа Пилсудского до сих пор является самым узнаваемым символом, связанным с возрождением польской независимости. Достаточно сказать, что военный парад проходит 11 ноября в Варшаве на площади, названной его именем (в прошлом Саксонской). Революционер и создатель польских легионов, узник Магдебурга и Начальник государства, полководец и идейный вдохновитель «майского переворота» — многообразное наследие Ю. Пилсудского является тем политическим багажом, в котором до сих пор ищут свою легитимность самые разные политические силы.

Отношение современной польской элиты к итогам «тревожного столетия», прожитого страной в XX в., остается неоднозначным. Оно колеблется от безусловно положительного и даже приподнято-восторженного («Торжество культуры» — Славомир Сераковский) до однозначно негативного («Польша не является независимой» — Януш Корвин-Микке). Посередине этого спектра можно встретить более умеренные позиции («Возвращаемся к вечным ценностям» — Ян Ольшевский и «Работа еще не закончена» — архиепископ Войцех Поляк, примас Польши) [Płociński]. По мнению предстоятеля польского Костела, обретение независимости — помимо того, что оно является поводом для национальной гордости, — должно быть неразрывно связано с ответственностью. «Независимость не только была нам дана — за нее еще и спросят», — заявил он накануне праздника в интервью изданию Rzeczpospolita [Там же].

А по словам самого эпатажного польского политика Я. Корвина-Микке, независимость современного польского государства — вещь достаточно условная. Независимой была как раз ПНР. Ведь даже в то время «законы принимались не в Москве, а в Варшаве, а сейчас законы принимаются в Брюсселе», считает основатель «Союза реальной политики» и «Конгресса новых правых» [Korwin-Mikke: Polska...]. Если принять во внимание, что среди руководителей современного «коллективного Брюсселя» находится бывший польский премьер Дональд Туск (давно и последовательно выступающий с критикой польских правых), данное высказывание Корвина-Микке приобретает еще большую остроту.

Более того, по его мнению, сам выбор даты 11 ноября выглядит весьма спорным. Ведь Польша была объявлена независимой еще 7 октября 1918 г., когда соответствующую декларацию принял Регентский совет Королевства Польского. 11 ноября произошла лишь передача власти Ю. Пилсудскому. Таким образом, этот день следовало бы отмечать исключительно польским левым, а вовсе не национальным демократам и правым, чьи заслуги в возрождении польской независимости при Пилсудском долго и сознательно замалчивались.

Многолетний исследователь наследия Ю. Пилсудского, известный интеллектуал и политик, экстраординарный профессор Варшавского университета Томаш Наленч накануне 11 ноября 2018 г. выразил недоумение, почему официальные власти, представленные сторонниками партии «Право и справедливость» (PiS), согласились проводить Марш независимости совместно с радикальными националистическими организациями. «Государственная власть не может вести переговоры с какой-то экстремистской группой и выступать с ней вместе», — считает историк. Ведь первый маршал Польши, если он признан (и вполне заслуженно) строителем польской независимости, никогда бы не одобрил подобных действий [Nałęcz: Wspólny marsz...]. Как заявил Наленч, постоянные участники Марша независимости — ONR и «Польская молодежь» — являются наследниками именно экстремистских националистических организаций 1930-х годов, которые «Юзеф Пилсудский запретил... потому что считал, что они разрушают государство» [Там же]. Сегодня же именно они стали олицетворять польскую патриотическую идею.

Что же касается партии «Гражданская платформа», то ее отношение к различным «маршам» 11 ноября всегда было однозначно отрицательным. Глава Европейского совета и сооснователь «Гражданской платформы» Д. Туск вообще не участвовал в этот день ни в одном из официальных мероприятий и дистанцировался от представителей польских властей. А выступая на «Играх свободы» в Лодзи накануне празднований, политик нашел повод и для прямой критики: «Если Юзеф Пилсудский и (лидер «Солидарности», экс-президент Польши) Лех Валенса могли победить большевиков, а оба они находились в намного более трудной ситуации, нежели сейчас, то почему вы не могли бы победить современных большевиков?» — обратился он с вопросом к аудитории, имея в виду современных партийных функционеров партии «Право и солидарность» [Mosne wystąpienie Tuska...]. Собравшиеся с восторгом встретили предложение Туска: «Оставим этот марш в покое. Займемся каждый своей работой. Ведь именно в те моменты, когда поляки рассчитывали на свои силы и на солидарность, они неизменно выигрывали» [Там же].

Впрочем, ни Д. Туск, ни потерпевший поражение на выборах 2015 г. Бронислав Коморовский не относятся сегодня к числу популярных польских политиков. Бездарно проигранные «Гражданской платформой» осенью 2015 г. парламентские выборы не позволили ей остаться в числе влиятельных политических сил страны. Поэтому вполне ожидаемой была реакция вице-спикера Сената Польши Адама Белана, заявившего, что главе Европейского совета следует «сосредоточиться на своей работе в Брюсселе, а не разделять поляков» [Bielan o Tusku...].

Подобные пикировки подтверждают: наследие Ю. Пилсудского не объединяет, а скорее разделяет современную польскую элиту. Попытки использовать идеи маршала и даже само его имя в споре с политическими оппонентами неизбежно приводят к конфликту. Праздничные мероприятия стали лишь дополнительным катализатором для подобных споров, участники которых зачастую уходят очень далеко от «первоисточника».

В связи с этим представляется важным установить подлинные обстоятельства событий 11 ноября 1918 г. и ту роль, которую сыграл в них Ю. Пилсудский. Только отделяя факты от «легенды», можно судить об истинной природе этого праздника и происхождении культа Пилсудского.

«На свободной земле»

В конце Первой мировой войны крушение сразу трех европейских империй предоставило полякам уникальный шанс для возрождения своей государственности. Неуклонное приближение развязки на Западном фронте сделало возможным не только создание собственных государственных структур, но и преодоление раскола польских земель, уже 123 года находившихся во власти трех великих европейских держав.

Стремительный распад Австро-Венгрии и начало революции в Германии стали серьезным испытанием для польских политических сил. Созданные ими институты в Познани и Варшаве, Кракове и Люблине зачастую принимали прямо противоположные решения, в их действиях не хватало единства и последовательности.

Регентский совет в Варшаве, находившийся под контролем Германии и Австро-Венгрии, до последнего момента не спешил разрывать сотрудничество с Центральными державами. Лишь 7 октября 1918 г. члены Регентского совета выступили с декларацией, в которой провозгласили «создание независимого государства, охватывающего все польские земли с доступом к морю, политически и экономически самостоятельного». Текст этой декларации почти дословно воспроизводил 13-й пункт «январской программы» президента США В. Вильсона («14 пунктов Вильсона»), которая теперь становилась краеугольным камнем для всего «польского дела». Как гласил текст этой программы, «Должно быть создано независимое Польское государство, [...] которому должен быть обеспечен свободный и надежный доступ к морю и политическая и экономическая независимость которого, равно как и территориальная целостность, должны быть гарантированы международным договором» [Woodrow Wilson's «Fourteen Points»...].

Так как новое германское правительство принца Макса Баденского выразило согласие вести переговоры с союзниками именно на основании «14 пунктов», политики в Варшаве посчитали и для себя этот документ руководством к действию. Вслед за этим в Варшаве было образовано новое правительство, изменен текст воинской присяги и издан декрет о формировании регулярной армии. На пост военного министра планировалось назначить самого популярного на тот момент в Польше политика — Ю. Пилсудского. Впрочем, сам «комендант» (так называли Пилсудского соратники) ничего не знал об этом, находясь еще с июля 1917 г. в заключении в германской крепости Магдебург.

Регентский совет, в составе варшавского архиепископа Александра Каковского, князя Здислава Любомирского и графа Юзефа Островского, представлял аристократические консервативные круги и не мог рассматриваться польским обществом в ка-

честве легитимного центра власти. Несмотря на то что регенты не относились к числу явных германофилов (граф Ю. Островский еще до войны дважды избирался членом Государственного совета Российской империи), их авторитет в патриотических кругах был крайне невысок.

Видя неизбежное поражение стран Четверного союза, польские политики на местах с энтузиазмом приступили к созданию собственных властных структур. В конце октября — начале ноября 1918 г. в Польше возникло сразу несколько не признающих друг друга центров власти, а в восточных районах страны появились первые советы. Вполне реальной стала опасность внутреннего конфликта, а возможно — и гражданской войны [Böhler, p. 190]. События все больше приобретали стихийный характер, и польским политическим силам оставалось постараться не отставать от них.

В Кракове 28 октября 1918 г. польские депутаты австрийского парламента создали Польскую ликвидационную комиссию, которая два дня спустя взяла власть в свои руки на польских территориях бывшей монархии Габсбургов. Этот самопровозглашенный орган возглавил бывший депутат австрийского Рейхсрата, основатель польской крестьянской партии «Пяст» Винценты Витос.

В Познани в начале ноября 1918 г. был образован Главный народный совет (Naczelna Rada Ludowa), претендовавший на власть в Великой Польше, Верхней Силезии и Восточном Поморье. Его возглавлял коллективный комиссариат в составе С. Адамского, В. Корфанты и А. Пошвиньского. В Познани и ряде других городов полякам удалось взять в свои руки муниципальные органы управления и установить контроль над местными рабочими и солдатскими советами. Впрочем, юридически эта территория все еще принадлежала Германии, и ее судьба должна была решаться на мирной конференции. Вспыхнувшее в конце 1918 г. Великопольское восстание разрешило вопрос гораздо быстрее и радикальнее, вернув полякам этот важный в стратегическом отношении край, бывший некогда историческим ядром формирования польского государства.

В Тешине, на пограничной территории между Польшей и Чехией, 19 октября 1918 г. начал работу Народный совет Тешинского княжества во главе князем Юзефом Лодзином. Здесь уже тогда возникла почва для будущего чешско-польского территориального спора.

В Люблине 7 ноября 1918 г. активисты подконтрольных Пилсудскому военизированных организаций совершили переворот, в ходе которого было образовано Народное правительство Польской Республики во главе с социалистом Игнацием Дашинским. Правительство Дашинского (соратника Ю. Пилсудского) немедленно выступило с программой радикальных социальных преобразований, что сразу же оттолкнуло от него умеренные и правые силы. Это правительство не было признано ни Краковом, ни Варшавой, все еще находившейся под контролем немцев.

Стремясь любой ценой не допустить развития событий «по российскому сценарию», Регентский совет был готов передать всю власть в руки одного лидера, который смог

бы консолидировать польское общество и объединить разрозненные политические группы. Таким политиком, по общему убеждению, мог быть только Ю. Пилсудский.

Пребывание в Магдебурге создало Ю. Пилсудскому ореол «мученика за отчизну» и «борца за независимость». Он имел опыт участия в Первой мировой войне и носил чин бригадира австро-венгерской армии. За годы войны «комендант» из малоизвестного лидера социалистической партии и руководителя ее боевой организации превратился в популярного деятеля, известного во всех частях Польши, авторитетного и имевшего опыт управления большим числом преданных ему активистов. За Пилсудским стояли польские военизированные структуры, в том числе «Польская военная организация» (POW) и «Конвент», численностью более 15 тыс. человек. Он сам предсказывал, что подобные организации пригодятся, когда вопрос о независимости страны перейдет в практическую стадию [Матвеев, с. 230–232]. 15 месяцев заключения Пилсудского в Магдебурге были использованы его сторонниками для широкого распространения его «легенды» в польском обществе [Там же]. По меткому выражению историков Дарьи и Томаша Наленч, «чем дольше его не было, тем больше людей с нетерпением ожидали его возвращения». Авторитет Пилсудского не подвергался сомнению ни левыми, ни правыми силами; его взгляды находили приверженцев среди политиков, интеллигенции и деятелей культуры.

Попытки использовать фигуру Ю. Пилсудского в качестве национального лидера начались еще до ноября 1918 г. Летом 1918 г. князь З. Любомирский и другие члены Регентского совета обращались к германским властям с просьбой освободить Пилсудского, однако получили отказ. Поводом для такого обращения послужило письмо Пилсудского, направленное князю Любомирскому в июле 1918 г., где он выражал недоумение по поводу своего ареста и требовал от германских военных официального суда [Józef Piłsudski w Magdeburgu...]. «Обращаясь к вам, князь, — писал Пилсудский, — я прошу о том, в чем не отказывают даже самым опасным преступникам, — о суде. Мне все равно, какой это будет суд — польский, австрийский или немецкий, гражданский, военный или полевой. Пусть мне, наконец, скажут, что я совершил такое, что уже целый год не могу ни с кем перемолвить слова. Пусть, наконец, мои тяжкие преступления будут рассмотрены судом и на мою виновную голову падет приговор наисуровейшего — но права» [Там же].

Было совершенно очевидно, что никакой вины перед оккупационными властями Пилсудский не чувствовал. Складывалось впечатление, что его заключение было превентивным. Серьезных политических обвинений ему никто никогда не предъявлял. Немцы попросту «берегли» его и откладывали освобождение до того момента, когда можно было бы с наибольшим успехом использовать его популярность.

До сих пор роль Германии в тех польских событиях остается предметом спора историков. Доподлинно не известно, были ли у германских властей какие-либо неформальные договоренности с Ю. Пилсудским накануне его освобождения. Однако известно, что соответствующие контакты имели место 31 октября и 6 ноября 1918 г., после чего Пилсудский 9 ноября был освобожден и на автомобиле срочно доставлен из Магдебурга в Берлин. Вечером того же дня «комендант» специальным литерным поездом, состоявшим всего из одного вагона, направился из Берлина в Варшаву.

Пилсудский прибыл в польскую столицу в 7 часов утра 10 ноября. Вопреки легенде, на Венском вокзале его встречали не толпы сторонников, а всего несколько человек: член Регентского совета князь З. Любомирский, узнавший о приезде накануне ночью, а также главный комендант POW немецкой зоны оккупации Адам Коц. Германия держала в секрете не только время, но и сам факт освобождения «коменданта», прекрасно сознавая степень его популярности в польском обществе. Прямо с вокзала он направился в резиденцию З. Любомирского, где начал переговоры с членами Регентского совета.

Почти сразу обнаружилась полная противоположность взглядов. Пилсудский намеревался немедленно выехать в Люблин, где уже три дня существовало дружественное ему правительство социалистов И. Дашинского. Но это в планы членов Регентского совета совершенно не входило. Князь Любомирский отговаривал его от этого плана, утверждая, что правительство в Люблине «одностороннее, партийное». Варшавским политикам было понятно, что никакого соглашения с правительством социалистов достичь не удастся. «Но это мое правительство, — возражал Пилсудский, — правительство моих друзей». На замечание Любомирского, что правительство в Люблине не является общенациональным, Пилсудский отвечал: «Да, но зато на свободной земле». «Здесь земля в любой момент может стать свободной», — парировал Любомирский [Książę Zdzisław Lubomirski...].

После долгих переговоров Пилсудский все же решил отменить свою поездку. Решающим аргументом стало увиденное им на улицах Варшавы: в польской столице были уже все признаки начинающейся революции. Немецкие солдаты разоружали своих офицеров и создавали солдатские комитеты, а среди поляков все чаще раздавались возгласы «Niech żyje Polska!» («Да здравствует Польша!»). Пилсудский вовремя осознал, что его присутствие в Варшаве гораздо более необходимо, чем в провинциальном Люблине. Именно здесь следовало приступить к созданию польских общенациональных органов власти.

Еще на вокзале Пилсудский отдал распоряжение начать разоружение германских воинских частей в столице. Участвовать в этом должны были активисты POW — других сил в его распоряжении не было. Однако сделать это было не так просто, в ряде случаев немцы оказывали сопротивление. Лишь к концу дня 10 ноября военная власть в городе перешла в руки солдатских комитетов, а германский генерал-губернатор Ганс Гартвиг фон Базелер тайно покинул Варшаву. Немцы обратились к Пилсудскому с предложением передать в руки поляков все военные объекты в обмен на беспрепятственный пропуск 80 тыс. германских военнослужащих на родину. 11 ноября Пилсудский дал на это согласие. К этому моменту на территории германской и австрийской частей Польши уже не осталось ни одного представителя оккупационных властей¹.

1 Речь идет именно о «представителях оккупационных властей» (администрации), а не о военнослужащих. С отъездом генерал-губернатора фон Базелера в польской столице возник вакуум власти, которым и воспользовался Пилсудский. Бегство фон Базелера сделало возможным передачу военных полномочий Пилсудскому, что стало главным содержанием событий 11 ноября. На территории Польши к этому моменту насчитывалось 80 тыс. германских военнослужащих, в Варшаве — около 30 тыс. Их эвакуация заняла около трех недель.

11 ноября Регентский совет в Варшаве официально передал Пилсудскому командование над всеми польскими вооруженными силами. Это решение мотивировалось «угрожающей опасностью, внутренней и внешней» и необходимостью «обеспечения порядка в крае» [Odezwa Rady Regencyjnej...]. Таким способом Совет стремился загладить и свой «консерватизм», и прошлое сотрудничество с оккупационными властями. Регенты понимали, что их политическая миссия закончена. Нерешенной оставалась лишь юридическая сторона дела.

14 ноября 1918 г. члены Регентского совета собрались на свое последнее заседание в резиденции графа Ю. Островского. Сам граф Островский, старейший из членов Регентского совета, был болен, и важнейшее решение в жизни польского государства принималось у него дома в неформальной обстановке. Очень долго не удавалось найти нужную формулировку: на каких условиях и в какой форме будет передана власть. Пилсудский торопился и грозил: «Ну если и вы не знаете, как это сделать, то я сам уеду в Вильно» (будущий маршал был уроженцем Литвы) [Książę Zdzisław Lubomirski...]. Наконец необходимая формула была найдена. Регентский совет принял решение о своем самороспуске. Официальный текст документа гласил: «с этого момента наши обязанности и ответственность перед польским народом в твои руки, Начальный Вождь, вручаем, до передачи их национальному правительству» [Listopad 1918 г.].

Эпоха «регентской Польши» завершилась. Пилсудский, принимая власть, подчеркивал ее легитимный характер и преемственность и давал понять, что склонен прагматично относиться к тому наследию и тем институтам, которые были созданы при германской оккупации.

Разумеется, на начальном этапе формирования новых польских государственных структур это создавало определенные трудности. Многие современники обвиняли Ю. Пилсудского в том, что он получил власть из рук политиков, запятнавших себя сотрудничеством с оккупантами. Для других было неприемлемо его революционное прошлое, а сам лидер казался им слишком «левым».

В силу этих причин «национальное правительство», о котором говорил текст документа, хоть и было сформировано спустя всего несколько дней — 18 ноября, оказалось очень недолговечным. Лишь после возвращения в Варшаву из Парижа известного польского политика и композитора Игнация Падеревского, в начале 1919 г. удалось сформировать правительство народного доверия, опирающееся на широкую общественную поддержку.

Зато громкий титул «Начальник государства», присвоенный Пилсудскому впоследствии, должен был стать предметом гордости для польского лидера. Ведь еще в конце XVIII столетия так именовал себя другой национальный герой, которому Пилсудский всегда стремился подражать, — Тадеуш Костюшко.

Рождение легенды

Исключительность событий 11–14 ноября 1918 г. и патриотический подъем в обществе нашли отражение не только в официальных документах, но и в многочисленных воспоминаниях очевидцев и современников. «Кто не пережил этих коротких дней, кто не плакал от счастья в эти дни вместе с целым народом, тот так и не достиг в своей жизни наивысшей радости» — так описывал атмосферу ноябрьских дней в Варшаве Енджей Морачевский — социалист, соратник Пилсудского и первый глава правительства независимой Польши [Listopad 1918 г.].

Современники отмечали и объективные трудности, с которыми столкнулись власти при строительстве нового польского государства. Польское общество остро нуждалось в объединяющей страну идеологии, что было вполне естественно, т.к. польская государственность создавалась на основе частей сразу трех бывших европейских монархий. Фрагментарность польской национальной идеи, отсутствие выраженных культурных связей между отдельными регионами страны и, наконец, многонациональный характер самого государства делали Польшу неким подобием Австро-Венгрии. По словам современного германского исследователя Йохена Белера, «национальное самосознание» в отдаленных регионах страны, особенно у жителей восточных и западных «крезов», находилось в зачаточном состоянии [Böhler, p. 191–192]. «Национальность, — по словам историка, — не была основной категорией, вокруг которой объединялся окружающий их мир» [Там же]. Именно поэтому сохранение памяти об 11 ноября и популяризация легенды главного героя ноябрьских событий стали приоритетом для польских властей уже в первые месяцы существования Польской Республики.

Первые торжества в честь 11 ноября состоялись в Варшаве через год, в 1919 г. С этого момента установилась традиция ежегодно отмечать те события в первое воскресенье после 11 ноября. Так, например, в 1920 г. праздничные торжества прошли 14 ноября и были гораздо более масштабными. В этот день польские власти и жители Варшавы чествовали Ю. Пилсудского как верховного вождя, победоносно завершившего советско-польскую войну, и вручили ему маршальскую булаву. Праздник приобрел военный характер, и надолго.

Память о ноябрьских днях и возрождении независимости была неразрывно связана с историей легионерского движения 1914–1918 гг. Культ легионеров начал формироваться в стране практически сразу, как только закончилась активная фаза «борьбы за Польшу». Ключевую роль в формировании этого культа сыграл сам Ю. Пилсудский, выступавший как знаменитый создатель легионов и их бессменный руководитель в 1914–1916 гг. Маршал принимал активное участие в работе Союза польских легионеров (Związek Legionistów Polskich), образованного в 1918 г. Во главе этой организации находился ближайший соратник Пилсудского, генерал Эдвард Рыдз-Смиглы.

В 1922 г. на I Съезде польских легионеров, проходившем при участии польского лидера, было принято решение о создании в Кракове Музея борьбы за независимость, Дома Юзефа Пилсудского, а также памятника борьбе за независимость и Юзефу Пил-

судскому. Эти проекты были частично реализованы в 1930-е годы [100 lat temu...]. Участники легионерского движения прилагали немало сил для сохранения памяти о событиях 1914–1918 гг. и популяризации наиболее заметных символов той эпохи.

Пилсудский неизменно оказывал покровительство своим бывшим соратникам. Принадлежность к легионерскому движению в межвоенной Польше почти автоматически открывала широкие возможности для продвижения по карьерной лестнице. В 1920-е годы многие влиятельные польские руководители оказались выходцами именно из легионерской среды.

Вот как описывал, например, политическую судьбу Казимежа Соснковского, получившего пост военного министра, известный польский мемуарист Ежи Климовский: «Ближайший приятель и соратник Пилсудского еще со времен легионов, он только благодаря последнему пользовался предельно большим почетом в Польше, регулярно получая по военной линии самые высокие посты и почетные звания» [Климовский, с. 14].

Легионерское прошлое можно обнаружить у многих известных политиков и военных, среди которых начальник генерального штаба Тадеуш Пискор, генеральный инспектор польской армии Э. Рыдз-Смиглы, военный атташе в Румынии Болеслав Венява-Длугошевский, генерал, депутат польского Сейма и лидер Партии труда Юзеф Галлер [Kusiak, s. 241].

Однако «легионерская легенда» не просто сформировала элиту Второй Речи Посполитой. Она позволила трактовать Пилсудского как выдающегося народного вождя, талантливого стратега и полководца, «воскресителя Польши», защитника народа и строителя государства. Эти титулы говорили об особых правах маршала в отношении польского общества. А популярное прозвище «дедушка» (Dziadek) свидетельствовало о патерналистском характере отношений между маршалом и его соотечественниками. Резолюция Сейма, принятая 28 июля 1923 г., однозначно определяла эти отношения: «Маршал Юзеф Пилсудский, как Начальник государства и Верховный вождь, имеет заслуги перед народом» [Sprawozdanie stenograficzne... s. 756].

Таким образом, еще до майского переворота 1926 г. был сформирован культ польского лидера, а история событий 1918–1920 гг. была в значительной мере мифологизирована. Поражение молодой польской демократии и установление режима личной власти Ю. Пилсудского, опиравшегося на поддержку военных, облегчили его дальнейшую глорификацию. При этом сознательно замалчивались заслуги политических оппонентов Пилсудского в становлении независимой Польши. Среди них были как национальные демократы во главе с Романом Дмовским, так и консерваторы, заложившие основы польских государственных институтов еще в 1916–1918 гг., в период Регентского королевства.

Совершенно справедливым представляется мнение ряда польских историков, что в окончательной своей форме легенда и культ Пилсудского сформировались не в годы

Первой мировой войны (несмотря на всю славу и популярность легионерского движения), а в 1920–1930-е годы, когда они были закреплены на законодательном уровне [Biskupski, s. 12; Kusiak, s. 244].

Возможности же идеологических противников Ю. Пилсудского развивать в отношении него критический нарратив были крайне ограничены. В 1920–1926 гг. часто объектом критики становилось его революционное прошлое (когда Пилсудского открыто называли нападавшим на поезда боевиком-социалистом) и недемократичный характер его власти. Однако серьезнее были обвинения в стратегических ошибках во время советско-польской войны 1919–1921 гг., в результате которых в критический момент Варшавской битвы польское государство было поставлено на край гибели. Противники Пилсудского из национально-демократического лагеря отказывались признать за ним авторство плана успешного контрнаступления под Варшавой в августе 1920 г. В зависимости от предпочтений, эти успехи приписывались генералу Тадеушу Розвадовскому, генералу Владиславу Сикорскому, генералу Максиму Вейгану, польским телеграфистам и шифровальщикам и, наконец, вмешательству высших сил [Kusiak, s. 244].

Определенный свет на истинное соотношение правды и вымысла в трактовке этих событий проливает свидетельство генерала Т. Розвадовского, в 1920 г. начальника Главного штаба Войска польского: «На благо Польши, на благо отношениям с Францией, для поддержания престижа маршала Пилсудского как главы государства, [...] тот принял частично незаслуженные лавры» [Generał Tadeusz Rozwadowski...]. Таким образом, даже польские военные признавали мифологизированный характер официальной версии событий 1920 г.

Сторонники Пилсудского были убеждены, что маршал (с 1923 г. отошедший от политической деятельности) является единственной фигурой, способной «оздоровить» общественно-политическую ситуацию в стране. Возникшая таким образом «концепция моральной санации» дала название новому политическому движению и стала идеологической основой для майского переворота 1926 г. С этого момента культ Пилсудского превратился в официальную государственную идеологию, а в политическом дискурсе доминировала только позитивная оценка его деятельности.

Для противодействия противникам и критикам польские власти еще в 1923 г. создали Институт изучения новейшей истории Польши под председательством Леона Василевского, в прошлом — видного члена Польской социалистической партии (Польская партия социалистов, ППС) и Польской военной организации. Эта структура получила исключительное право на изучение архивных материалов и источников, посвященных борьбе за независимость, и взяла на себя функцию создания официальной биографии маршала. Помимо архивной работы, институт, носивший с ноября 1935 г. имя Юзефа Пилсудского, издавал труды, посвященные жизненному пути польского лидера и направленные на пропаганду культа его личности.

Сходные функции в вооруженных силах выполнял созданный в 1920 г. Военный научно-издательский институт (Wojskowy Instytut Naukowo-Wydawniczy). Это учрежде-

ние во главе с полковником Вацлавом Токажем занималось научной, просветительской и агитационной работой в армии.

Огромную роль в формировании культа Пилсудского в 1920-е годы сыграла польская периодическая печать: *Rząd i Wojsko*, *Naród*, *Droga*, *Nakaz Chwili* и др. Среди редакторов и организаторов этих изданий особенно выделялись публицист Адам Скварчинский, ставший после майского переворота 1926 г. шефом общего отдела гражданской канцелярии президента Польши, и редактор газеты *Droga*, бывший легионер и член ППС Януш Енджеевич. Последний, получивший позднее пост министра народного просвещения, был напрямую связан с реформой народного образования 1932 г., в ходе которой культ Пилсудского стал важной частью программы «государственного воспитания» в средних учебных заведениях. «Учитывая, что личность Пилсудского является живым символом всего самого высокого и прекрасного, лучшим в нашей традиции примером для воспитания, — заявлял Енджеевич, — любовь и уважение к нему польская школа должна всемерно расширять и культивировать» [Jędrzejewicz, s. 163].

Енджеевич оказался у истоков создания нескольких общественных организаций, выступавших в качестве опоры санационного режима в 1930-е годы. В 1930 г. по инициативе властей был образован «Молодой легион» (*Legion Młodych*), целью которого было распространение культа Пилсудского среди студентов и создание альтернативы руководимой «эндеками» «Польской молодежи» (уже упомянутая *Młodzież Wszechpolska*). В 1932 г. властями была сформирована еще одна организация — «Передовая гвардия» (*Straż Przednia*), объединявшая молодежь в возрасте от 15 лет до 21 года. Ее создание было тесно связано с необходимостью подготовки кадров для «Легиона»; кроме того, «Гвардия» выполняла и самостоятельные функции, распространяла идеи маршала и несла в молодежную среду официальную правительственную пропаганду.

Ю. Пилсудский становился героем улиц и площадей, школ и общественных организаций. Ему ставились памятники. В его честь был назван крупнейший польский океанский лайнер «Пилсудский» построенный в итальянском Триесте в 1935 г. Характерно, что второй такой лайнер, построенный год спустя, был назван в честь Стефана Батория [Gola, s. 342–343]. Именем маршала называли самолеты польских ВВС, боевые корабли и отдельные воинские подразделения. В Войске польском день именин маршала — 19 марта — всегда был праздничным: военные присутствовали на торжественных службах в костелах и получали возможность посетить резиденцию маршала в Сулеювке под Варшавой. Характерно, что этот день, как и 11 ноября, были в первую очередь праздниками для военных. Элита «санационного режима» была тесно связана с армейской средой, а армия и школа традиционно оставались в числе главных институтов «государственного воспитания» в Польше в межвоенное двадцатилетие.

Военный аспект биографии Пилсудского сделал возможным формирование образа маршала на основе примеров крупнейших польских полководцев прошлого: королей Яна III Собеского и Стефана Батория, князя Юзефа Понятовского. Эти фигуры представлялись наиболее подходящими, чтобы сделать акцент на борьбе с анархией в общественной жизни и мобилизовать соотечественников вокруг «патриотических» ценностей

[Цихорацкий]. Даже художественные образы, прославлявшие маршала, были так или иначе связаны с его легионерским прошлым или участием в советско-польской войне 1920 г. Немало деятелей искусства шли в свое время добровольцами в легионы, а затем и в Войско польское. Среди них, например, такие известные польские художники, как Леон Вычулковский и Войцех Коссака. Их деятельность в 1914–1918 гг., а также в период советско-польской войны была направлена на увековечивание памяти о воинских подвигах Пилсудского, создание образа гениального стратега и полководца.

Хрестоматийным стало изображение польского лидера на картине В. Коссака «Юзеф Пилсудский на Каштанке» (1928), где он показан верхом на любимой лошади, в окружении соратников, уверенно смотрящим вперед в неустрашимой и полной достоинства позе [Wysocki, s. 131]. Однако апофеозом живописного прославления маршала считается появившаяся в 1935 г. картина польского художника Ежи Коссака «На пороге вечности» (*Na progu wieczności*). На ней Пилсудский изображен поднимающимся по ступеням лестницы, на вершине которой его приветствуют Т. Костюшко и Ю. Понятовский. Два национальных героя, символизирующих неразрывность эпох в борьбе поляков за свою независимость, готовы заключить в свои объятия Пилсудского, переходящего из истории в вечность [Там же].

Пропаганда культа личности Пилсудского продолжилась и после его ухода из жизни в 1935 г., что полностью укладывалось в логику действий «санационной элиты», для которой маршал был персональным воплощением правящего режима. Президент Игнаций Мосцицкий в своем траурном обращении к нации называл Пилсудского величайшим человеком в польской истории [*O rędzie żałobne prezydenta...*]. В июне 1935 г. был создан Главный комитет почитания памяти маршала Ю. Пилсудского, занимавшийся координацией памятных мероприятий, причем покровительствовать ему должен был сам глава государства [Цихорацкий].

В последние предвоенные годы власти постарались закрепить прославление маршала на правовом уровне. 23 апреля 1937 г. Сейм Польши официально установил новый государственный праздник — День независимости. Выбор даты для этого праздника был вполне очевиден. 11 ноября — как гласил текст закона, «день, на вечные времена связанный с великим именем Юзефа Пилсудского, победоносного вождя народа в войнах за свободу отчизны», — было объявлено нерабочим днем. В апреле 1938 г. Сейм принял закон «Об охране имени Юзефа Пилсудского», который стал уникальным правовым актом в польской истории, — он был единственным законом, защищающим честь и достоинство одного человека. Память маршала была объявлена находящейся под особой защитой государства. За неуважение к имени Пилсудского и оскорбление его памяти нарушителям грозило до 5 лет лишения свободы [Kusiak, s. 244].

Накануне сентября 1939 г. правящая элита в последний раз обратилась к образу Ю. Пилсудского, что должно было послужить мобилизации общества в условиях надвигающейся военной угрозы [*Szlakiem Jozefa Pilsudskiego*, s. 104]. Однако эффективность этих попыток, как показали дальнейшие события, была крайне невысокой.

По выражению Е. Климковского, предвоенная Польша управлялась «поддерживавшей президента Мосцицкого военной камарильей», присвоившей себе наследие маршала и распорядившейся страной от его имени [Климковский, с. 14]. Итоги этой политики хорошо известны. Начало Второй мировой войны и сентябрьская трагедия положили конец попыткам последователей Пилсудского возродить Польшу как великую европейскую державу. В сентябре 1939 г. наследники маршала фактически бросили свою армию на произвол судьбы и, перейдя румынскую границу, утратили контроль над страной. Вслед за этим польское государство вновь исчезло с европейской карты. «Легенда» Пилсудского на долгие годы была предана забвению, а его культ в эпоху ПНР находился под строгим запретом.

В «Новой Польше»

Долгие годы в Польше не было даже намеков на официальное почитание памяти Юзефа Пилсудского. То же самое можно сказать и о памятной дате 11 ноября. Законом Краевой Рады Народовой от 22 июля 1945 г. главный польский праздник был отменен [Ustawa..., poz. 194]. В первые послевоенные годы новое польское государство создавалось как радикальная альтернатива Второй Речи Посполитой, что проявлялось и в области официальной идеологии. Государственная пропаганда в ПНР была направлена на удаление образа Пилсудского как из публичного пространства, так и из сознания людей. Однако если первая цель была с успехом достигнута, то со второй справиться так и не удалось. Вопреки усилиям властей, образ маршала упорно не желал исчезать из общественной памяти.

Парадоксальную связь между действиями по дискредитации маршала и ростом его популярности в обществе коммунистическая элита ПНР заметила слишком поздно. Слабость власти отчетливо проявилась в 1980-е годы, когда имя Пилсудского стало знаковым символом сопротивления коммунистическому режиму. В пору военного положения дошло даже до того, что генерал Войцех Ярузельский сам был вынужден обращаться к памяти маршала и апеллировать к выдвинутой им идее государства как наивысшей ценности [Kusiak, s. 248].

В 1989 г., с началом формирования структур III Речи Посполитой, имя Ю. Пилсудского было торжественно возвращено в пантеон национальных героев.

Идеализация довоенного прошлого, ностальгия по досентябрьской Польше и некоторая романтизация этой эпохи стали наиболее заметными чертами польской общественной жизни с начала 1990-х годов. Многие общественные и государственные деятели стремились подчеркнуть свою связь с образом Ю. Пилсудского, актуальность его политического наследия и важность заслуг перед народом. Подражать Пилсудскому и выражать уважение к его памяти стало «хорошим тоном» [Kusiak, s. 249]. Наиболее последователен в этом был лидер «Солидарности» и президент Польши (1990–1995) Лех Валенса. В его случае это выглядело совершенно естественно еще и потому, что в 1989 г. он стал для многих соотечественников таким же символом возрождения независимости, каким был Пилсудский в 1918-м.

Неудивительно, что новый лидер стремился всячески подчеркивать свою связь с эпохой Второй Речи Посполитой и ее героями. Многим полякам запомнилась торжественная встреча президентских регалий, привезенных в Варшаву из Лондона Р. Качоровским в 1989 г. Участие в ней Л. Валенсы добавило последнему популярности (примечательно, что действовавший на тот момент президент Польши генерал В. Ярузельский на церемонию даже не был приглашен). Валенса весьма кстати вспомнил семейную легенду, согласно которой его дед Ян Валенса, служивший в Польской военной организации, был лично знаком с Пилсудским и якобы даже спас маршала в годы советско-польской войны. В семье Валенсы, по его утверждению, долгие годы сохранялась фотография, на которой его знаменитый предок был запечатлен вместе с польским лидером [Nowik...]. Разумеется, проверить подлинность этой легенды не представляется возможным. Но на письменном столе президента Валенсы журналисты не раз замечали небольшой бюст маршала, что говорило о его особом отношении к культуре «воскресителя Польши».

С уважением относился к личности Пилсудского и Папа Римский Иоанн Павел II, который наряду с маршалом и Валенсой сам вошел в тройку наиболее известных фигур польской истории в XX в.

Пик популярности маршала, как справедливо отмечают современные исследователи, пришелся на середину 1990-х годов, однако и позднее его имя польские политики часто использовали в предвыборной борьбе. Во время президентских теледебатов 2005 г. два основных кандидата, Л. Качиньский и Д. Туск, признали Пилсудского наиболее выдающимся политиком Польши XX столетия. Как с иронией отмечали комментаторы (называвшие эту пару «двуглавым орлом»), когда Качиньский первым ответил на вопрос о Пилсудском, Туску не оставалось ничего другого как согласиться. Однако в данном случае можно говорить о давно сформировавшейся позиции: магистерская диссертация Туска, которую тот защитил в далеком 1980 г. в Гданьском университете, была посвящена распространению легенды Пилсудского в межвоенной прессе [Kusiak, s. 249].

Что же касается Качиньского, после своей победы на президентских выборах он в одном из интервью даже заметил, что если бы жил во времена маршала, то поддержал бы майский переворот 1926 г. [Kusiak, s. 250].

Во ходе избирательной компании 2010 г. связь с Пилсудским подчеркивал и будущий президент Польши Б. Коморовский. В одном из радиозэфиров он отметил, что очень ценит «эффект общих корней» с маршалом (имелась в виду духовная связь) и часто обращается к его наследию.

Накануне столетия польской независимости польские политики повторили сказанное в предыдущие годы. По мнению Я. Качиньского, он и его брат всегда считали Пилсудского наиболее выдающимся поляком XX столетия, наряду с Иоанном Павлом II и кардиналом Стефаном Вышинским. Причем особенно высоко Качиньский оценил вклад Пилсудского в развитие польской государственности в 1920-е годы. «Первые

годы Второй Речи Посполитой, — считает лидер польских правых, — прошли под знаком войн за границы, угрозы революции, дезорганизации и хаоса, а также неразвитости политической системы. В слабой Речи Посполитой требовалась попросту лучшая организация власти. В этом случае нам становится понятен вопрос моральной оценки майского переворота» [Kaczyński o Piłsudskim...]. Лидер «Права и солидарности» подчеркнул, что «в определенном смысле» считает себя наследником идеологии Пилсудского [Там же].

Дональд Туск, участвуя в памятных мероприятиях в Лодзи 10 ноября 2018 г., отметил: «Героем, отцом нашей независимости является Юзеф Пилсудский. Героем и отцом нашей свободы является Лех Валенса. Этого факта не изменит никакая историческая политика» [Mocne wystąpienie Tuska...].

Таким образом, традиция официального почитания памяти маршала была продолжена и в современной Польше. И точно так же, как во Второй Речи Посполитой, власти постарались закрепить его легенду на правовом уровне. Как правило, такие документы принимались накануне различных круглых дат, связанных с памятью маршала.

В заявлении Сейма от 12 мая 1995 г. было отмечено, что «Пилсудский остается в памяти народа, как творец независимости и победоносный вождь, избавивший от военной угрозы Европу и ее цивилизацию. Юзеф Пилсудский имеет значительные заслуги перед Отечеством и навсегда вошел в нашу историю» [Oświadczenie Sejmu... poz. 297].

Десять лет спустя, в июне 2005 г. Сейм уже с меньшим пафосом утверждал: «Маршал Юзеф Пилсудский имеет значительные заслуги перед польским народом и государством» (фактически повторив, таким образом, текст сеймового постановления 1923 г.) [Uchwała Sejmu... poz. 537].

В июне 2016 г. Сейм объявил следующий, 2017 г. «годом Юзефа Пилсудского, неутомимого борца за свободу и независимость поляков» [Uchwała Sejmu... poz. 633]. Это постановление было принято к 150-летию юбилею со дня рождения маршала, который страна отметила в декабре 2017 г. Одновременно Сейм объявил 2017 г. и годом Т. Костюшко, связь с которым маршал всегда подчеркивал. Новая памятная дата послужила поводом для многочисленных выставок, концертов, новых научных публикаций. Так как юбилей Пилсудского и столетие польской независимости разделяло менее года, это позволило еще больше сблизить две легенды.

Однако официальный патриотический нарратив получил поддержку далеко не у всех представителей польской элиты. Наибольший отклик среди поляков вызвали работы польского публициста Рафала Земкевича «Зловещая тень маршала» (2017) и «Санация или демократия» (2015–2017). В них автор постарался развенчать миф о главном польском национальном герое. Культ Пилсудского, по его мнению, сегодня особенно вреден для Польши и тормозит ее развитие. «Мы до сих пор живем в тени маршала. Польша утратила новые идеи и точки зрения. Пилсудский был патриотом, всю свою жизнь посвятившим Польше, но, с другой стороны, он уничтожил в Польше демокра-

тию, совершил государственный переворот, был диктатором, поддерживал цензуру и руководил репрессиями против оппозиции» [Ziemkiewicz: Mit Piłsudskiego...].

Следуя традициям польских «эндеков» начала XX в., автор выдвигает главное обвинение: вместо «культы повседневного труда» Пилсудский развивал культ насилия, вооруженной борьбы как единственного способа восстановления независимости.

Современный культ Пилсудского, считает Земкевич, есть не что иное, как продукт «санационной пропаганды». Он является порождением того режима, который после смерти маршала законодательно запретил его критику и активно распространял исправленную версию его биографии, в том числе в школьных учебниках.

Трудно не согласиться с Земкевичем в его оценках исторических последствий такой политики. До сих пор в тени культа Пилсудского остаются видные польские государственные деятели начала XX в., чей вклад в становление независимой Польши был незаслуженно забыт, — Роман Дмовский, Винценты Витос и Войцех Корфанты. В отличие от маршала, они имели собственные политические программы и свое видение польского пути. Пилсудский же был солдатом и по мироощущению «вождем и даже Бонапартом» [Там же]. Реконструируя влияние Пилсудского на польскую политику, Земкевич приходит к выводу, что оно распространяется не только на период Второй Речи Посполитой, но и на современность. И если в 1970–1980-е годы культ маршала имел позитивное значение для борьбы с коммунистическим режимом в ПНР, то сегодня он становится не только ненужным, но даже вредным. Отказ поляков от исторических мифов и выход страны из тени довоенного прошлого мог бы, по мнению Земкевича, решить главную задачу современности: вернуть Польше ее уникальную идентичность, которая всегда была и должна оставаться основой «польскости», — польский республиканизм.

Однако история последнего столетия показывает, что легенда Пилсудского всегда была неотделима от легенды 11 ноября. (Подобно тому, как легенда праздника 4 ноября в России неотделима от судьбы его народных героев — Минина и Пожарского.) После окончания Второй мировой войны польским властям понадобилось даже перенести дату самого праздника, чтобы предать забвению миф Пилсудского. Поэтому до тех пор, пока поляки отмечают День независимости 11 ноября, Пилсудский будет оставаться самой узнаваемой фигурой, связанной с этой памятной датой. Имя маршала по-прежнему будет написано на праздничных знаменах и транспарантах, а его легенда останется заметной частью польского национального самосознания.

Литература

Климковский Е. Гнуснейшие из гнусных. Записки адъютанта генерала Андерса. М. 2011.

Матвеев Г.Ф. Пилсудский. М. 2008.

Наленч Д., Наленч Т. Юзеф Пилсудский. Легенды и факты. М. 1990.

Цихорацкий П. Легенда Юзефа Пилсудского в польском обществе межвоенного периода (1918–1939 годы). — URL: cyberleninka.ru/article/n/legenda-yuzefa-pilsudskogo-v-polskom-obshchestve-mezhvoennogo-perioda-1918-1939-gody (дата обращения: 12.11.2018).

- Bielan o Tusku: Jest sfrustrowanym politykiem. — URL: dorzeczy.pl/kraj/83393/Bielan-o-Tusku-Jest-sfrustrowanym-politykiem.html (date of access: 12.11.2018).
- Biskupski M. B.* Independence Day: Myth, Symbol, and the Creation of Modern Poland. Oxford. 2012.
- Böhler J.* Civil War in Central Europe, 1918–1921: The Reconstruction of Poland. Oxford. 2018.
- Generał Tadeusz Rozwadowski wybitny żołnierz i strateg. — URL: smj.jaroslaw.pl/aktualnosci/571-genera-tadeusz-rozwadowski-wybitny-onierz-i-strateg (date of access: 12.11.2018).
- Gola J.* Polskie transatlantyki — pływające salony sztuki. W: *Sztuka wszędzie*. Warszawa: Akademia Sztuk Pięknych w Warszawie, 2012.
- Hein H.* Der Piłsudski-Kult und seine Bedeutung für den polnischen Staat 1926–1939. Verlag Herder-Institut. Marburg. 2002.
- Jędrzejewicz J.* W służbie idei. Fragmenty pamiętnika i pism. Londyn. 1972.
- Józef Piłsudski w Magdeburgu, czyli więzien stanu nr 1. — URL: dzieje.pl/artykuly-historyczne/jozef-pilsudski-w-magdeburgu-czyli-wiezien-stanu-nr-1 (date of access: 12.11.2018).
- Kaczyński o Piłsudskim: ja i mój brat uważaliśmy się za kontynuatorów jego myśli. — URL: wiadomosci.dziennik.pl/polityka/artykuly/564039,kaczynski-uwaza-sie-za-kontynuatora-mysli-pilsudskiego.html (date of access: 12.11.2018).
- Korwin-Mikke: Polska nie jest niepodległa. — URL: rp.pl/Plus-Minus/311099994-Korwin-Mikke-Polska-nie-jest-niepodlegla.html&cid=44&template=restricted (date of access: 12.11.2018).
- Książę Zdzisław Lubomirski o powrocie Józefa Piłsudskiego z Magdeburga i przekazaniu mu władzy przez Radę Regencyjną. — URL: dzieje.pl/aktualnosci/ksiaze-zdzislaw-lubomirski-o-powrocie-jozefa-pilsudskiego-z-magdeburga-i-przekazaniu-mu- (date of access: 12.11.2018).
- Kusiak P.* Legenda i kult J. Piłsudskiego. Jak w Polsce doby integracji europejskiej interpretować postać Marszałka? // *Colloquium Wydziału Nauk Humanistycznych i Społecznych AMW. Rochnik II/2010*. S. 241–258.
- Legiony Polskie. — URL: niepodlegla.dzieje.pl/tagi/legiony-polskie (date of access: 12.11.2018).
- Listopad 1918 r. — URL: dzieje.pl/aktualnosci/listopad-1918-r (date of access: 12.11.2018).
- Mocne wystąpienie Tuska. Nie przebierał w słowach. — URL: fakt.pl/wydarzenia/polityka/mocne-wystapienie-donald-tuska-w-lodzi-nie-przebieral-w-slowach/r8t8dwj (date of access: 12.11.2018).
- Morawski K.* Tamten brzeg. Warszawa. 1996.
- Nałęcz: Wspólny marsz z ONR? Piłsudski się w grobie przewraca. — URL: rp.pl/11-listopada/181119953-Nalecz-Wspolny-marsz-z-ONR-Pilsudski-sie-w-grobie-przewraca.html (date of access: 12.11.2018).
- Nowik M.* Konfident Piłsudski. Skąd my to znamy. Aby przywrócić niepodległość Polsce, Józef Piłsudski nie cofał się przed współpracą z wywiadem austriackim i pobieraniem pieniędzy od tajnych służb. Potem zadbał o to, by niewygodne dokumenty nie ujrzały światła dziennego. — URL: dziennik.pl/amp/514737,konfident-jozef-pilsudski-wspolpraca-wywiad-austriacki-japonski-lech-walesa-dokumenty-teczki.html?espv=1 (date of access: 12.11.2018).
- Odezwa Rady Regencyjnej o przekazaniu władzy wojskowej Józefowi Piłsudskiemu — 11 listopada 1918 r. — URL: dzieje.pl/aktualnosci/odezwa-rady-regencyjnej-o-przekazaniu-wladzy-wojskowej-jozefowi-pilsudskiemu-11 (date of access: 12.11.2018).
- Orędzie żałobne prezydenta Rzeczypospolitej. — URL: web.archive.org/web/20041016082658/ (date of access: 12.11.2018).
- Oświadczenie Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 12 maja 1995 r. w sprawie uczczenia 60 rocznicy śmierci Marszałka Józefa Piłsudskiego. M. P. 1995. Nr 25, poz. 297.

- Płociński M.* Czy w ciągu ostatnich stu lat udało nam się zbudować Polskę na miarę naszych aspiracji? Zapytaliśmy o to autorytety z różnych środowisk i o różnych poglądach. — URL: rp.pl/Plus-Minus/311099987-Politycy-artysci-historycy-ksieza-i-filozofowie-w-ankiecie-Rzeczypospolitej-Jaka-jest-nasza-niepodleglosc.html&cid=44&template=restricted (date of access: 12.11.2018).
- Rada Regencyjna. — URL: dzieje.pl/aktualnosci/rada-regencyjna (date of access: 12.11.2018).
- Szlakiem Jozefa Pilsudskiego 1914–1939. Warszawa. 1939.
- Sprawozdanie stenograficzne z 53 posiedzenia Sejmu Rzeczypospolitej z dnia 28 czerwca 1923 roku, Biblioteka Sejmowa, lp. IP 756–767.
- Stachura P. D.* Poland, 1918–1945. An Interpretive and Documentary History of the Second Republic. London and New York. 2004.
- Święto Niepodległości 2018. Obchody 11 listopada w Krakowie. — URL: wiadomosci.wp.pl/swieto-niepodleglosci-2018-obchody-11-listopada-w-krakowie-6313633278719617a (date of access: 12.11.2018).
- Ustawa z dnia 22 lipca 1945 r. o ustanowieniu Narodowego Święta Odrodzenia Polski. Dz. U. z 1945 r. Nr 32, poz. 194.
- Ustawa z dnia 15 lutego 1989 r. o ustanowieniu Narodowego Święta Niepodległości. Dz.U. 1989. Nr. 6, poz. 34.
- Uchwała Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 30 czerwca 2005 r. w sprawie uczczenia 70 rocznicy śmierci Marszałka Józefa Piłsudskiego. M.P. 2005. Nr 40, poz. 537.
- Uchwała Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 22 czerwca 2016 r. w sprawie ustanowienia roku 2017 Rokiem Marszałka Józefa Piłsudskiego. M.P. 2016, poz. 633.
- Woodrow Wilson's «Fourteen Points» Speech, 8 January 1918. — URL: firstworldwar.com/source/fourteenpoints.htm (date of access: 12.11.2018).
- Wysocki W.* Józef Piłsudski w malarstwie i grafice. //«Niepodległość i Pamięć» Nr. 21, 2005. S. 131–141.
- Ziemkiewicz: Mit Piłsudskiego szkodzi Polakom. Cofa nas w rozwoju. — URL: wiadomosci.dziennik.pl/historia/ksiazki/artykuly/549624,ziemkiewicz-mit-pilsudskiego-szkodzi-polakom.html (date of access: 12.11.2018).
- 100 lat temu powstał Związek Legionistów Polskich. — URL: dzieje.pl/aktualnosci/100-lat-temu-powstal-zwiazek-legionistow-polskich (date of access: 12.11.2018).

DOI 10.32726/2411-3417-2018-4-104-110

УДК 94

ЕЛЕНА ЛОПАТИНА

Русификация как инструмент интеграционной политики Российской империи (На примере Привислинского края)

Аннотация. *Статья посвящена политике русификации, проводимой в 1880–1890-е годы правительством Александра III. В фокусе анализа — ситуация в Привислинском крае, где русификация проводилась при И.В. Гурко, генерал-губернаторе края и командующем войсками Варшавского военного округа, и А.Л. Апухтине, занимавшем пост попечителя Варшавского учебного округа. Автор приходит к выводу о ситуативности и несистемности проводимой на польских землях политики унификации и русификации, которая лишь на бумаге и в официальных документах представляла собой стройную систему мер.*

Ключевые слова: *Привислинский край, русификация, унификация, политика Российской империи.*

Идеи управления национальными окраинами применительно к потребностям центра занимали умы имперских сановников во все времена. Проблема организации системы региональной власти остается актуальной и по сей день, особенно в многонациональных государствах.

Рассмотрим один из инструментов интеграционной политики Российской империи конца XIX в., который имперское правительство использовало для усиления лояльности центральным властям в беспокойном западном регионе — Привислинском крае, или Царстве Польском. Реформы управления проводились здесь при Иосифе Владимировиче Гурко, который занимал пост генерал-губернатора Привислинского края¹ и командующего войсками Варшавского военного округа в 1883–1894 гг., и при Александре Львовиче Апухтине, занимавшего пост попечителя Варшавского учебного округа с 1879 по 1897 г. В историографии взгляды и деятельность обоих администраторов, как правило, объединяют [Об этом см.: Chimiak, s. 42–43], говоря о политике Гурко — Апухтина, хотя есть различия и в датах их службы в провинции, и во взглядах на ряд ключевых проблем.

1 Последним, кто носил титул наместника Царства Польского, был граф Ф.Ф. Берг. С 1874 г., после смерти Берга, в официальных документах Царство Польское стало называться Привислинским краем, а управляющий краем — генерал-губернатором, по аналогии с другими провинциями Российской империи.

Сведения об авторе: *Лопатина Елена Борисовна — старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, кандидат исторических наук; ellolebo@gmail.com.*

Уже в начале XX в. исследователи заговорили о внутривластном курсе Александра III как о ярком примере русификации по отношению к нерусским губерниям. Однако ни дореволюционные, ни советские исследователи не сформулировали четких дефиниций термина «русификация» [Россия...с. 140–145; Корнилов, с. 87–92; Манусевич, с. 190; Чернуха; Зайончковский, с. 15–20]. Ситуация несколько изменилась только в постсоветское время, когда на смену устоявшимся концепциям и формулировкам, применяемым в пределах метода исторического материализма, пришли новые подходы.

Теоретический анализ термина представлен в работах А.И. Миллера. В монографии 2006 г. «Империя Романовых и национализм» содержится целая глава «Русификация или русификации?», проблематизирующая это понятие, что очевидно уже из названия [Миллер, с. 54–77]. Автор предлагает более избирательно и осознанно пользоваться термином «русификация», поскольку он «не описывает явление, но оценивает его. Тогда, во-первых, важно определить критерии формирования таких оценочных суждений. Во-вторых, следует ясно различать, оцениваем ли мы интенции властей или «объективное» содержание процесса» [Там же, с. 5].

Для примера обратимся к такой форме русификации, как насаждение русского языка в качестве языка делопроизводства. Это могло быть мотивировано на разных этапах снижением издержек и соображениями эффективности работы бюрократии, а могло быть сознательным стремлением именно к русификации. С точки зрения анализа политики царского правительства один и тот же факт может свидетельствовать как о недальновидности и консерватизме центральной имперской администрации, так и, напротив, о благих намерениях властей.

А.Ю. Бахтурина в своих работах предпочитает не замечать исследований Миллера и пытается представить некую альтернативу утвердившемуся «в зарубежной историографии мнению об однозначно русификаторском курсе национальной политики Российской империи и СССР» [Бахтурина, с. 9]. Исследовательница предлагает свой взгляд на проблему:

«В российской историографии термин «русификация» вновь появился в начале 1990-х гг. как под влиянием зарубежных исследований, так и в связи со стремлением к опровержению историографических оценок предшествующего периода. В связи с этим представляется крайне важным дать определение понятия «русификация», чтобы на его основе анализировать отдельные мероприятия российской национальной политики. Для этого необходимо отметить, что основными признаками, при помощи которых определяется принадлежность к той или иной нации, являются язык, религия и культура. Соответственно, политика, направленная на нарушение национальной идентичности, в данном случае курс на русификацию, должна в первую очередь затрагивать перечисленные компоненты. Имеющиеся немногочисленные отечественные и зарубежные исследования единодушно подчеркивают, что значительную часть государственной политики на окраинах составляли административно-правовые мероприятия. Нередко их рассматривают как проявление русификации. Поэтому в настоящий момент в изучении истории национальной политики Российской империи назрела настоятель-

ная необходимость провести границу между политикой русификации и деятельностью правительства по рационализации системы государственного управления, вычленив собственно русификаторские мероприятия и меры по укреплению единого административно-правового пространства империи. Для этого необходимо комплексное исследование как проблем управления окраинами, так и культурно-языковой и конфессиональной политики на окраинах» [Там же, с. 11–12.].

Эта пространная цитата внутренне противоречива: отделить «чистую» русификацию от «чисто» имперских мероприятий по рационализации управления (например, для эпохи Александра III) вряд ли возможно — это, на наш взгляд, единый пласт правительственной политики (отсюда, кстати, и совсем не случайное устойчивое сочетание фамилий «русификатора» Апухтина и «администратора» Гурко).

О том, что следует по-новому взглянуть на проблемы русификации национальных окраин, рассуждает и исследователь жизни и судьбы императора Александра III как человека и как правителя А.Н. Боханов. По мнению историка, «в эпоху Александра III суть “русификаторства” формулировалась следующим образом: обеспечить приоритеты русскому (православному) элементу, добиться того, чтобы русские и русское стало в империи первым и главным. При этом речь не шла о том, чтобы все «нерусские» должны быть или изгнаны, или насильственно “превращены” в русских» [Боханов, с. 436–437].

Чтобы оценить масштабы кадровой русификации на разных окраинах империи, нужно провести количественный анализ состава чиновничества. Этот вопрос стал сравнительно недавно интересовать исследователей, поэтому многое еще предстоит сделать. Однако подсчеты, сделанные в уже опубликованных работах, свидетельствуют, что стремление к кадровой русификации бюрократии не следует преувеличивать. В частности, Л.Е. Горизонтов показал, что поляки составляли значительный процент чиновников Царства Польского даже после восстания 1830–1831 гг., их численность в имперском аппарате управления осталась значительной и после восстания 1863–1864 гг., и в эпоху Гурко — Апухтина [Gorizontow].

В коллективном труде «Западные окраины Российской империи» авторы говорят о проблемах ассимиляции в Юго-Западном крае и о политике деполонизации в Привислинском крае [Западные окраины... с. 266–272]. Такой подход к внутренней политике российских властей на нерусских окраинах империи перекликается с мнением Миллера о том, что «русификация» не является универсальным понятием, описывающим весь комплекс мероприятий, проводимых царской администрацией в западных губерниях. Следовательно, оправданно использование новых, возможно, более четких формулировок.

Итак, в российской историографии XX — начала XXI в. прослеживается определенная эволюция представлений о том, что же считать русификацией конца XIX в. Вместо использования термина в исключительно негативном значении исследователи приходят к необходимости классифицировать совокупность явлений, определяемых этим термином, и разобраться в природе каждого из них, будь то русификация, аккультурация или ассимиляция. Сформулирован общий принцип решения поставленной зада-

чи — анализ многообразия «русификаций». Представляется, что в этом направлении можно продолжать плодотворные исследования проблемы.

Исходя из вышесказанного, можно дать следующее определение: русификация — комплекс мер, осуществляемых официальными властями, направленных на обрусение жителей какой-либо территории, а также и сам процесс такового обрусения — как в языковом, так и в культурно-религиозном плане.

В 70–90-е годы XIX в. реформирование системы управления национальными окраинами шло не только в Российской империи, но и в ряде европейских государств, в том числе в Пруссии и Австро-Венгрии.

Политика унификации Привислинского края выражалась в системе административных, социальных, кадровых, конфессиональных и других преобразований, проводимых специально созданными учреждениями с русской администрацией. Отдельный вопрос, остро беспокоивший жителей Царства Польского, был связан с положением польского языка в империи. Русификация образования — введение обязательного преподавания основных предметов в средней и высшей школе Царства Польского на русском языке — заставляла задуматься о судьбе родного языка. Не без оснований образовательная политика 1880–1890-х годов ассоциировалась с именем «энтузиаста обрусения» А.Л. Апухтина [Borejsza; Kieniewicz].

Что касается действий администрации Гурко — Апухтина в целом, в 1880 — начале 1890-х годов были приняты и проведены в жизнь следующие меры властей: предоставление льгот жителям внутренних областей Российской империи, решившим переселиться в Привислинский край, с целью укрепления «русских основ» в регионе; сервитутное право¹; ограничение влияния католической церкви (законодательно ограничивалась деятельность католических гимназий и «латинских» религиозных братств, вводился надзор за расходованием денежных средств католической церковью на территории Российской империи).

Политика в области образования была направлена на подчинение образовательной сферы Привислинского края общеимперской системе. С этой целью основные положения университетского устава 1884 г. были перенесены и в Варшавский университет. «Правила о студентах» 1885 г. признавали студентов «отдельными посетителями университета» и не разрешали легально создавать студенческие организации, не носящие научного характера. Вышло постановление об увеличении денежных средств Варшавского университета для улучшения материального благосостояния наиболее достойных его профессоров. Система средних учебных заведений, уже подчиненная общим уставам гимназий и реальных училищ, подвергалась некоторым изменениям в сторону улучшения материального обеспечения и привлечения как можно большего числа русских преподавателей.

1 Сервитут — ограниченное право пользования чужой вещью в земельных отношениях (в дореволюционной русской правовой терминологии — право участия частного).

В 1885 г. введен пост инспектора начальных школ для выполнения надзорных функций. В остальном политика правительства относительно начального образования осталась прежней, соответствующей указу «О начальных училищах в Царстве Польском» 1864 г. Это означало запрет преподавать в народных школах католическим священникам, привлечение в качестве учителей политически благонадежных, то есть прорусски настроенных кандидатов, возможность получения начального образования на родном языке.

Красной нитью в мероприятиях администрации Привислинского края в эпоху Александра III проходят постановления, связанные с расширением сферы применения русского языка в общественной жизни региона. Это, с одной стороны, нивелировало традиции польской национальной культуры, но с другой — приносило определенную выгоду коренному населению. Свободное владение официальным языком империи было практическим навыком, который позволял продвигаться по службе и реализовываться в общественной жизни. Поэтому те жители национальных окраин, которые хотели «найти себя» в масштабах империи, осваивали русский язык и общеимперские культурные модели.

Последнее не приводило к смене национальной идентичности — напротив, скорее культурно обогащало. Это верно даже в отношении такого политического деятеля, как лидер национал-демократов Роман Дмовский, который именно при Александре III окончил в Привислинском крае русскую гимназию и русский университет.

Но оценивать заявление министра юстиции И.Г. Щегловитова о «колоссальных успехах русского языка в Царстве Польском» следует крайне осторожно. Можно вспомнить хотя бы слова мемуариста Т. Червиньского, утверждавшего, что Апухтин «обещал, что через 10 лет польские няньки будут петь новорожденным русские песни. А тем временем, и через 18 лет польские дети и их няни кем были, тем и остались...» [Czerwiński, s. 46].

Территория Привислинского края была составной частью Российской империи. Целью российских властей было воспитание лояльности, и необходимым условием для этого являлось наличие в самосознании населения элемента принадлежности к более обширному образованию — Российской империи в целом.

Стоит отметить, что все перечисленные мероприятия как нельзя лучше соответствовали правительственному курсу на интеграцию национальных окраин в составе Российской империи. Интеграция Царства Польского была необходима российским властям для удержания данной территории и обеспечения стабильности западной границы государства. Сама логика существования империи предполагала ее расширение и рост ее могущества, и Российская империя в этом смысле не отличалась от остальных держав — Англии, Пруссии и т.д. Мировая история наглядно доказала, что государство тем прочнее, чем более оно едино, а различия в законодательстве и административном делении на местном уровне неизбежно ведут к сепаратизму на национальной или региональной основе. Однако интеграция предполагает подчинение новых территорий всем требованиям империи. Присоединенным народам, в нашем случае — полякам,

предписывается отказаться от тех элементов устройства (административного, законодательного, военного и т. д.), которые противоречат общеимперским.

Впрочем, абсолютная унификация всего населения империи была бы не только невозможной, но даже ненужной: всегда существуют как различия, мешающие взаимопониманию и взаимодействию, так и просто черты, составляющие национальное или местное своеобразие и никак не влияющие на безопасность и функционирование государства. Проблема в том, что в ряде случаев не существует единого мнения, к какой группе относится та или иная сторона жизни присоединенных народов.

Предпринимавшиеся в годы правления Александра III меры по укреплению «русского начала» в Царстве Польском были частью более общей политики реформирования империи в ответ на вызовы менявшейся ситуации в стране и мире. Нацеленность на слияние центральных областей с национальными окраинами была вызвана беспокойством правительства относительно степени благонадежности жителей окраинных областей. Варшавский обер-полицмейстер в отчете за 1892 г. приводит такие соображения:

«Исключительное положение вверенного моему управлению города, как ближайшего к западноевропейским государствам торгового и промышленного центра, в коем деятельность полицейских органов значительно осложняется, с одной стороны, известной склонностью сплотившегося еврейского населения к нарушениям законного порядка, а с другой — вследствие разнообразия национальностей в составе прочего населения с преобладающим в нем польским элементом, сохранившим поныне традиции своей народности и готовым при малейших осложнениях послужить источником возникновения не только отдельных беспорядков административного характера, но и народной смуты в здешнем крае, вызвало необходимость согласования всех мероприятий и распоряжений со всеми этими разнообразными условиями» [Raporty... s. 6].

С точки зрения безопасности империи было необходимо выработать эффективную государственную программу по управлению окраинными областями. Первые попытки в этом направлении делались еще в конце XVIII в., когда польские земли только вошли в состав Российской империи. Именно в конце XVIII — начале XIX в. появились первые проекты по обеспечению взаимодействия Российской империи и польских земель в рамках одного государства (заключение личной унии, предоставление Конституции Царству Польскому). Однако с течением времени механизмы унификации имперских окраин менялись, и в 1880–1890-х годах таковыми стали меры в духе усиления «русского начала» на западных окраинах империи.

Что можно сказать об эффективности политики, проводимой в эпоху Гурко и Апухтина?

Как известно, стабильность той или иной административно-политической системы определяется тем, насколько она способна в экстремальных условиях реформ или корректировочных преобразований избежать конфликта, добиться консенсуса или даже

сотрудничества с обществом в лице его просвещенных слоев. В конечном счете, это во многом определяет успех или неуспех проводимых преобразований.

Часто то, что легло в основу политики времен Александра III, сводилось на нет нечеткостью, заложенной в законодательстве Российской империи, отсутствием эффективной финансовой системы, противоречиями между представителями центральной власти в регионе. Как следствие, не стихала критика российской администрации со стороны польской просвещенной общественности. Это и снизило результативность проводимой при Александре III политики. А наступившая после 1897 г. и особенно после 1905 г. очередная корректировка имперского курса в «русской Польше» еще больше ослабила эффект от преобразований 1880 — 1890-х годов.

Литература

- Бахтурина А. Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны. М. 2004.
- Боханов А.Н.* Александр III. М. 1998.
- Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М. 1978.
- Западные окраины Российской империи / ред. М. Долбилов, А. Миллер. М. 2006.
- Корнилов А.А.* Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века. Пг. 1915.
- Манусевич А.Я.* Очерки по истории Польши. М. 1952.
- Миллер А.* Империя Романовых и национализм. М. 2006.
- Россия и ее западные окраины. Ответы на очередные вопросы в Царстве Польском / Под ред. В. Спасовича и Э. Пильца. Киев. 1903.
- Чернуха В.Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х годов XIX века. Л. 1978.
- Borejsza J. W.* Piękny wiek XIX. Warszawa. 1990.
- Chimiak L.* Gubernatorzy rosyjscy w Królestwie Polskim. Szkic do portretu zbiorowego. Wrocław. 1999. S. 42–43.
- Czerwiński T.* Pamiętniki. Kielce. 1931.
- Gorizontow L.E.* Aparat urzędniczy Królestwa Polskiego w okresie rządów Paskiewicza // Przegląd Historyczny. 1994. №1.
- Kieniewicz St.* Warszawa w latach 1795–1914. Warszawa. 1976.
- Raporty warszawskich oberpolicejmajsterów (1892–1913), oprac. H. Kiepuska, Z. Pustuła. Wrocław. 1971.

DOI 10.32726/2411-3417-2018-4-111-122

УДК 94; 327; 323

ПЕТР ИСКЕНДЕРОВ

Балканские союзники России

Аннотация. В конце XIX — начале XX вв. балканские союзники, хотя и пользовались поддержкой России, нередко действовали в противоречии с ее политикой, соперничая и конфликтуя друг с другом. Отношения с Петербургом осложнялись не только действиями геополитических конкурентов России, но и нестабильностью балканского внутривосточного контекста, сменами в настроениях и ориентациях балканских элит. Анализ успехов и неудач российской дипломатии того времени позволяет наметить направления действий России на Балканах в наше время. Одним из главных механизмов ее стратегии должна стать работа с широким спектром внутривосточных сил в балканских странах, не исключая оппозицию.

Ключевые слова: российская политика на Балканах, Россия и Балканы, международные отношения, балканские страны, дипломатия.

Рубежом в развитии отношений России с балканскими народами следует считать Великий восточный кризис 1875–1878 годов, конкретнее — подписанный по его завершении Берлинский трактат. Данный документ оформил международно-признанную независимость Сербии, Черногории и Румынии, достигнутую при активной — в том числе военной — поддержке со стороны России. Кроме того, были значительно расширены автономные права Болгарии, которая вскоре смогла, опираясь на положения Берлинского трактата и опять-таки на поддержку Санкт-Петербурга, решить основные вопросы своего национально-государственного строительства, провозгласив независимость в 1908 году. Отныне балканские народы стали выступать в качестве не только объектов, но и субъектов международных отношений. Это требовало от них постижения тех приемов и принципов, на которых базировалась политика великих держав в регионе. Последние же — и в том числе Россия — были теперь вынуждены принимать в расчет не только расстановку общеевропейских сил и положение в Османской империи (как это происходило на протяжении предыдущих десятилетий и даже столетий), но и аппетиты молодых балканских монархий, считавших обретение международно-признанной независимости лишь первым шагом на пути «собирания своих исконных земель». Причем эти земли толковались настолько расширительно, что немаленький Балканский полуостров даже чисто теоретически не мог удовлетворить одновременно чаяния болгар, сербов, греков, румын и черногорцев — и это не считая так же активно конституировавшихся в то время албанского и македонского этносов.

Сведения об авторе: Искендеров Петр Ахмедович — старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, кандидат исторических наук, iskenderov.petr@yandex.ru.

Неудивительно, что развитие отношений России с «новорожденными» балканскими государствами с 1880-х годов стало носить противоречивый и переменчивый характер. Первым после завершения Великого восточного кризиса крупным вооруженным конфликтом в регионе стала сербо-болгарская война 1885 года. В ней друг против друга выступили два народа, традиционно рассматривавшиеся российским общественным мнением и правящими кругами как опора России на Балканах. Внезапно вспыхнувший военный конфликт оказался столь неожиданным для российской дипломатии, что она даже не смогла выступить посредником при заключении мира. Эту роль взяла на себя Австро-Венгрия, министр иностранных дел которой Г.Кальноки успешно разыграл «российскую карту». Он убедил правителя Болгарии Александра Баттенберга в том, что продолжение успешного наступления на сербской территории «неизбежно вызовет революцию в Сербии, немедленную оккупацию этой страны Австро-Венгрией, последующее вторжение в Болгарию российских войск и смещение самого Баттенберга» [В «пороховом погребе Европы»... с.172.]. Подобная трактовка дальнейшего развития событий вызвала недоумение не только в Санкт-Петербурге, но и в Берлине, но главное было сделано: Сербия и Болгария заключили мир на принципе *status quo ante bellum*, подчеркнув, что «между Королевством Сербия и Княжеством Болгария устанавливается мир со дня подписания данного договора» [Цит. по: Skakun, s. 277].

Пагубные последствия этой войны ощущались в регионе вплоть до начала XX века, серьезно затрудняя развитие отношений России с Белградом и Софией и вынуждая Санкт-Петербург сделать ставку на сближение по балканским вопросам с Австро-Венгрией. Соответствующие соглашения, заключенные в период с 1897 по 1908 годы, вошли в историю под названием «Русско-австрийская Антанта» и были направлены на сохранение в регионе статус-кво [Сборник договоров... с. 303–308]. Однако односторонняя аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в 1908 году, против которой резко выступили Россия и Сербия, сделала невозможным их возобновление.

Боснийский кризис 1908–1909 годов был разрешен мирным путем, однако привел к серьезному изменению расстановки сил на Балканах с точки зрения позиций и интересов России. Сербия стала рассматривать Австро-Венгрию в качестве непосредственной угрозы для своего существования и территориальной целостности, а Вена опасалась роста антиавстрийских выступлений в своих областях, населенных югославянскими народами. По этой причине сербское руководство окончательно перестало ориентироваться на Габсбургскую монархию, как она это делала в предшествующие десятилетия, — произошел переход к устойчивой и всесторонней ориентации на Россию. Как заявил в январе 1909 года в стенах Народной скупщины Сербии тогдашний сербский министр иностранных дел М. Милованович, «для всех поборников балканской свободы, для всех, кто сегодня выдвигает в качестве основы для решения балканского вопроса принцип — «Балканы — балканским народам», — ясно, что для этого принципа и данного решения не существует другой опасности, кроме Австро-Венгрии» [Рад Народне... с. 311].

Неоднозначные изменения стали происходить во внешнеполитическом курсе Болгарии, в руководстве которой постоянно боролись влиятельные группировки, ориентировавшиеся на Россию и на Австро-Венгрию.

Агрессивный курс монархии Габсбургов на Балканах вкупе с нарастанием экономического и военно-политического кризиса в Османской империи послужили объективной основой как для сближения европейских стран между собой, так и для налаживания их взаимоотношений с Россией под лозунгом создания антитурецкого блока под эгидой Санкт-Петербурга. Ядром этого блока выступили Сербия и Болгария.

Проходившие при активном участии российской дипломатии переговоры о заключении Балканского союза под покровительством России с участием Сербии, Болгарии и Греции стали самой значимой попыткой трех государств региона того времени достичь своих военно-политических целей совместными усилиями, при этом в договоре закреплялось обязательство Сербии и Болгарии предоставить все спорные вопросы будущего разграничения на усмотрение российского императора. Это с одной стороны свидетельствовало о росте авторитета России, но с другой угрожало ей вовлечением в будущие сербо-болгарские политические споры и даже военные конфликты вокруг дележа «турецкого наследства». Ситуация осложнялась усилением на Балканах албанского фактора, который должны были учитывать Белград, София и Санкт-Петербург. Как подчеркивал российский поверенный в делах в Сербии В.Н. Штрандтман, проявляемая турками «по отношению к албанцам крайняя уступчивость будет иметь последствием предъявление и со стороны христиан Македонии повышенных требований, до автономии включительно, которые, как известно Императорскому Правительству, могут встретить в Болгарии только сочувственный отклик, но вместе с тем явятся новой серьезной угрозой для мира на Балканском полуострове» [АВПРИ. Фонд Политархив. Оп. 482. Д. 2084. Л. 612].

Антисербские настроения среди албанцев питались не только их собственными национальными устремлениями, входившими в противоречие с территориальным расширением Сербии, и дипломатическими усилиями государств Центрального блока во главе с Германией и Австро-Венгрией, — но и активностью балканских соседей, среди которых ведущая роль принадлежала определенным болгарским кругам. Уже в 1903 году — в период Илинденского восстания — тесные связи установились между албанскими и македонскими лидерами. Дополнительный импульс они получили во время младотурецкой революции 1908 года. В первую очередь это относилось к Временной македонской революционной организации и ее легальной структуре в Османской империи в лице Народной федеративной партии во главе с Димитром Влаховым и Янетом Санданским и левому крылу албанского национального клуба [Историја српског народа... с. 165–166; Историја на македонскиот народ... с. 326–327].

Подобные контакты отвечали интересам Болгарии, где рассчитывали, что предоставление автономии албанцам сделает более вероятным аналогичный сценарий и в отношении Македонии — и начали оказывать содействие албанским лидерам уже во время албанского антитурецкого восстания 1910 года [Први Балкански рат, с. 79, 83, 90].

Пытаясь воспрепятствовать укреплению связей по линии «Албания-Македония-Болгария», правительство Сербии убеждало Софию в том, что появление на балканской карте самостоятельного Албанского государства представляет для болгарских

интересов едва ли не меньшую угрозу, чем для сербских, ибо, как уже планировали в Вене, в ее состав должны войти не только Старая Сербия (ныне — Косово), но и три четверти Македонии. Болгарские власти не вняли предупреждениям Белграда, что, однако, не помешало двум государствам заключить антитурецкий союз. В результате напряженных переговоров 13 марта 1912 года на свет появился сербо-болгарский договор о дружбе и союзе с секретным приложением, предусматривавшим совместное вооруженное выступление Болгарии и Сербии против Турции и последующий раздел Македонии [Историја српског народа... с. 260]. Разрешение всех возможных спорных вопросов возлагалось на верховный арбитраж российского императора [В «пороховом погребе Европы»... с.476]. В результате подписания аналогичных болгаро-греческих документов 29 мая 1912 года Балканский союз пополнился Афинами, а в сентябре 1912 года — Черногорией. Эти документы не только легли в основу действий союзников в первой Балканской войне, но и послужили основой для последующих все более ожесточенных дискуссий на предмет раздела турецкого наследства — которые в итоге летом 1913 года вылились не в российский арбитраж, а в новые кровопролитные сражения между недавними союзниками.

Российская сторона изо всех сил пыталась отвлечь балканских союзников от войны — но те, хотя на словах и выказывали преданность своей «исконной покровительнице», тем не менее, не скрывали своих истинных намерений. Как сообщал в августе 1912 года в Санкт-Петербург российский поверенный в делах в Афинах князь С.Л.Урусов, «болгарский посланник, г-н Хаджи-Мишев, не пропускал случая повторять мне, что Болгария ничего без поддержки России не предпримет и что раз до сих пор лозунг остается прежний — соблюдение статус-кво, то и болгарское правительство, — правда, скрепя сердце, — не будет его нарушать. Но вчера посланник высказал мне, что события в Албании и Македонии поведут, по его мнению, к такому нарушению статус-кво, что о дальнейшем соблюдении его кем бы то ни было из балканских государств не может быть и речи» [АВПРИ. Фонд Политархив. Оп. 482. Д. 2084. Л. 607].

12 августа 1912 года российский дипломатический представитель в Софии А.В.Неклюдов имел разговор с главой болгарского правительства И.Гешовым, в ходе которого тот попросил собеседника «не скрыть от Императорского правительства, что дарование албанцам Портой известных прав, как то территориальной воинской повинности, назначения администрации из албанцев и других приближающихся в сущности к автономии, а в особенности распространение этих прав на все четыре вилайета — представилось бы совершенно нестерпимым для болгарского, сербского и греческого населения этих вилайетов (Косовский, Скутарийский, Янинский и Битольский — П.И.). В Македонии, Старой Сербии и Эпире начались бы самая страстная агитация и возобновление усиленной деятельности революционных комитетов и банд, дабы добиться распространения этих прав и на неалбанское христианское население. Болгарское правительство наряду с Сербией и Грецией поставлено было бы в самое безвыходное положение и принуждено поэтому заранее установить обеспечение и болгарскому населению тех же прав, которые будут предоставлены Портой албанцам» [АВПРИ. Фонд Политархив. Описание 482. Дело 2084. Лист .607]. А сербский посланник в Афинах в беседах с князем Урусовым подчеркивал, что «если защиты сербам от России не будет, то

им волей-неволей придется, после неравной борьбы, перейти под австрийское владычество и работать годами и десятилетиями над соединением всех сербов Двуетиной Монархии» [АВПРИ. Фонд Политархив. Оп. 482. Д. 2084. Л. 592].

Воинственные настроения в балканских столицах обрекали на неудачу все попытки России и других великих держав удержать балканские страны от военных соблазнов. Как позднее вспоминал российский министр иностранных дел С.Д.Сазонов, «достигшие полного объединения в военном отношении, Балканские союзники горели желанием помериться силами с исконным врагом и свести с ним окончательные счета за вековое и безжалостное угнетение», и побудить их согласиться на очередную коллективную попытку великих держав добиться выполнения Турцией много раз обещанных и никогда не выполнявшихся до конца реформ не представлялось возможным» [Сазонов, с. 80].

Здесь самое место отметить, что другие великие державы отдавали должное усилиям России по содействию выгодному для нее сближению государств балканского региона в столь противоречивой геополитической обстановке. Как указывал видный государственный деятель Австро-Венгрии и будущий министр иностранных дел Дьюла Андраши-младший, «триумфом политики России было то, что ей удалось создать под своим протекторатом Балканский союз — в первую очередь против Турции, во вторую, если понадобится, — против нас» [Цит. по: Могилевич, с. 104]. А орган венских правящих кругов газета «Нойе фрайе прессе» называла созданный под покровительством России Балканский союз «кинжалом, направленным в сердце Австро-Венгрии» [Neue Freie Presse].

В этой связи следует особо подчеркнуть, что, несмотря на исторически тесные связи России со славянскими народами Балканского полуострова, российская дипломатия отнюдь не формировала список своих действительных и потенциальных союзников в регионе исключительно по этнорелигиозному признаку. В частности, в 1910–1911 годах Сазонов в рамках своего «нового курса» выдвинул идею создания Всебалканского союза с участием Турции. Согласно его проекту, турецкая сторона должна была сохранять суверенный контроль над черноморскими проливами Босфор и Дарданеллы, но одновременно предоставить преимущественное право прохода через них российскому флоту и флотилиям дружественных ей причерноморских государств. Однако этот проект не был реализован в том числе вследствие жесткого противодействия тогдашней «владычицы морей» Великобритании.

Союзнические отношения между Россией и балканскими странами исторически осложнялись (и продолжают осложняться) не только действиями ее геополитических конкурентов, но и развитием ситуации у самих союзников. Не секрет, что «дипломатам, аккредитованным в балканских странах, приходилось (и поныне проходится — П.И.) также учитывать внутривосточную обстановку на Балканах. Балканские монархи часто меняли свою внешнеполитическую ориентацию, поддавались диктату великих держав, соперничали друг с другом. В 1912–1913 годах они объединились для борьбы с Турцией, после окончания войны начали междоусобную борьбу за раздел добычи»

[Писарев, с. 5]. Как справедливо подчеркивают не только российские, но и сербские исследователи, «балканские союзники, хотя и пользовались поддержкой России, в то же время проявляли самостоятельность и даже нередко вступали в противоречия с последней. Без ее согласия они начали войну с Турцией, что подрывало самые основы «нового курса» Сазонова, нацеленного на создание Всебалканского союза. В Петербурге не были осведомлены о военной конвенции, заключенной Болгарией и Сербией в 1912 году» [Писарев, с. 9]. Болгарский кабинет И.Гешова и сербские правительства М.Миловановича и Н.Пашича тщательно скрывали от России данный документ [Ђорђевић, с. 127–143]. Кроме того, начало первой Балканской войны, отсчет которой ведется с объявления Черногорией войны Турции 8 октября 1912 года, означал нарушение балканскими союзниками целого ряда международных соглашений с участием России. В частности, под угрозу было поставлено выполнение русско-черногорской военной конвенции 1910 года, предусматривавшей оказание Россией содействия в развитии черногорских вооруженных сил путем предоставления Цетинье ежегодной военной субсидии, военных материалов, а также непосредственного направления российских военных специалистов. Согласно статье седьмой данной конвенции, черногорское правительство брало на себя обязательство «не предпринимать никаких военных действий без предварительного соглашения с императорским правительством, а также не заключать военные соглашения с каким бы то ни было иным государством без согласия Его Императорского Величества» [Историјски записи, с. 115]. Однако правительство черногорского короля Николы не провело никаких консультаций с Россией по поводу начала войны и даже не поставило в известность о своих намерениях российского военного агента подполковника Н.М.Потапова [АВПРИ. Фонд Политархив. Оп. 482. Д. 3341. Л. 7].

Но если конечные результаты первой Балканской войны, увенчавшейся убедительной победой союзников, объективно отвечали интересам России, то вторая (Межсоюзническая) Балканская война 1913 года, в которой Болгария выступила против остальных членов Балканского союза из-за дележа македонских земель, стала еще одним существенным дипломатическим поражением России на Балканах. Россия всячески пыталась убедить Белград и Софию решить свои противоречия дипломатическим путем, в том числе на основе верховного арбитража российского императора Николая II, прописанного в вышеуказанном болгаро-сербском союзном договоре 1912 года, и пыталась противодействовать складыванию антиболгарских блоков Сербия–Греция и Сербия–Румыния. Как указывал С.Д.Сазонов в телеграммах российским дипломатическим представителям в Белграде и Софии Н.Г.Гартвигу и А.В.Неклюдову, «стремясь сохранить самое полное беспристрастие к обеим сторонам, мы считаем долгом напомнить об одном постановлении, которое при всяком толковании договора не может утратить силы, а именно что любой спор по поводу толкования или исполнения как договора, так и военной конвенции передается на решение России». Глава российского внешнеполитического ведомства подчеркнул необходимость «приложить все усилия к примирению Болгарии с Сербией» [В «пороховом погребе Европы», с. 497]. 8 июня 1913 года Николай II направил личные послания руководству Болгарии и Сербии, в которых еще раз призвал стороны «сохранить союзнические отношения и согласиться на его арбитраж, указав, что в случае, если на Балканах вспыхнет бра-

тоубийственная война, Россия оставляет для себя полную свободу действий» [Гешов, с. 57–58].

За день до подписания сербо-греческого договора об антиболгарском военном союзе — 14 мая 1913 года — Сазонов в своих посланиях российским представителям в Белграде и Афинах подчеркнул, что «сербское и греческое правительства ведут, по-видимому, уклончивую и опасную игру, заявляя нам о своих мирных намерениях и в то же время уклоняясь от прямых и определенных ответов на наши представления, деятельно готовясь к совместной борьбе с Болгарией» [Цит. по: Гешов, с. 60]. Гораздо более жестко, но в аналогичном ключе высказывался по поводу Межсоюзнической войны и ее последствий для интересов России и самих балканских народов большевистский орган «Рабочая правда»: «Не мир, а ряд столкновений, ряд кровавых драм, состязание в вооружениях, игра дипломатов, опасения иностранного вмешательства и интриги, иудины поцелуи и иудины предательства — вот что предстоит Балканам»... [Рабочая правда]

Однако еще более сложным вызовом для российской политики на Балканах стала Первая мировая война. Место Сербии в пророссийском лагере изначально не вызывало сомнений. Сербский принц-регент Александр Карагеоргиевич 15 декабря 1914 года обнародовал приказ по сербской армии, содержащий следующие оптимистические строки: «Мы должны еще некоторое время выполнять нашу тяжелую обязанность и стоять за наших великих и могучих союзников, которые воюют за нас и повергнут нашего общего противника на его собственной территории. Тогда наступит мир, длительный мир. Он достойно вознаградит нас за все жертвы...» [АВПРИ. Фонд Политархив. Оп. 482. Д. 3773. Л. 19]. К слову, понятно, что глагол «стоять» прозрачно намекал на «возможность неучастия сербских вооруженных сил в дальнейших совместных операциях» [Цит. по: За балканскими... с. 136].

Перспективы же участия в Первой мировой войне Болгарии оставались неопределенными вплоть до сентября 1915 года. Хотя статус побежденной стороны во второй Балканской войне объективно толкал Софию в объятия коалиции Центральных держав, симпатии к Антанте — отождествлявшейся в первую очередь с освободительницей-Россией — были сильны в болгарском общественном мнении, о чем свидетельствуют донесения российского посланника в Софии А.А.Савинского. 22 октября 1914 года дипломат сообщал Сазонову: «Ко мне по несколько раз в день поступали и поступают письменные и устные заявления учреждений, групп и отдельных лиц с выражением самых горячих чувств государю императору и России, с предложением услуг добровольцев. Я указал Радославу (глава кабинета — П.И.), что правительство систематически подавляет эти чувства, что мне тоже документально известно, и что, таким образом, он ведет политику вразрез с общественным мнением. В ответ на мои замечания Радослав, фактически делавший против России всяческие гадости, утверждал 19-го, впрочем, как и ранее, что против нас никогда не пойдет и что он скоро докажет, что он — друг России» [Международные... с. 289]. Как говорится, комментарии излишни... Именно Васил Радославов, узнав 24 июля 1914 года о содержании австро-венгерского ультиматума Сербии, фактически означавшего объявление войны, воскликнул: «Это большое счастье для Болгарии» [Цит. по: Болгария ... с. 54].

Как вполне обоснованно сообщал в сентябре 1914 года из Софии германский военный атташе барон К. фон дер Гольц, мнение о том, что Болгария не должна вступать в войну, но обязана вернуть отторгнутую у нее Бухарестским мирным договором 1913 года Македонию, преобладало в стране. Впрочем, по мнению представителя Германии — не только в Болгарии: «Общий балканский идеал состоит в том, чтобы получать, но ничего взамен полученного не давать» [Цит. по: Нотович, с. 238].

Однако, несмотря на агрессивную германофильскую и антисербскую пропаганду в болгарской печати, далеко не все болгарское общество мыслило категориями Радославова. Ряд партий — Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС) Александра Стамболийского, Радикально-демократическая партия и «широкие» социалисты — выступали за соблюдение Болгарией строгого и последовательного нейтралитета, отрицая войну как средство решения болгарского национального вопроса. Стамболийский еще в дни общеполитического траура после поражения во второй Балканской войне выдвинул лозунг не возврата Македонии Болгарии, а ее автономии — что непосредственно перекликалось с идеями сербских социалистов о создании федерации балканских народов. Автономия Македонии, по его словам, явилась бы «самым справедливым решением Восточного вопроса... самым надежным средством умиротворения Балканского полуострова... самым необходимым условием для создания балканской федерации» [Цит. по: Болгария ... с. 55]. БЗНС выступал за сохранение Болгарией строгого нейтралитета. Стамболийский считал, что именно таким путем страна сможет впоследствии претендовать на земли в Македонии или Адрианополь — вне зависимости от того, какой лагерь в итоге одержит победу. Сквозь призму нейтралитета рассматривал БЗНС и развитие отношений с Санкт-Петербургом. Он симпатизировал России, но считал присоединение страны к Антанте столь же пагубным для судьбы Болгарии и реализации болгарской национальной идеи, как и ее вхождение в блок Центральных держав. По выражению партийного органа газеты «Земеделско знаме» (номер от 12 августа 1914 года), «насколько вредно слепое германофильство, настолько вредно и слепое русофильство» [Земеделско знаме].

Либеральные партии, сделавшие ставку на вовлечение Болгарии в войну под лозунгом реванша и под знаменами Тройственного союза, проповедовали иное отношение к России. Орган Народно-либеральной партии газета «Воля» писала 29 августа 1914 года: «Россия была и остается самым непримиримым врагом Болгарии, она не только способствовала разгрому наших политических идеалов, но и впредь будет мешать их осуществлению» [Воля]. Проводниками антироссийских настроений в болгарском обществе выступали не только правящая либеральная коалиция, но и созданная под покровительством царя Фердинанда Кобурга «Военная лига» во главе с выходцем из Македонии генералом М.Савовым.

«Сползание» Болгарии в войну под знаменами Тройственного союза прикрывалось лицемерной демагогией как монарха, так и главы правительства Радославова. Последний 1 августа 1914 года выступил в Народном собрании с декларацией об отношении своего кабинета к войне, в которой подчеркивалось: «Мы не являемся в данный момент чьими-то агентами и будем продолжать политику, отвечающую болгарским интересам»

[Цит. по: Болгария ... с. 57]. Однако это не помешало Фердинанду Кобургу сообщить 1 августа в личном письме австрийскому императору Францу-Иосифу: «Я счастлив, что высшие интересы моей страны совпадут с интересами Вашего Величества» [Там же].

Примечательно, что в столицах держав Тройственного союза и не сомневались в том, какой вектор примет политики Болгарии. Еще 4 июля 1914 года австрийский император Франц-Иосиф в письме своему германскому коллеге Вильгельму II обосновывал необходимость укрепления позиций правительства Радославова практически теми же словами, что спустя месяц использует болгарский премьер — а именно тем, что его «реальные интересы совпадают с нашими» [Цит. по: Болгария ... с. 84].

Слова и дела болгарской правящей верхушки не остались незамеченными в России. Российский посланник в Софии А.А.Савинский сообщал в Санкт-Петербург 14 сентября 1915 года, что слова Радославова о том, что «Болгарии придется преклониться перед немцами, если последние появятся на границе и будут требовать пропуска через болгарскую территорию», подтверждаются следующими фактами: «1) За счет немцев скуплены и скупаются огромные запасы шерсти, масла и других продуктов, которые складываются в магазины вдоль Дуная. Скупаются также в большом количестве баржи и другие перевозочные средства, причем торговцы, затрачивающие на это десятки миллионов, открыто говорят, что в конце сентября Дунай будет открыт для (пропуск в тексте, очевидно «переправки» — Авт.) этих запасов в Австрию. 2) «Балканский Банк» в Софии, работающий преимущественно на австро-германские капиталы, прекратил кредит в Болгарии. 3) «Кредитный Банк» в Болгарии дал инструкции своим отделениям по всей стране вынуть депозиты из банков держав Согласия. 4) Здешний германский военный агент, сын фон дер Гольца... заменен генералом Массау, бывшим начальником штаба 1-го корпуса, действовавшего в начале войны против нас. Массау был ранее военным агентом в Болгарии, хорошо знает местные условия и считается отличным офицером Генерального Штаба» [АВПРИ. Фонд Политархив. Оп. 482. Д. 3773. Л. 32].

В секретной телеграмме от 15 сентября 1915 года Савинский в продолжение предыдущей телеграммы развил мысль об ориентации Болгарии. «Борьба с немецкой пропагандой в Болгарии, на что германской миссией тратятся колоссальные средства, является настоятельно необходимой, — писал дипломат. — Располагая ничтожной суммой в 40.000 франков..., нам удалось открыть три новые газеты, из коих две «Балканский сговор» и «Свободное мнение» пользуются громадной популярностью, так как в них принимают участие все лучшие силы страны... Помимо этого организовано бюро русских корреспондентов, которые под руководством и.о. вице-консула Богоявленского, ведающего вообще под моим наблюдением всем делом прессы, пишут анонимные статьи для всех болгарских газет, помещают там выдержки из русских газет и таким путем освещают события в желательном для нас смысле» [АВПРИ. Фонд Политархив. Оп. 482. Д. 3773. Л. 41].

Однако российские усилия — как дипломатические, так и финансовые — не смогли достичь своей цели. Трагические для Болгарии итоги второй Балканской войны объективно делали невозможным ее нахождение в одном лагере с Сербией.

Не сбавляла антироссийских оборотов и германская пропаганда. Ее среди тех слоев болгарского общества, которые не испытывали восторга от хозяйничанья в Болгарии германского капитала и превращения страны в экономический и военный придаток Берлина, взяли на себя две организации: Немецко-болгарское общество и Институт экономического общения с Болгарией — выражавшие интересы крупных германских монополий. И делали они это не без успеха. Все представленные в парламенте партии — за исключением «тесных» социалистов — послушно голосовали за выделение правительству Радославова военных кредитов. Тем более, национальная программа проантантовски настроенной оппозиции была столь же великоболгарской, как и у германофильских правящих кругов. Сам Радославов в интервью германской газете «Фоссише цайтунг» в конце сентября 1917 года оправдывал политику своего кабинета именно настроениями, господствовавшими в болгарском обществе. И он был вполне прав, утверждая: «Даже если бы сменилось правительство и на его место пришла оппозиция, которая ранее была настроена русофильски, то она все же не изменила бы эту политику, прежде всего не изменила бы союзу с Германией. Во имя национальных интересов она не могла бы сделать нечто подобное»... [АВПРИ. Фонд Политархив. Оп. 482. Д. 4618. Л. 5].

Сегодняшняя ситуация на Балканах с точки зрения интересов России и перспектив развития ее взаимоотношений с народами и государствами региона поразительно напоминает происходившее столетие назад — с дефицитом международно-правовых норм и принципов, активным вмешательством великих держав, ростом этнического великодержавного (в первую очередь, албанского) национализма, нарастанием социально-экономических и финансовых противоречий. Только на смену тогдашним военно-политическим блокам — Антанте и Тройственному союзу — пришли гораздо более мощные западные геополитические институты в лице Европейского союза и НАТО, пытающиеся не допустить укрепления российских позиций в стратегически важном регионе. Для достижения этих целей они активно используют собственные каналы влияния на внутривнутриполитической сцене балканских стран — в первую очередь, Болгарии и Сербии. А основная борьба вновь разворачивается вокруг контроля над стратегическими транспортными коридорами, а также над трансбалканскими маршрутами транспортировки энергоресурсов.

Именно поэтому объективный анализ успехов и неудач, а главное — механизмов российской политики на Балканах конца XIX — начала XX веков — позволяет наметить основные направления действий России на Балканах сегодня. **Главным среди них представляется работа с максимально широким спектром внутривнутриполитических сил в балканских странах (в том числе оппозиционных) с тем, чтобы, во-первых, формировать собственную партийно-политическую опору, а во-вторых — быть в значительной степени застрахованным от поворотов в настроениях и ориентациях традиционно переменчивых балканских элит и правящих кругов.** Кроме того, важно содействовать формированию объединений балканских государств, прежде всего, экономического характера вокруг проектов, отвечающих интересам России. Это позволит Москве проводить более эффективную политику на более широком геополитическом пространстве и вместе с тем учитывать местные особенности, о которых

не без цинизма, но весьма метко писал еще в июне 1913 года российский поверенный в делах в Черногории Н.А.Обнорский. Он указывал, что российское правительство, безусловно, в целом может рассчитывать на координацию своих дипломатических усилий с союзными балканскими государствами, однако, тем не менее, нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что «если балканские славяне и являются солидарными с Россией в основных чертах своей внешней политики, то в отдельных ее задачах они, как государства молодые и еще далеко не завершившие своего естественного развития, долго еще будут склонны ко всякого рода политическим авантюрам и, следовательно, уклонениям от твердого курса славянской политики, руководимой Россией. Вот почему всякие политические и в особенности военно-политические соглашения между нашим великим, уже давно сложившимся и ведущим мировую политику отечеством и еще развивающимися отдельными славянскими государствами на Балканах представляются, по моему скромному мнению, весьма для нас неудобными и едва ли целесообразными.

Установившийся среди хорошо сложившихся культурных наций принцип международной этики по отношению к договорам, формулированный в свое время одним из величайших исторических народов — римлянами — «*pacta servanda sunt*» («договоры должны выполняться» — П.И.) — по-видимому долго еще будет чужд культурно слабым и не особенно твердым в морали народам Балканского полуострова...» [АВПРИ. Фонд Политархив. Оп. 482. Д. 3341. Л. 23].

Литература

- Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Фонд Политархив. Оп. 482. Д. 2084. Л. 592.
- АВПРИ. Фонд Политархив. Оп. 482. Д. 2084. Л. 592.
- АВПРИ. Фонд Политархив. Оп. 482. Д. 2084. Л. 607.
- АВПРИ. Фонд Политархив. Оп. 482. Д. 2084. Л. 612.
- АВПРИ. Фонд Политархив. Оп. 482. Д. 3341. Л. 23.
- АВПРИ. Фонд Политархив. Оп. 482. Д. 3341. Л. 7.
- АВПРИ. Фонд Политархив. Оп. 482. Д. 3773. Л. 19.
- АВПРИ. Фонд Политархив. Оп. 482. Д. 3773. Л. 32.
- АВПРИ. Фонд Политархив. Оп. 482. Д. 3773. Л. 41.
- АВПРИ. Фонд Политархив. Оп. 482. Д. 4618. Л. 5.
- Болгария в XX веке: Очерки политической истории. М. 2003.
- В «пороховом погребе Европы» 1878–1914. М. 2003.
- Воля. 1914. 29 августа.
- Гешов И. Балканский союз: Воспоминания и документы. СПб. 1915.
- За балканскими фронтами первой мировой войны. М. 2002.
- Международные отношения в эпоху империализма: Документы. Сер.3. М.-Л. 1935. Т.6. Ч.1.
- Могилевич А.А., Айрапетян М.Э. На путях к мировой войне 1914–1918. М. 1940.
- Нотович Ф.И. Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. Т.1. М.-Л. 1947.
- Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М.1985.
- Рабочая правда. 1913. 14 июля.
- Сазонов С.Д. Воспоминания. М. 1991.

Сборник договоров России с другими государствами, 1856–1917. М. 1952.

Ђорђевић Д. Како су велике силе сазнале за склапање Балканског савеза 1912. // Исторически гласник. 1954. № 4. С.127–143.

Земеделско знаме. 1914. 12 авг.

Историјски записи. Титоград. 1959. Књига 16. Свеска 3–4.

Историја на македонскиот народ. II. Скопје. 1969.

Историја српског народа. Шеста књига. Први том..Од Берлинског конгреса до уједињења 1878–1918. Београд.1983.

Први Балкански рат. Београд. 1959.

Рад Народне Скупштине сазване у редован сазив за 1908. годину Стенографске белешке. Књига I. Београд. 1909.

Neue Freie Presse. 1912, 3 Sept.

Skakun M. Balkan i velike sile. Beograd. 1986.

DOI 10.32726/2411-3417-2018-4-123-136

УДК 327; 338; 339

ПЕТР ЯКОВЛЕВ

Мировое развитие: Apocalypse Now или Глобализация 4.0?

Аннотация. Мир подошел к 2019 г. на фоне опасного накопления политических и финансово-экономических рисков. Замедление темпов роста, конфронтация, всплеск протекционизма, санкции и контрсанкции, сверхзадолженность ряда стран, экологические угрозы, военно-дипломатическая напряженность в Европе и Азии — все это зачастую воспринимается как «откат глобализации». На смену далеко не идеальному, но более или менее устойчивому миропорядку грозит прийти полный хаос. На решение назревших проблем был нацелен саммит «Большой двадцатки», прошедший в Буэнос-Айресе. Однако многие вопросы остаются открытыми, острые противоречия — неразрешенными. В этих условиях особую актуальность приобретает концепция глобализации 4.0, представляющая собой альтернативу неолиберальному глобализму.

Ключевые слова: мировая экономика, призрак глобального кризиса, «Большая двадцатка», глобальные экономические и политические вызовы, угроза торговых войн, глобализация 4.0.

Саммит «Большой двадцатки» (Г-20) в столице Аргентины Буэнос-Айресе, состоявшийся 30 ноября — 1 декабря 2018 г., явился знаковым событием международной жизни последнего времени. Форум глав государств и правительств ведущих стран современного мира произошел через 10 лет после первой встречи в верхах Г-20, созванной в разгар глобального кризиса, до основания потрясшего структуру мировых финансовых и торгово-экономических связей. Тогда членам «группы двадцати» в значительной мере удалось согласованными решениями ослабить негативные кризисные эффекты.

За прошедшее десятилетие международное сообщество предприняло значительные усилия для преодоления последствий пережитых потрясений. На ряде важных направлений выработаны механизмы многостороннего антикризисного взаимодействия. Но все ли уроки были учтены? Удалось ли создать надежные универсальные инструменты предотвращения новых кризисных явлений трансграничного характера?

Сведения об авторе: Яковлев Петр Павлович — руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор экономических наук; petrp.yakovlev@yandex.ru.

Интегрированный анализ тенденций и контртенденций странового, регионального и глобального развития показывает, что мировая экономика и политика накапливают риски и вновь вступили в зону повышенной турбулентности. Наблюдаемая дестабилизация международной обстановки вызвана ростом разногласий в отношениях между ведущими мировыми державами, разрушением механизмов многостороннего регулирования, торговыми и гибридными войнами, попытками взять отдельные страны в санкционные клещи, угрозой очередного витка гонки вооружений и разворота глобальной экономики от роста к рецессии. Это «нагромождение рисков» (по выражению французского политолога Николя Бавереца) [Baverez] вызвало в мировых столицах серьезную озабоченность и легло в основу повестки прошлогоднего саммита. От встречи в Буэнос-Айресе не ожидали чуда, но надеялись на снижение недопустимо высокого градуса напряженности.

«Черные лебеди» глобальной экономики

Начиная с кризиса 2008–2009 гг. человечество сталкивается с чередой экономических и политических потрясений, не располагая при этом эффективными регулирующими органами. По существу, международное сообщество призвано в новых условиях повторить положительный опыт совместных антикризисных действий десятилетней давности. Однако сегодня ситуация значительно осложнилась, поскольку среди ведущих мировых игроков отсутствует единство. Межгосударственные отношения отравлены бациллами взаимного недоверия, торгово-экономического и военно-политического соперничества и противостояния.

Настроениями неуверенности и тревожного ожидания пронизаны многочисленные аналитические доклады, подготовленные исследовательскими отделами авторитетных транснациональных банков, инвестиционных фондов и других бизнес-структур. Все они (в большей или меньшей степени) прогнозируют в ближайшие годы снижение темпов роста мировой экономики и торговли, падение уровня капиталовложений, увеличение бюджетных дефицитов, долговые проблемы и прочие беды финансово-экономического плана. (В частности, по данным Института международных финансов, в четвертом квартале 2018 г. объем глобальной задолженности составил 247 трлн долл., что примерно в 2,8 раза превышает суммарный размер ВВП всех стран мира) [Global...]. Как утверждают эксперты, приближающиеся кризисные явления затронут не только наиболее уязвимые развивающиеся страны, но и крупнейшие высокоразвитые государства. Некоторое ускорение экономического роста прогнозируется в Латинской Америке, но этот феномен — лишь небольшой отскок после нескольких лет топтания на месте (табл. 1).

Интересное наблюдение сделал известный экономист Ручир Шарма. Он отметил, что в 2007 г., накануне глобального финансового кризиса, количество стран с темпом прироста ВВП более чем 7% было максимальным за всю послевоенную историю и превышало 60. Причем в их число входили страны-гиганты — Китай, Индия, Россия, ставшие драйверами мирового экономического роста. Сравнительно высокую динамику развития в те годы демонстрировала Бразилия, что послужило основанием для объедине-

ния этой четверки в группу БРИК. В послекризисный период количество таких быстро растущих государств резко сократилось: в середине второго десятилетия XXI в. их насчитывалось всего девять, и только одна страна-гигант (Индия) демонстрировала темпы роста свыше 7%. К тому же, как считает Р. Шарма, показатели прироста индийского ВВП «скорее всего преувеличены за счет хитроумных манипуляций» национальной статистической службы [Шарма, с. 462].

Таблица 1

Динамика ВВП, %

Страны	Прогноз					
	2015	2016	2017	2018	2019	2023
Развитые страны	2,3	1,7	2,3	2,4	2,1	1,5
США	2,9	1,6	2,2	2,9	2,5	1,4
Страны зоны евро	2,1	1,9	2,4	2,0	1,9	1,4
Япония	1,4	1,0	1,7	1,1	0,9	0,5
Канада	1,0	1,4	3,0	2,1	2,0	1,6
Развивающиеся страны Азии	6,8	6,5	6,5	6,5	6,3	6,1
Развивающиеся страны Европы	4,7	3,3	6,0	3,8	2,0	2,7
Латинская Америка	0,3	-0,6	1,3	1,2	2,2	2,9

Источник: IMF. World Economic Outlook: Challenges to Steady Growth. October 2018. Washington, 2018, p. 152–157.

Поскольку предыдущий кризис зародился в Соединенных Штатах, совершенно естествен интерес экспертов к положению дел в этой стране. По прогнозам крупнейшего американского инвестиционного банка Goldman Sachs, американская экономика уже в 2019 г. ощутимо снизит динамику роста ВВП и может оказаться в положении, напоминающем предкризисную ситуацию 2007 г. По мнению аналитиков банка, на это указывают периодические резкие биржевые колебания и растущая неопределенность на рынке недвижимости. Напоминая, что кризис в США начался именно с краха системы жилищного ипотечного кредитования, эксперты Goldman Sachs считают нынешние неурядицы лишь «прелюдией к более масштабному кризису» и не исключают возможности повторного коллапса на рынке недвижимости и последующей цепной реакции в виде трансграничных финансовых потрясений [US Economic...].

Обращают на себя внимание и традиционные «скандальные предсказания» (outrageous predictions) на 2019 г. датского Saxo Bank. Конечно, вероятность их реализации крайне мала — порядка 1%, но, во-первых, отдельные пророчества аналитиков банка сбывались (в частности, был предсказан Brexit), а во-вторых, показателен откровенно пессимистический настрой этих современных «оракулов». Они указывают на «стаю» так называемых «черных лебедей» — неожиданных негативных событий, способных критически осложнить положение в мировой экономике. Например, допу-

скается возможность кризиса в автомобильной промышленности Германии по причине введения администрацией Д. Трампа (о чем президент неоднократно заявлял) повышенных таможенных пошлин на импорт многих европейских товаров. Другой «скандальный прогноз» — кризис суверенной задолженности Италии, которой, по оценке Saxo Bank, в 2019 г. предстоит рефинансировать долговые обязательства на астрономическую сумму в 300 млрд евро. Поскольку огромный долг имеют и другие члены Евросоюза, это поставит в сложное положение Европейский центральный банк и может ослабить позиции единой европейской валюты. Третий «черный лебедь» — банкротство ряда крупнейших транснациональных корпораций, включая американскую General Electric, что способно спровоцировать биржевую панику [Saxo...].

Не мог остаться в стороне от прогнозов и профессор Нью-Йоркского университета Нуриэль Рубини — один из самых именитых и влиятельных экономистов, предсказавший кризис 2008 г. и за свои алармистские высказывания заслуживший прозвища «Буревестник кризисов» и «Доктор апокалипсис» (Dr. Doom).

В статье, подготовленной Н. Рубини для Project Syndicate в соавторстве с маститым итальянским экономистом Брунелло Росой, предсказывается следующий глобальный кризис в 2020 г. В частности, Н. Рубини и Б. Роса прогнозируют перегрев, повышение инфляции и падение темпов экономического роста в Соединенных Штатах, что повлечет за собой торможение глобальной экономики. По мнению экспертов, на американском и международных фондовых рынках «надуваются пузыри» — предвестники биржевых и финансовых коллапсов. Второй фактор, приближающий мировой кризис, — эскалация торговых войн США с КНР, Евросоюзом и другими странами, что также «сработает» на замедление прироста глобального ВВП и ослабит динамику международного товарообмена. Американский протекционизм, подчеркивают ученые, заставит государства-партнеры предпринять ответные шаги, что вызовет цепную реакцию взаимных ограничительных мер. В-третьих, авторы отмечают повышение финансовой и макроэкономической неустойчивости в зоне евро, связанное с долговой динамикой и затруднениями во внешней торговле. «Новый глобальный спад, — пишут Н. Рубини и Б. Роса, — может подтолкнуть Италию и другие страны вообще выйти из еврозоны» [Roubini, Rosa].

Экономические осложнения зачастую становятся питательной средой для политических конфликтов. Как считают Н. Рубини и Б. Роса, в предвыборном 2020 г., когда темпы роста американской экономики могут упасть ниже 1%, а рабочие места начнут сокращаться, у Д. Трампа возникнет сильное желание спровоцировать внешнеполитический кризис (авторы не исключают и военную конфронтацию), например, с Ираном, что вызовет геополитический шок. В результате мир окажется в эпицентре так называемого «идеального шторма» — критической ситуации, возникшей путем сложения целого ряда неблагоприятных факторов, в результате чего их суммарный эффект многократно возрастает [Roubini, Rosa].

Как демонстрируют различные аналитические исследования, в мировой хозяйственной системе отклонение от сравнительно равновесного состояния в сторону неу-

стойчивости и неопределенности происходит именно в результате сопряжения разного рода негативных трендов экономического и политического порядка. В настоящее время, отмечено в докладе ЮНКТАД 2018 г., международные экономические отношения «переживают стресс», а возможности динамичного роста в логике прежней модели не-олиберальной «гиперглобализации» и «иллюзий свободной торговли» в значительной степени исчерпаны [UNCTAD...]. Поэтому, чтобы избежать всемирного апокалипсиса, необходимо привести в действие новые механизмы социально-экономического развития.

Иными словами, глобальная экономика находится в точке бифуркации, и возникает проблема: когда и при каких обстоятельствах данная система, двигаясь к новому аттрактору (устойчивому режиму функционирования), перейдет на более высокий уровень стабильности. Обеспечить такой переход — главная задача международного сообщества, прежде всего ведущих государств современного мира. Только их согласованные усилия могут нейтрализовать негативное воздействие «черных лебедей» мирового хозяйства.

Аргентинские уроки для «Большой двадцатки»

Проведение саммита G-20 в аргентинской столице стало символичным. Социально-экономическая и политическая ситуация в Аргентине как нельзя более точно отразила тот сложный и противоречивый момент, который переживают многие государства на современном этапе эволюции мировой экономики и политики. Именно поэтому «аргентинские уроки» представляют интерес для понимания общей картины мирохозяйственных связей.

В этой южноамериканской стране потерпели неудачу как неолиберальные, так и популистские проекты общественного развития, сопряженные с некомпетентностью правящих режимов. Аргентина не сумела извлечь из процесса глобализации максимума дивидендов, как это сделали Китай, Индия, страны Юго-Восточной Азии, отдельные европейские государства. Но при этом страна в полной мере испытала влияние негативных эффектов: потрясений на мировых рынках сырья и продовольствия, финансовых катаклизмов, последствий «торговых войн». В частности, отрицательное воздействие на экономику Аргентины оказала внешнеторговая политика Д. Трампа. Протекционистские решения Белого дома привели к фактическому закрытию американского рынка для аргентинского биотоплива (важной статьи экспорта), а введение с 1 июня 2018 г. повышенных таможенных пошлин на импорт в США стали и алюминия больно ударило по интересам аргентинских металлургов [Яковлев Аргентинская...].

Статистические данные фиксируют абсолютное падение ВВП Аргентины, образование дефицита во внешней торговле (в 2018 г. — 10 млрд долл.), один из самых высоких в мире уровней потребительской инфляции, значительный государственный долг, отрицательный показатель счета текущих операций, а также хронический бюджетный дефицит, вынуждающий правительство сокращать расходы и тем самым уменьшать финансирование экономики (табл. 2).

Таблица 2

Аргентина: ключевые макроэкономические показатели (2016–2019 гг.)

Показатель	2016	2017	2018	2019
ВВП (изменение в %)	-1,8	2,9	-2,6	-1,6
Экспорт товаров (млрд долл.)	57,7	58,4	65,0	72,0
Импорт товаров (млрд долл.)	55,6	66,9	75,0	75,0
Счет текущих операций (% ВВП)	-2,7	-4,9	-3,7	-3,2
Изменение потребительских цен (%)	38,5	24,8	40,5	20,2
Государственный долг (% ВВП)	55,1	55,0	62,7	58,2
Первичные расходы бюджета (% ВВП)	39,8	39,0	38,2	36,5
Первичный дефицит бюджета (% ВВП)	4,7	4,2	2,7	2,4

Источник: FMI. *Perspectivas económicas. Las Américas: Una recuperación desapareja*. Oct. 18. IMF, Washington, 2018. P. 23–24 (2019 г. – прогноз).

Все это в сумме подрывало усилия аргентинских властей по стабилизации социально-экономического положения и оживлению хозяйственного роста, ограничивало деловую активность бизнеса, который в массе своей занял выжидательную позицию и приостановил капиталовложения в экономику (так называемый принцип «wait and see» — «выждидай и наблюдай»). Более того, в международной прессе появились советы иностранным инвесторам «уносить ноги из Аргентины» [Repoza]. Понятно, что такого рода провокационные заявления приносили в общественную атмосферу настроения неуверенности в завтрашнем дне. В 2018 г. экономическая ситуация стала настолько серьезной, что правительство президента Маурисио Макри было вынуждено обратиться за экстренной финансовой помощью к Международному валютному фонду (МВФ) [Яковлев Хроническая...].

Сделанная в пожарном порядке достаточно щедрая долларовая инъекция МВФ (50 млрд долл.) на некоторое время снизила градус напряженности и несколько стабилизировала экономическую ситуацию, но в стратегическом плане не могла обеспечить выход Аргентины на траекторию устойчивого роста. По признанию авторитетных международных экспертов, для этого необходимо решение фундаментальных проблем аргентинского развития, что во многом зависит от нормализации в целом мировой ситуации и улучшения состояния глобальной экономики и торговли [Análisis...].

Правительство М. Макри рассчитывало, что проведение в Буэнос-Айресе саммита G-20, во-первых, позволит членам «Большой двадцатки» сблизить позиции и найти общие модальности в подходах к оценке существующих проблем и перспектив глобального развития, а во-вторых — продемонстрирует мировым лидерам готовность Аргентины к широкому международному сотрудничеству, поможет стране преодолеть «синдром неудачника» и привлечь внимание иностранных инвесторов.

В какой мере эти надежды оказались оправданны?

Прежде всего, подготовленная аргентинской стороной повестка саммита Г-20 (под названием «Выстраивая консенсус за равноправное и устойчивое развитие») привлекла широкое международное внимание, а активная дипломатия Буэнос-Айреса и лично М. Макри способствовала участию в работе форума подавляющего большинства мировых лидеров (табл. 3).

Таблица 3

Участники саммита Г-20 в Буэнос-Айресе

№	Страна	Представитель	№	Страна	Представитель
1	Австралия	Скотт Моррисон, премьер-министр	15	Мексика	Энрике Пенья Ньето, президент
2	Аргентина	Маурисио Макри, президент	16	Нидерланды	Марк Рютте, премьер-министр
3	Бразилия	Мишел Темер, президент	17	Россия	Владимир Путин, президент
4	Великобритания	Тереза Мэй, премьер-министр	18	Руанда	Поль Кагаме, президент
5	Германия	Ангела Меркель, канцлер	19	Саудовская Аравия	Мухаммед ибн Салман Аль Сауд, кронпринц
6	Евросоюз	Дональд Туск, председатель Евросовета	20	Сенегал	Макки Салл, президент
7	Евросоюз	Жан-Клод Юнкер, председатель Еврокомиссии	21	Сингапур	Ли Сянь Лун, премьер-министр
8	Индия	Нарендра Моди, премьер-министр	22	США	Дональд Трамп, президент
9	Индонезия	Юсуф Калла, вице-президент	23	Турция	Реджеп Эрдоган, президент
10	Испания	Педро Санчес, председатель правительства	24	Чили	Себастьян Пиньеры, президент
11	Италия	Джузеппе Конте, премьер-министр	25	Франция	Эммануэль Макрон, президент
12	Канада	Джастин Трюдо, премьер-министр	26	ЮАР	Сирил Рамафоса, президент
13	Китай	Си Цзиньпин, председатель	27	Ямайка	Эндрю Холнесс, премьер-министр
14	Республика Корея	Мун Чжэ Ин, президент	28	Япония	Синдзо Абэ, премьер-министр

Источник: составлено автором на основе официальных документов Г-20.

Учитывая ту напряженную международную обстановку, в которой проходил саммит, можно считать его итоги удовлетворительными. Это подтвердил и факт согласования и принятия (вопреки предсказаниям скептиков) итоговой декларации, которая, по оценке В.В. Путина, несмотря на известную «округлость формулировок» (следствие неизбежных компромиссов), «показывает наиболее важные проблемы, которыми «двадцатка» занимается и, во всяком случае, показывает направление движения, куда мы должны двигаться, для того чтобы решать стоящие перед нами задачи». «Я считаю, —

подчеркнул президент Российской Федерации на встрече с журналистами, — что это все-таки положительный результат» [Ответы...].

Одним из принципиальных пунктов итоговой декларации стало заявление мировых лидеров о том, что международное сообщество переживает сложный «переходный период», создающий «трудности для людей, предприятий и правительств». В этой связи участники саммита подтвердили свою приверженность «совместной работе по улучшению основанного на правилах международного порядка, позволяющего эффективно реагировать на происходящие в мире стремительные изменения». Примером тому явилась достигнутая договоренность о необходимости реформировать Всемирную торговую организацию (ВТО) «для того, чтобы улучшить ее функционирование». Вместе с тем главы государств и правительств Г-20 подчеркнули особую важность товарообмена и инвестиций для целей глобального экономического развития и признали решающий вклад ВТО в дело либерализации многосторонней торговли [Declaración...].

Характерной чертой аргентинского саммита была высокая насыщенность контактами «на полях» — двусторонними встречами мировых лидеров. Тон задал хозяин форума М. Макри, который провел переговоры с руководителями США, России, Китая, Индии, Германии, Франции, Испании, других ключевых стран и международных организаций. В формате официального визита президента РФ в Аргентину прошли переговоры В.В. Путина и М. Макри, в результате которых были подписаны межправительственные документы, углубляющие российско-аргентинское сотрудничество в различных областях. В частности, между двумя странами был подписан «Стратегический документ о российско-аргентинском партнерстве в области мирного использования атомной энергии» [Российско-аргентинские...].

Встреча лидеров «группы двадцати» на аргентинской земле подтвердила (по крайней мере, декларативно), что приоритеты международного сотрудничества включают укрепление системы мировой торговли на принципах открытости и взаимной выгоды, дальнейшее продвижение вперед по пути совершенствования механизмов финансового регулирования, сокращение выбросов парниковых газов, прежде чем они вызовут непоправимую экологическую катастрофу, обеспечение максимально возможных благоприятных условий (в том числе политических) для справедливого и устойчивого социально-экономического развития всех стран и народов. Вряд ли на это можно что-либо возразить.

Но если оценивать результаты встречи Г-20 по «гамбургскому счету», то можно констатировать, что саммит в Буэнос-Айресе фактически «запротоколировал» конфронтацию между ведущими мировыми державами по ряду ключевых вопросов глобального развития, зафиксировал застой и ломку многосторонней международной системы. В результате большинство членов «Большой двадцатки», даже отдавая себе отчет в том, что мир сталкивается с серьезными торгово-экономическими, экологическими и военно-политическими рисками, пока не могут предъявить достаточно действенные, а главное — выверенные и скоординированные ответы на постоянно возникающие глобальные вызовы.

Шаткое перемирие в торговой войне

Пристальное внимание политиков, международных экспертов и представителей транснационального бизнеса приковала к себе встреча лидеров Соединенных Штатов и Китая, торгово-экономические противоречия между которыми к началу саммита в Буэнос-Айресе достигли своей высшей точки. Никогда за последние 40 лет (с начала экономических реформ) Пекин не подвергался столь сильному прессингу, как после прихода к власти в Вашингтоне Д. Трампа [Яковлев, 2017, с. 91–93]. С точки зрения нынешнего хозяина Белого дома, предприятия КНР несут ответственность чуть ли не за все проблемы и трудности американской экономики, прежде всего — за огромный дисбаланс во внешней торговле США (табл. 4).

Таблица 4

Внешняя торговля США (товары, млрд долл.)

Показатель	2001	2005	2010	2015	2017
Экспорт	729	1037	1278	1502	1546
Экспорт в КНР	19	41	92	116	130
Доля КНР (%)	2,6	4,0	7,2	7,7	8,4
Импорт	1141	1735	1968	2313	2409
Импорт из КНР	102	260	383	504	526
Доля КНР (%)	8,9	15,0	19,5	21,8	21,8
Сальдо	-412	-698	-690	-811	-863
Сальдо с КНР	-83	-219	-291	-388	-396
Доля КНР (%)	20,2	31,4	42,2	47,8	44,3

Источник: ITC. Trade statistics for international business development. – trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c842%7c%7c156%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1 (date of access: 27.12.2018).

Введя ограничительные меры в отношении импорта ряда китайских товаров, Вашингтон фактически вступил на тропу торговой войны с Пекином. Это явилось главным проблемным узлом международной торговли в 2017–2018 гг., вызвав крайнюю обеспокоенность во всем мире в силу огромной роли США и КНР в глобальной экономике. Стало совершенно ясно, что Вашингтон все больше воспринимает Пекин не как партнера, а как экономического конкурента и геополитического соперника, ключевого противника, которого необходимо «сдерживать» и с которым нужно разговаривать с позиции силы. Разумеется, это произошло не на пустом месте и явилось примером перехода количественных изменений в качественные. По мере беспрецедентного экономического и военно-политического возвышения Китая американо-китайское столкновение было вопросом времени, и нынешнее обострение противоречий между двумя крупнейшими мировыми державами носит закономерный характер и являет собой классический пример «ловушки Фукидида» [Allison].

Многие международные эксперты не без оснований считают, что противостояние США и Китая рискует принять затяжной характер с трудно предсказуемыми, но одноз-

начно негативными долговременными последствиями для мировой экономики и торговли. В этой связи различные политические и деловые круги в Соединенных Штатах и за их пределами, включая многих участников саммита в Буэнос-Айресе, выступали в пользу снижения напряженности и поиска компромисса в американо-китайских отношениях. Безусловно, данное обстоятельство сыграло свою роль в том, что на встрече Д. Трампа и Си Цзиньпина в аргентинской столице лидеры договорились в течение 90 дней не вводить новых торговых ограничений и провести двусторонние переговоры для урегулирования имеющихся споров. Стороны должны прийти к соглашению не позднее 1 марта 2019 г., в противном случае Вашингтон грозил повысить пошлины на китайские товары стоимостью 200 млрд долл. с 10 до 25% [Statement...].

7–9 января 2019 г. в Пекине состоялись переговоры между торговыми делегациями КНР и США, по итогам которых китайские представители обещали несколько сбалансировать взаимный товарообмен. В частности, речь идет об увеличении импорта американских энергоресурсов, сельскохозяйственной продукции, отдельных промышленных изделий. Американская делегация, по заявлению Управления торгового представителя США (USTR), настаивала на необходимости «структурных изменений» в торговле между двумя странами и требовала от китайской стороны прекращения нарушений прав интеллектуальной собственности и «кражи коммерческих секретов» [Statement...]. Все эти вопросы еще ждут согласования, причем на самом высоком политическом уровне

Несмотря на отмеченные положительные подвижки, зафиксированное на саммите в Буэнос-Айресе «перемирие в торговой войне» является, по мнению многих наблюдателей, «хрупким» и в любой момент может быть нарушено [EE.UU...]. Сложность достижения американо-китайского взаимоприемлемого стратегического соглашения была продемонстрирована всего через несколько дней после завершения встречи Г-20, когда в Канаде по запросу Вашингтона арестовали Мэн Ванчжоу — финансового директора и дочь основателя крупнейшей китайской транснациональной телекоммуникационной корпорации Huawei, действующей в 170 странах мира. Американские власти обвинили высокопоставленного менеджера в нарушении санкций против Ирана и потребовали ее экстрадиции в Соединенные Штаты. Этот демарш Вашингтона стал кульминацией его широкомасштабной кампании против Huawei, включая запрет на продажу ее продукции в США и ряде других государств (Австралии, Новой Зеландии, Великобритании, Японии), а также неприкрытого давления на международные банки с целью отрезать корпорацию от источников финансирования [La crisis...].

Конфликт вокруг Huawei, попавшей под пресс американских экономических санкций, свидетельствует, что в основе антикитайских действий Белого дома лежат причины глубинного порядка. На это обстоятельство указал, в частности, создатель всемирно известной компании электронной коммерции Alibaba Ма Юнь (Джек Ма). По его мнению, американо-китайская торговая война («самая большая мировая глупость») — лишь вершина айсберга. В основе лежат проблемы в отношениях между двумя странами. Ма Юнь утверждает, что, даже если текущие торговые противоречия будут урегулированы, напряженность между США и КНР сохранится еще в течение десятилетий, поскольку в центр соперничества все больше выдвигаются высокотехнологичные от-

расли, в настоящее время определяющие основной вектор глобального экономического развития [US — China...].

Глобализация 4.0

Текущий кризисный момент поднимает важные вопросы, касающиеся современного состояния и будущего глобальной экономической системы. Как предотвратить дальнейший фронтальный откат глобализационных процессов и нивелировать негативные эффекты конфликтов на торговой почве и разрушительные последствия санкционных войн? В политическом истеблишменте и в деловой среде формируется запрос на новые прорывные идеи, способные воспрепятствовать сползанию международного сообщества к хаосу.

С этой точки зрения привлекает внимание концепция глобализации 4.0, одним из авторов которой является Клаус Шваб — немецкий экономист, основатель и многолетний президент Всемирного экономического форума в Давосе. В 2016 г. в ставшей уже классической книге «Четвертая промышленная революция» [Schwab, 2016] он фактически заложил основы понимания тех фундаментальных перемен, которые происходят в глобальной экономике, меняют условия человеческого существования и способны качественно трансформировать сам процесс глобализации. Вслед за К. Швабом ученые разных стран наглядно показали, что международное сообщество вступает в период ошеломляющих научно-технологических прорывов в самых разных областях, включая искусственный интеллект, роботизацию, цифровизацию, беспилотные транспортные средства, новые материалы, трехмерную печать, нанотехнологии, биотехнологии, военные технологии и многое другое [Megatech...]. Развивая этот тезис, испанский исследователь Андрес Ортега называет наступающий период глобализации «технологизацией» [Ortega].

Четвертая промышленная революция неизбежно приобретает глобальный, всепроникающий характер и в той или иной степени затронет все страны мира. От нее нельзя отгородиться таможенными барьерами и другими мерами протекционистского характера. Ключевая политико-экономическая (и психологическая) проблема состоит в том, что названные технологические перемены разворачиваются в период сравнительно медленного, неустойчивого и неравномерного восстановления международной экономики после кризиса 2008–2009 гг., сопряженного с ухудшением материального положения значительной части населения большинства стран мира. В этом одна из главных причин растущего недовольства граждан не только неэффективной и нередко анти-социальной политикой национальных элит, но и в целом процессом глобализации. Между тем, считает К. Шваб, в данном случае «игнорируется (и зачастую смешивается) существенное различие между двумя концепциями — глобализации и глобализма. Глобализация — это феномен, связанный с технологиями, а также передвижением идей, людей и товаров. Глобализм — это идеология, которая ставит неолиберальный глобальный порядок выше национальных интересов. Никто не может отрицать, что мы живем в глобализованном мире. Однако идея, что все наши политические решения должны быть «глобалистскими», является крайне спорной» [Schwab, 2018].

Сторонники этой концепции считают, что глобализационные процессы развивались своеобразными волнами. Глобализация 1.0 — эпоха великих географических открытий, когда впервые в истории человечества практически все континенты были вовлечены в торговые отношения. Глобализация 2.0 охватила период второй половины XIX в. и до начала Первой мировой войны. В эти годы, наряду с подлинно глобальной торговлей, осуществлялся значительный вывоз предпринимательского и финансового капитала, телеграф невероятно упростил и ускорил все виды трансграничных деловых связей, а миллионы жителей Старого света переселились в Америку, Африку и Австралию. Глобализация 3.0, носившая (начиная с последней трети XX в.) преимущественно неолиберальный характер, происходила на принципиально новой технологической и информационной основе. Ее главным достижением стало вовлечение в международные торгово-экономические связи практически всех государств мира, а фундаментальными недостатками — неспособность обеспечить бескризисное развитие глобальной экономики и до приемлемого уровня сократить колоссальное социальное неравенство [Felberg].

Многие факты свидетельствуют, что глобализация 3.0 в основном себя исчерпала и требуется ее замена на новую архитектуру глобального политико-экономического взаимодействия. Какие основные черты должны характеризовать глобализацию 4.0, помимо ее выраженной инновационности и супертехнологичности?

Прежде всего, следует признать, что наступление новой эры глобализации призвано обеспечить ощутимое улучшение условий жизни людей, повернуть вспять нынешнюю деградацию социальной ткани, гарантировать реальное (не на словах, а на деле) формирование инклюзивной модели развития глобальной экономики. Для этого политические элиты и транснациональные деловые круги должны вернуть себе в значительной мере утраченное общественное доверие, выработать и применять на практике новые глобальные нормы, стандарты, решения и значимые договоренности, отвечающие интересам большинства населения. Иначе говоря, современное социально ответственное государство и бизнес-сообщество должны перейти от концепции «производство и потребление» (квинтэссенция глобализации 3.0 в ее неолиберальном исполнении) к концепции «общее пользование и забота о людях» («sharing and caring»), которой надлежит стать идейной сердцевиной глобализации 4.0 [Schwab, 2018].

Глобализация 4.0 еще только разворачивается, но уже понятно, что международное сообщество к ней пока плохо подготовлено. Сплошь и рядом в мировой политике наблюдаются попытки уцепиться за устаревший менталитет и отжившие догмы, не кардинально перестроить, а лишь слегка подлатать глобальные институты и механизмы прошлых времен. Между тем, чтобы придать серьезное ускорение мировому развитию и получить значимые выгоды от новых возможностей, необходима глубокая трансформация ключевых элементов системы многосторонних политических и торгово-экономических отношений.

* * *

События последнее времени подтверждают тезис о том, что мир находится на историческом перепутье. С одной стороны, сохраняется (а отдельными государствами даже культивируется) возможность поддержания нынешнего неустойчивого status quo: множить существующие конфликты и оставлять без внимания нерешенные проблемы, продолжать контрпродуктивную политику санкционных и торговых войн. В этом случае, по мнению авторитетных экспертов, неизбежен очередной глобальный кризис, грозящий всемирным апокалипсисом с непредсказуемыми социально-политическими и торгово-экономическими последствиями [Segovia...].

С другой стороны, четвертая промышленная революция открывает поистине беспрецедентные возможности, поскольку образуется прочная материальная база для невиданного технического прогресса. Благодаря этому у человечества появился уникальный шанс решить накопленные за десятилетия социально-экономические проблемы, «расшить» узкие места мирового развития, добиться действительно прорывных результатов в контексте глобализации 4.0. В конечном счете — направить хозяйственный рост на благо всего общества.

Литература

- Ответы на вопросы журналистов. 1 декабря 2018 года. — URL: kremlin.ru/events/president/news/59290 (дата обращения: 05.12.2018).
- Российско-аргентинские документы, подписанные в ходе официального визита Президента Российской Федерации В.В. Путина в Аргентинскую Республику. 1 декабря 2018 года. — URL: kremlin.ru/supplement/5374 (дата обращения: 09.12.2018).
- Шарма Р.* Взлеты и падения государств. Силы перемен в посткризисном мире. М. 2018.
- Яковлев П.П.* Аргентинская сталь в ловушке глобализации // *Металлы Евразии*. 2018. № 4. С. 50–53.
- Яковлев П.П.* Хроническая болезнь аргентинской экономики // *Латинская Америка*. 2018. № 10. С. 10–24.
- Яковлев П.П.* «Эффект Трампа» или конец глобализации? М. 2017.
- Allison G.* Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap? Melbourne-London. 2017.
- Análisis: para el crecimiento sostenido de la economía argentina, es necesaria la reforma estructural. 28 de Agosto de 2017. — URL: americaeconomia.com/ (date of access: 05.12.2018).
- Ayora A.G.* La guerra comercial acabará en tablas // *El Economista*. Madrid, 1.12.2018.
- Baverez N.* Le G20 de tous les risques // *Le Figaro*. Paris, 3.12.2018.
- Declaración de Líderes del G20. Construyendo consenso para un desarrollo equitativo y sostenible. URL: g20.org/sites/default/files/declaracion_de_lideres_de_buenos-aires.pdf (date of access 8.12.2018).
- EE.UU. vs China: Solo un frágil cese al fuego. 3 de Diciembre de 2018. — URL: americaeconomia.com/ (date of access: 09.12.2018).
- Felberg R.* Globalization 4.0. May 19, 2017. — URL: coesite.com/resources/blog/may-2017/globalization-4 (date of access: 15.12.2018).

- FMI. Perspectivas económicas. Las Américas: Una recuperación desapareja. Oct. 18. IMF, Washington, 2018.
- Global Debt Monitor. Institute of International Finance. November 13, 2018. — URL: iif.com/ (date of access: 10.12.2018).
- ITC. Trade statistics for international business development. — URL: trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c842%7c%7c156%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1 (date of access: 28.12.2018).
- La crisis de Huawei se ahonda: la banca dejara de prestarle financiación // El Economista. Madrid. 21.12.2018.
- Megatech. Technology in 2050. Edited by Daniel Franklin. London: Profile Books Ltd, 2017.
- Ortega A. Globalización 4.0: centrada en las personas. 11.12.2018. — URL: printfriendly.com/p/g/ZkcGjy (date of access: 25.12.2018).
- Rapoza K. It Might Be Time To Get Out Of Argentina. May 3, 2018. — URL: forbes.com/sites/kenrapoza/ (date of access: 25.12.2018).
- Roubini N., Rosa B. The Making of a 2020 Recession and Financial Crisis. Sep 13, 2018. — URL: project-syndicate.org/ (date of access: 5.12.2018).
- Saxo Bank. Outrageous Predictions 2019. — URL: home.saxo.com/insights/news-and-research/thought-leadership/outrageous-predictions (date of access: 5.01.2019).
- Schwab K. Grappling With Globalization 4.0. Nov 5, 2018. — URL: project-syndicate.org/commentary/ (date of access: 27.12.2018).
- Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Geneva: World Economic Forum, 2016.
- Segovia C. Davos avisa: vamos a crisis o caos // El Mundo. Madrid. 11.01.2019.
- Statement on the United States Trade Delegation's Meetings in Beijing. 9.01.2019. — URL: ustr.gov/about-us/policy-offices/press-releases/2019/january/ (date of access: 11.01.2019)
- Taleb N.N. The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable. N.Y. 2007.
- UNCTAD. Trade and Development Report 2018. Power, Platforms and the Free Trade Delusion. UN, N.Y. and Geneva. 2018.
- US — China trade war the stupidest thing in the world, says Jack Ma // The Straits Times. Singapore. 06.11.2018.
- US Economic Outlook 2019: The Home Stretch. 26 Nov 2018. — URL: goldmansachs.com/insights/pages/us-outlook-2019.html (date of access: 16.12.2018).

DOI 10.32726/2411-3417-2018-4-137-153

УДК 331; 334; 338; 339

Владимир Кондратьев

Перспективы роста мировой экономики

Аннотация. *Процессы экономического развития становятся все более сложными и глобальными. Традиционные политические и финансовые инструменты нередко уже не помогают справиться с экономическими кризисами. Многие государства стоят перед серьезными структурными проблемами. Шоки в рыночной экономике неизбежны, однако важно оценивать последствия принимаемых мер, понимать, что будет происходить в средне- и долгосрочной перспективе. Первостепенное значение в наши дни приобретают стратегические решения.*

Ключевые слова: *мировая экономика, экономические прогнозы, среднесрочные и долгосрочные перспективы, базовые факторы экономического развития.*

Краткосрочные тенденции. По мере того как глобальный циклический подъем мировой экономики приближаются к своему двухлетнему пику, а темпы роста в некоторых странах к своей высшей точке, экономическое развитие становится менее синхронизированным. В развитых странах растет разрыв в темпах экономического роста между США, с одной стороны, и Европой, а также Японией — с другой. Аналогичная тенденция наблюдается и в развивающихся странах, отражая совместное влияние таких факторов, как растущие нефтяные цены, высокие процентные ставки в США, рост торговых барьеров и политическая нестабильность. Все эти факторы привели к сокращению потоков капитала, росту издержек финансирования и давлению обменных валютных курсов, особенно в странах со слабыми рыночными институтами и высоким политическим риском.

Вследствие сокращения предложения на глобальном рынке нефтяные цены за год выросли почти на 20% и составили в сентябре текущего года около 80 долл. за баррель. Это происходило на фоне сокращения добычи нефти в Венесуэле и принятия Соединенными Штатами санкций против Ирана. Рост цен на топливо способствовал повышению темпов инфляции — как в развитых, так и в развивающихся странах. В результате в ряде стран произошло повышение процентных ставок.

Так, в США Федеральная резервная система (ФРС) в сентябре повысила базовую процентную ставку на 0,25 процентных пункта, до диапазона 2 — 2,25% годовых. Это уже третье повышение ставок в 2018 г. Решение американского регулятора совпало

Сведения об авторе: *Кондратьев Владимир Борисович — руководитель Центра промышленных и инвестиционных исследований ИМЭМО РАН, доктор экономических наук; v.b.kondr@imemo.ru.*

с ожиданиями участников рынка и не стало неожиданностью. Реакция рынков была преимущественно нейтральной. В базовом сценарии ФРС планирует поднять ставку еще раз на декабрьском заседании, а затем еще три раза в 2019 г. и один раз в 2020 г. Таким образом, ставка ФРС может дойти до 3,25 — 3,5%.

После последнего заседания комитета ФРС в августе 2018 г. макроэкономическая ситуация свидетельствует, что рынок труда продолжает укрепляться, а экономическая активность стабильно растет. Уровень безработицы в США остается низким, число рабочих мест увеличивается, как и расходы домохозяйств. ФРС ожидает роста американской экономики в 2018 г. на уровне 2,9% — на фоне низкой безработицы в США, стабильной инфляции в районе целевых 2% и продолжения умеренного подъема как минимум три следующих года: в 2019 г. — на 2,5%, в 2020 г. — на 2%, в 2021 г. — на 1,8% [ФРС США...].

В ведущих развивающихся странах, включая Аргентину, Индию, Индонезию, Мексику и Турцию центральные банки также подняли учетные ставки в ответ на рост инфляции, давление обменных курсов и сокращение внешних инвестиций.

Американский доллар продолжал укрепляться и с февраля 2018 г. вырос в реальном выражении более чем на 5%, в то время как японская йена и британский фунт оставались стабильными. На этом фоне валюта некоторых развивающихся стран испытала значительную девальвацию: турецкая лира за этот год ослабела на 10%; аргентинский песо — на 20% (из-за финансовых и макроэкономических дисбалансов). Бразильский реал был девальвирован на 10% вследствие более медленных, чем ожидалось, темпов экономического подъема и политической неопределенности в стране. Более слабые по сравнению с планировавшимися ранее макроэкономические индикаторы привели к 7%-ой девальвации валюты в Южной Африке.

В целом рост глобальной экономики в 2018–2019 гг. ожидается на уровне 3,7% (таблица 1).

Ожидается, что рост экономики развитых стран составит 2,4% в 2018 г. и 2,1% в 2019 г. за счет более низких темпов развития в странах еврозоны и Японии. В США эти показатели будут выше, чем в целом по развитым странам: 2,9 и 2,5% соответственно — за счет существенных финансовых стимулов в сочетании с растущим конечным спросом и рекордным снижением безработицы до уровня 1950-х годов. Однако эти факторы создают серьезное инфляционное давление и способствуют росту импорта, увеличивая дефицит платежного баланса.

В странах еврозоны ожидается заметное снижение темпов роста с 2,4% в 2017 г. до 1,9% в 2019 г., прежде всего за счет Германии и Франции. В Японии вследствие слабого частного потребления и падения инвестиций темпы роста также снизятся и в 2019 г. не превысят 1%.

Экономика развивающихся стран сталкивается в последнее время с серьезными вызовами: растущие нефтяные цены, повышение доходности американских бумаг, по-

вышение курса доллара, торговые и геополитические конфликты. Перспективы этой группы и отдельных стран зависят от взаимодействия этих глобальных сил со специфическими внутренними факторами.

Таблица 1

Ежегодные темпы прироста мировой экономики, %

	2016	2017	2018*	2019*
Мировая экономика в целом	3,2	3,7	3,7	3,7
Развитые страны	1,7	2,3	2,4	2,1
США	1,5	2,2	2,9	1,9
Германия	1,9	2,5	1,9	2,1
Франция	1,1	2,3	1,6	1,6
Италия	0,9	1,5	1,2	1,0
Испания	3,3	3,1	2,7	2,2
Япония	1,0	1,7	1,1	0,9
Великобритания	1,8	1,7	1,4	1,5
Канада	1,4	3,0	2,1	2,0
Прочие развитые страны	2,3	2,8	2,8	2,5
Развивающиеся страны	4,4	4,7	4,7	4,7
Страны СНГ	0,4	2,1	2,3	2,4
Россия	-0,2	1,5	1,7	1,8
Прочие страны СНГ	1,9	3,6	3,9	3,6
Китай	6,7	6,9	6,6	6,2
Индия	7,1	6,7	7,3	7,4
Страны АСЕАН**	4,9	5,3	5,3	5,2
Бразилия	-3,5	1,0	1,4	2,4
Мексика	2,9	2,0	2,2	2,5
Саудовская Аравия	1,7	-0,9	2,2	2,4
Нигерия	-1,6	0,8	1,9	2,3
Южная Африка	0,6	1,3	0,8	1,4
Инфляция				
Развитые страны	0,8	1,7	2,0	1,9
Развивающиеся страны	4,3	4,3	5,0	5,2

* Прогноз

** Индонезия, Малайзия, Филиппины, Таиланд, Вьетнам.

Рассчитано по: World Economic Outlook October 2018, IMF, Wash. D.C. USA

Развивающиеся страны Азии будут в 2018–2019 гг. по-прежнему демонстрировать впечатляющий экономический рост на уровне 6,5%. При этом в Китае темпы несколько снизятся (с 6,9% в 2017 г. до 6,6% в 2018 г. и 6,2% в 2019 г.) в результате ужесточения финансовой и кредитной политики и перехода к стимулированию внутреннего спроса. В Индии, наоборот, ожидается повышение темпов экономического роста (с 6,7%

в 2017 г. до 7,3% в 2018 г. и 7,4% в 2019 г.), чему будут способствовать понижение обменного курса валюты и снижение налогов на товары и услуги. Темпы роста стран АСЕАН, как ожидается, установятся на уровне 5,3% на фоне стабильного внутреннего спроса и восстановления экспорта.

Предполагается постепенное улучшение экономической ситуации в странах Латинской Америки, где среднегодовые темпы роста возрастут в среднем по региону с 1,3% в 2017 г. до 2,2% в 2019 г. Этому будет способствовать рост цен на основные экспортные сырьевые товары. Исключение составит Венесуэла, где внутренние экономический и политический кризисы привели к сокращению добычи нефти, несмотря на рост цен на нее.

Улучшаются экономические перспективы африканских стран: в Нигерии темпы роста возрастут с 0,8% в 2017 г. до 2,3% в 2019 г., а в Южной Африке, соответственно, — с 1,3 до 1,4%. В России темпы экономического роста, несмотря на повышение цен, ожидаются стабильно низкими, одними из самых низких в мире, — как из-за экономических санкций, так и из-за невнятной экономической политики.

В среднесрочной перспективе на глобальную экономику будут оказывать влияние три группы факторов. Первую группу составляют политика экономического стимулирования совокупного спроса и сдвиги на энергетических рынках. Ко второй группе относятся процесс урбанизации и старения населения, которые усугубляют текущие структурные проблемы. Наконец, третья группа факторов отличается неопределенностью и вариативностью параметров: это — технологические инновации и способность к глобальному экономическому взаимодействию.

Наиболее безотлагательной и ближайшей проблемой остается относительно слабый совокупный спрос по сравнению с имеющимися экономическими мощностями. Все ведущие экономики мира, за исключением Китая, испытывали относительно слабый спрос после глобального финансового кризиса. В борьбе со слабым спросом многие правительства и центральные банки инициировали программы фискального и монетарного стимулирования, а также политику низких процентных ставок, что, в свою очередь, привело к существенному росту совокупного долга, в ряде случаев на 50% [Debt...]. Кроме того, сохраняющиеся низкие процентные ставки обычно заставляют инвесторов искать высокодоходные и надежные активы, что создает условия для формирования финансовых пузырей и волатильности на международных финансовых рынках.

Цена на нефть к январю 2016 г. упала по сравнению с июнем 2014 г. со 112 до 34 долл. за баррель, или более чем в три раза. И хотя она выросла до 82 долл. к сентябрю 2018 г., это все еще ниже на 30% уровня 2011–2014 гг. и на 40% — уровня 2008 г. Для потребителей такое снижение предоставило желаемую передышку; для производителей же создало проблемы финансовой нестабильности. Точка безубыточности (цена нефти, при которой финансовый профицит переходит в дефицит) составляет для Кувейта 57 долл., а для Алжира — 119 долл. за баррель [Regional economic...]. Это вынуждало страны расходовать свои финансовые резервы для борьбы с кризисом, что

сокращало инвестиционную активность, в том числе вложения в энергетический сектор, особенно в нетрадиционные виды энергии.

Только еще два раза за последние 30 лет цена на нефть падала так же резко — в 1985 и 2008 г. Восстановление после этих событий было разным и поучительным для сегодняшнего времени. После 1985 г. избыток добывающих мощностей держал цены на низком уровне в течение десятилетия. В 2008 г. падение нефтяных цен было связано с финансовым кризисом; сначала цены резко упали, но затем так же быстро восстановились с ростом спроса в развивающихся странах. В настоящее время подъем оказывается более плавным, а перспективы менее определенными.

В отличие от колебаний спроса и нефтяных цен процесс урбанизации и старения населения более предсказуем и имеет своей особенностью сдвиг в сторону развивающихся стран, чего до последнего времени не наблюдалось. Возрастающее скопление городского населения и старение рабочей силы создают дополнительные проблемы, среди которых — более низкая производительность, падение спроса, растущие расходы на здравоохранение и пенсионное обеспечение.

Процесс урбанизации идет от Бразилии до Китая с беспрецедентной скоростью. Сельское население активно реагирует на растущие возможности промышленности и экономического роста, вес городов в мировой экономике продолжает возрастать. По данным компании McKinsey, к 2025 г. почти 50% из двухсот крупнейших городов мира будет находиться в Китае — отчетливый признак восточной направленности миграции центров притяжения глобальной экономики [Dobbs, Manijka, Woetzel]. Признавая остроту проблемы урбанизации, китайское правительство с поразительной скоростью пытается решить проблемы в области климата, поскольку загрязнение атмосферы, продуцируемое устаревшими энергостанциями и промышленными предприятиями, стало угрожать качеству жизни в городских ареалах. Индия сталкивается с аналогичными проблемами, однако пока еще не действует с той же целеустремленностью.

Рабочая сила, от которой зависит экономическая активность, стареет и сокращается. Ожидается, что к 2050 г. ее численность даже в Китае уменьшится на 11%, несмотря на рост производства. В континентальной же Европе этот процесс примет еще более драматичные формы. Среди крупнейших экономик только в США демографическая ситуация прогнозируется относительно благоприятной для экономического роста. В остальных ведущих странах мира даже повышение производительности не компенсирует образующийся разрыв. Без фундаментальных и культурных сдвигов, стимулирующих участие в производстве старших возрастных групп, неработающих женщин и иммигрантов, многие страны рискуют столкнуться в следующем десятилетии с серьезными ограничениями экономического роста (таблица 2).

Из таблицы видно, что в 2005–2014 гг. прирост населения в трудоспособном возрасте в три раза превосходил увеличение численности пенсионеров. В следующее десятилетие эти показатели практически сравниваются.

Таблица 2

Динамика рабочей силы в странах G-20*

	Прирост численности населения в трудоспособном возрасте (15–64 года), млн чел.	Среднегодовые темпы прироста, %	Прирост численности лиц пенсионного возраста (более 65 лет), млн чел.	Среднегодовые темпы прироста, %
2005–2014 гг.	300	1,0	92	2,4
2015–2025 гг.	167	0,5	166	3,2

* На страны G-20 приходится 75% мировой экономики. Сюда входят: Аргентина, Австралия, Бразилия, Канада, Китай, Франция, Германия, Индия, Индонезия, Италия, Япония, Мексика, Россия, Саудовская Аравия, Южная Африка, Турция, Великобритания, США и ЕС как регион.

Источник: McKinsey Global Institute, April 2015.

Роль технологических инноваций и глобальной взаимозависимости остается наименее предсказуемой. Особенно актуален вопрос, какие инновации и в каких масштабах будут генерироваться Китаем, Индией и другими развивающимися странами. Открытие рынков ускорило формирование глобальных цепочек поставок и повышение производительности, однако дальнейшее развитие этого процесса остается неясным [Кондратьев].

Технологический прогресс и инновации достигли в ведущих странах мира такого уровня, за которым наступают принципиальные структурные изменения. Цифровизация изменила сферу телекоммуникаций, медийную сферу, финансовые услуги и сектор торговли. Потребители используют мобильные устройства для доступа к расширяющемуся диапазону товаров и услуг, а бизнес встроил их в процесс промышленного производства. Инновации в робототехнике и трехмерной печати позволили как развитым, так и развивающимся странам повысить производительность и расширить промышленную базу, а также изменить модели глобальной торговли.

В то же время эти технологические инновации породили сомнения и озабоченность в отношении способностей рынка обеспечить конфиденциальность информации и защитить личное пространство. Кража данных кредитных карт, промышленный шпионаж, утечка персональных данных — все это порождает новые вопросы о безопасности информации.

Глобальная экономическая взаимозависимость за последние 20–30 лет достигла беспрецедентного уровня. Сегодня Китай, несомненно, является важнейшим центром мировой торговли. Продолжает возрастать в мировом хозяйстве роль Латинской Америки, Индии и Среднего Востока. В то же время объемы международных потоков капитала остаются заметно ниже предкризисного уровня (рис. 1).

На повестке дня остаются проблемы распространения финансовых шоков и нежелания развивающихся стран играть по глобальным правилам, установленным развитыми странами в процессе глобализации.

Учитывая все эти факторы, эксперты компании McKinsey попытались разработать четыре различных сценария развития мировой экономики на период до 2025 г. [Enriquez, Smit, Ablett]

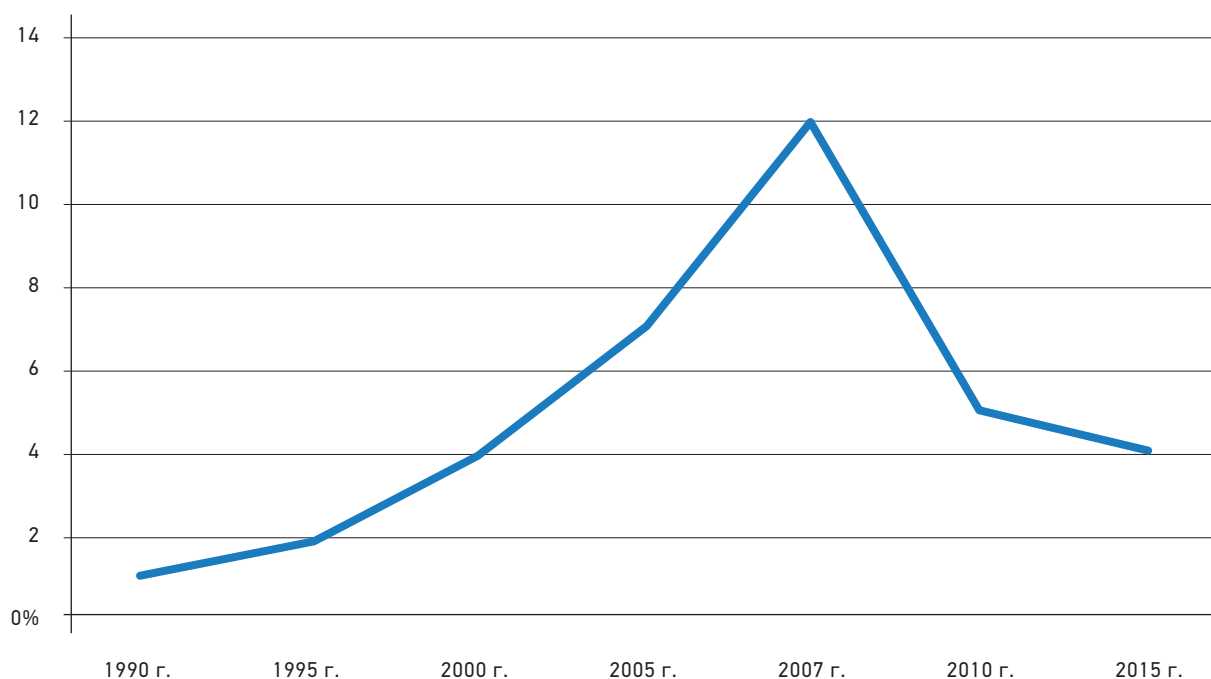

Рис. 1. Динамика международных потоков капитала*, трлн долл. (1990–2015 гг.)

* Включая прямые иностранные инвестиции, портфельные инвестиции, вложения в долговые обязательства и другие инвестиции.

Рассчитано по: Shifting tides: Global economic scenarios for 2015-2025. McKinsey&Company, September 2015.

Сценарий 1. Глобальная синхронность: дальнейшая конвергенция и быстрый рост. Мировая экономика переживает наиболее быстрый рост, аналогичный тому, какой наблюдался на протяжении последних тридцати лет, со среднегодовыми темпами 3,7%. К 2025 г. объем мировой экономики достигнет 90 трлн долл. в постоянных ценах 2015 г., увеличиваясь с 62 трлн долл. в 2015 г. При этом Индия будет оставаться наиболее быстроразвивающейся страной в мире (рис. 2).

Развитие и расширение торговых соглашений приводит к снижению барьеров на рынках важнейших услуг, возобновлению международной экономической активности и трансфера технологий. Быстрое распространение инноваций, усиленное более широкими торговыми соглашениями, повышает долю экспорта в ВВП стран двадцатки с 25 до 34% к 2025 г. при среднегодовых темпах прироста на уровне начала 2000-х годов.

Реформы финансового сектора в развивающихся странах будут способствовать формированию более прочного рынка капитала. Глобальные процентные ставки возвращаются к «старому нормальному» уровню, существовавшему до кризиса. Цены на энерго-ресурсы и сырьевые товары продолжают расти, поскольку их предложение не сможет

удовлетворить спрос со стороны развивающихся рынков. В этих условиях возобновляется рост занятости, во многих странах будет наблюдаться снижение безработицы. До 80% прироста занятости будет приходиться на Китай, Индию и другие развивающиеся страны двадцатки. В развитых странах ожидается политика стимулирования старших возрастных групп населения оставаться в составе рабочей силы как можно дольше, а также стимулирование занятости женщин и частично занятых.

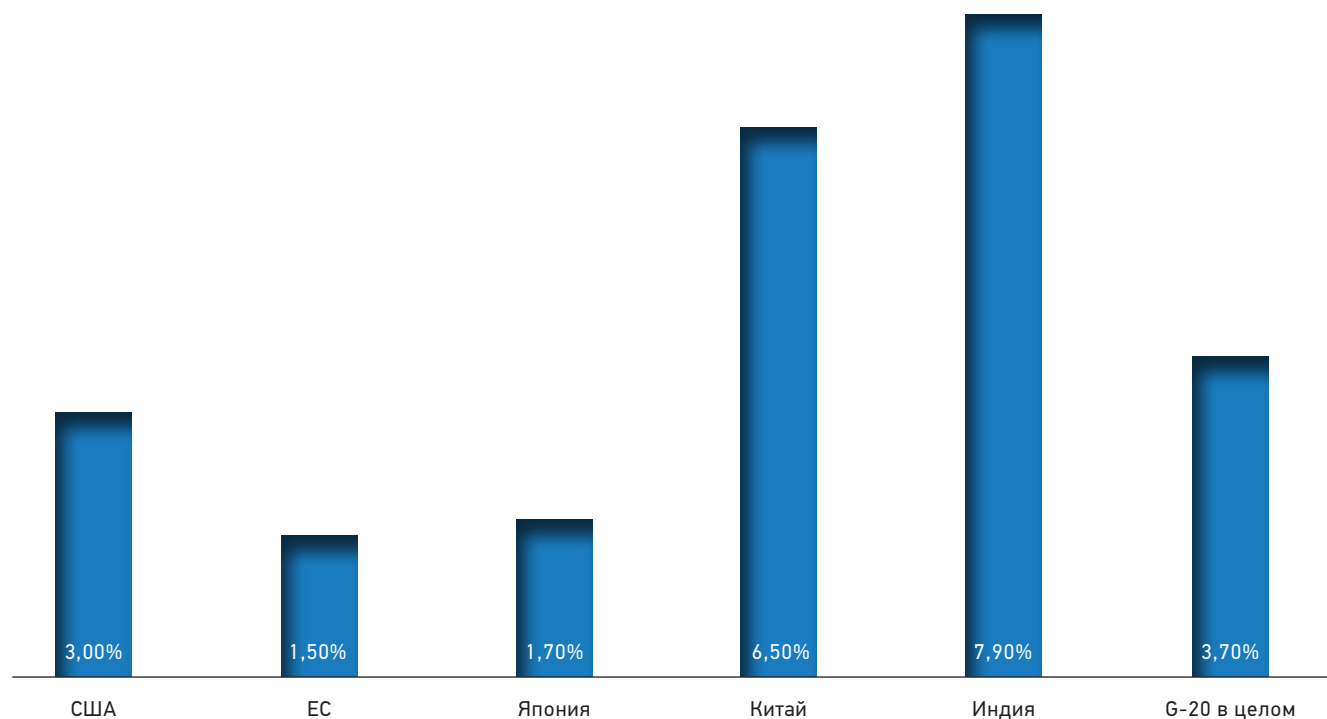

Рис. 2. Темпы роста стран G-20 при сценарии 1

Источник: Shifting tides: Global Economic scenarios for 2015-2025. McKinsey&Company, September 2015.

Сценарий 2. Дивергенция при высоких темпах роста. Это второй сценарий с высокими темпами роста, который, однако, предусматривает неравномерное развитие различных стран. Темпы роста мировой экономики составят 3,2% в год в течение следующих десяти лет, что немного выше исторического (за последние 30 лет) уровня, и к 2025 г. объем мировой экономики должен достигнуть 88 трлн долл. (рис. 3).

При этом сценарии для США, Китая и Индии будут характерны достаточно высокие темпы экономического роста, в то время как в странах еврозоны и в Японии они ожидаются около 1% в год. Неравномерность экономического развития осложнит достижение согласия по международной защите инвестиций, интеллектуальной собственности и вопросу о сельскохозяйственных субсидиях. В результате темпы роста международной торговли замедлятся и составят 25% ВВП.

Отсутствие координации в решении структурных и финансовых проблем, а также в проведении монетарной политики может привести к нарушению функционирования

кредитных каналов и финансовых потоков. В этих условиях инвесторы будут стараться искать более выгодные и быстрые вложения, что добавит ощущение волатильности рынков и их неустойчивости.

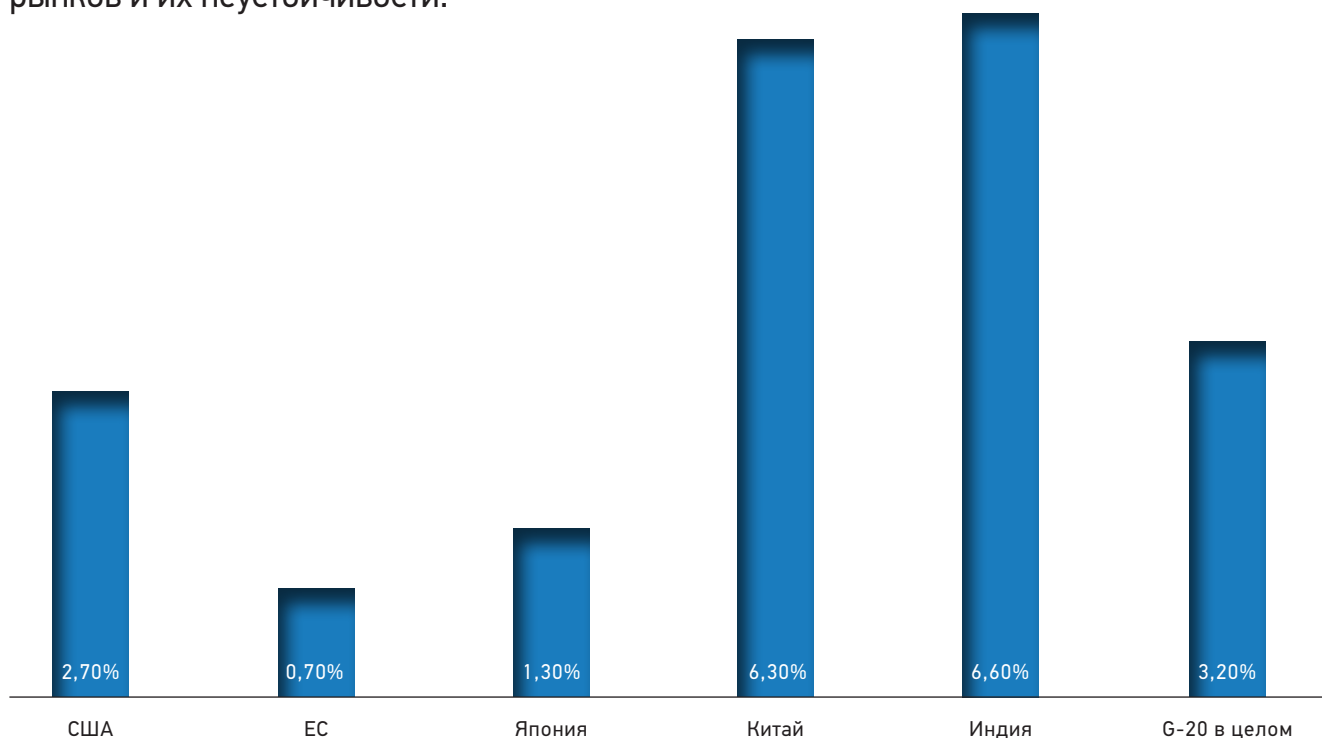

Рис. 3. Темпы роста стран G-20 при сценарии 2

Источник: Shifting tides: Global Economic scenarios for 2015-2025. McKinsey&Company, September 2015.

Сценарий 3. Глобальное замедление. Этот сценарий предполагает общее замедление развития мировой экономики до 2,9% в год, что несколько ниже исторического уровня прошедших тридцати лет (рис. 4).

Этот рост будет особенно зависеть от динамики развивающихся рынков. К концу 2025 г. объем мировой экономики может достигнуть 86 трлн долл. в ценах 2015 г. При этом структурные проблемы в большинстве своем останутся нерешенными. Китаю удастся частично избежать «жесткой посадки», и его доля в мировом ВВП составит 23%.

Сценарий 4. Региональные кризисы, дивергенция и медленный рост. При этом сценарии экономический рост затухает, и мировой ВВП оказывается к 2025 г. на 11 трлн долл. ниже, чем при оптимистическом сценарии 1 (рис. 5).

Развитие региональных кризисов связано с теми странами, где структурные реформы приостанавливаются, а совокупный спрос, особенно в развитых странах, не выходит на устойчивую траекторию. Реальные процентные ставки остаются в негативной зоне, однако волатильность рынка и его неопределенность ограничивают инвестиционный рост. Общий объем инвестиций в основной капитал стран двадцатки при этом сценарии едва составит половину от уровня благоприятного первого сценария.

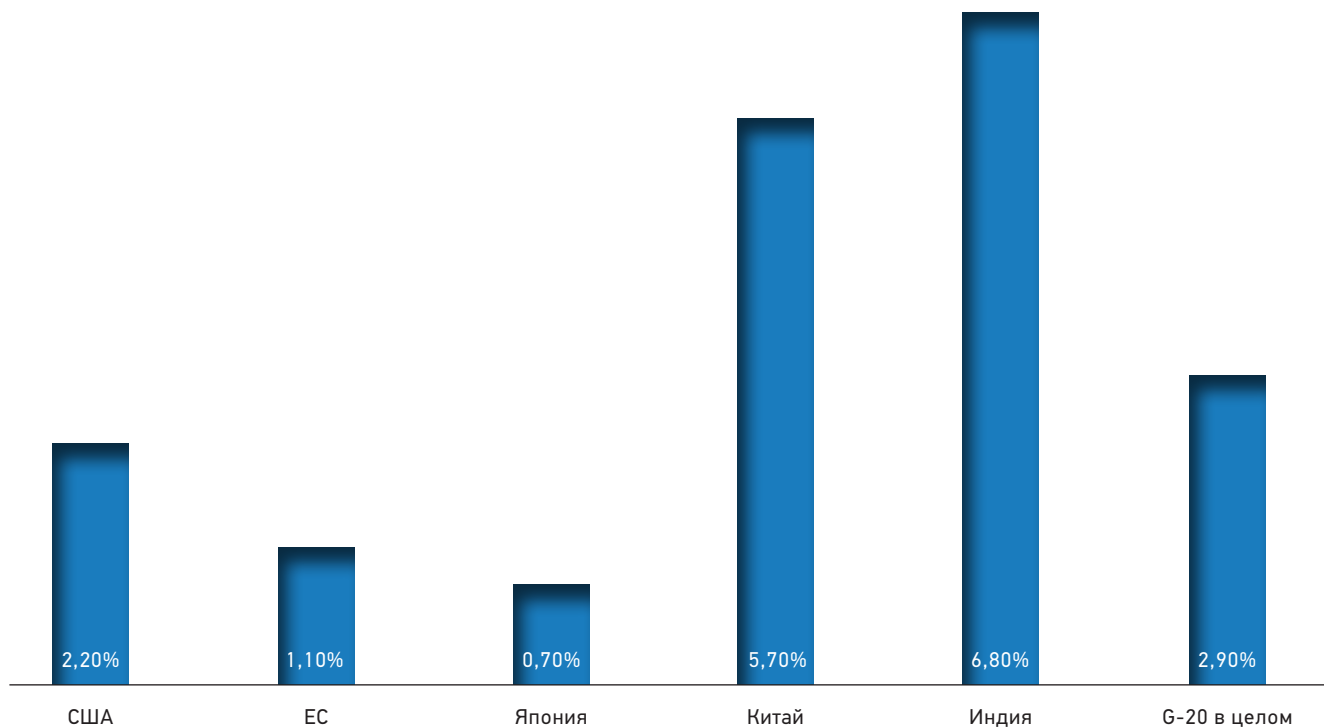

Рис. 4. Темпы роста стран G-20 при сценарии 3

Источник: Shifting tides: Global Economic scenarios for 2015-2025. McKinsey&Company, September 2015.

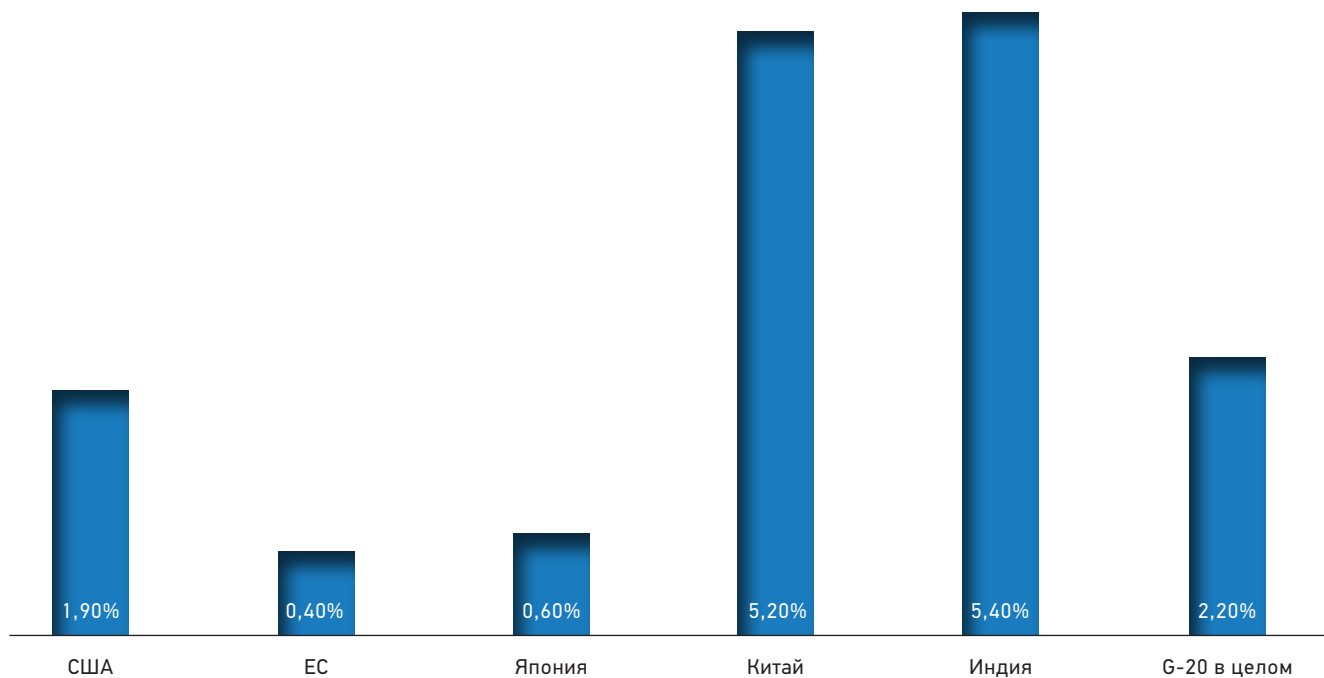

Рис. 5. Темпы роста стран G-20 при сценарии 4

Источник: Shifting tides: Global Economic scenarios for 2015-2025. McKinsey&Company, September 2015

При недостатке стимулов инвестиции компаний в НИОКР и инновации стагнируют и ограничиваются лишь небольшой группой стран. Диффузия технологий также замедляется с замедлением экономического роста. Расширяются прямые и косвенные ограничения на слияния и поглощения, ужесточается регулирование международной торговли. В результате доля экспорта в ВВП стран G-20 увеличивается лишь немного — с 25 до 29%. Замедляется рост занятости, в странах двадцатки добавляется на 60 млн новых рабочих мест меньше, чем при наиболее оптимистичном сценарии. Как и в 1980-е годы, наблюдается избыточное предложение нефти на глобальном рынке, что удерживает мировые цены на нее на стабильно низком уровне достаточно длительное время.

При этом сценарии мировая экономика остается в наибольшей степени подвержена экономическим шокам, особенно со стороны финансовой системы.

В долгосрочной перспективе на глобальную экономику, по мнению экспертов компании McKinsey, будут оказывать влияние три взаимосвязанных между собой фактора: совокупный спрос, структурные проблемы и дивергенция моделей экономического роста. Политика стимулирования совокупного спроса будет связана с достижением устойчивой макроэкономической стабильности в условиях неопределенности и неустойчивости сырьевых цен. К долгосрочным структурным вызовам мировой экономики относятся растущие долговые обязательства, старение населения и неудовлетворительное состояние инфраструктуры. Наконец, в последние годы выявилась тенденция расхождения путей и моделей экономического развития различных стран. В прошлом процесс глобальной интеграции приводил к конвергенции в этой области. Теперь же перспективы дальнейшей интеграции становятся менее определенными.

Большая часть экономического роста последних десятилетий была обусловлена ростом населения и, соответственно, рабочей силы. Оценки экспертов The Economist Intelligence Unit говорят о резком замедлении прироста населения: с 1,3% в 1991–2000 гг. до 0,9% в 2011–2018 гг. и до 0,25% в 2041–2050 гг. Сокращение темпов роста населения в трудоспособном возрасте ожидается еще более значительным: до 0,15% по сравнению с 1,7% в 1991–2000 гг. и 0,8% в 2011–2018 гг. (рис. 6).

В большинстве стран Европы и Восточной Азии будет наблюдаться сокращение численности рабочей силы, что явится серьезным сдерживающим фактором экономического роста. Наиболее заметной эта тенденция будет в Японии, где численность рабочей силы может сократиться с 66 млн чел. в 2014 г. до 47 млн чел. в 2050 г. (рис. 7).

Китай и Южная Корея потеряют 17–18% своей рабочей силы. В Германии численность рабочей силы сократится с 45 до 35 млн чел., в Португалии — с 5,2 до 4,2 млн, в Греции — с 4,8 до 3,8 млн. В развивающихся странах Европы (за исключением Казахстана и Турции) будет наблюдаться та же тенденция: рабочая сила сократится в диапазоне 20–30% (в наибольшей степени — на Украине).

В этой связи в будущем между странами обострится конкуренция за привлечение ограниченных глобальных источников рабочей силы, что выразится не только в рас-

Рис. 6. Темпы прироста численности населения, в том числе в работоспособном возрасте, в 1991–2050 гг., %

Источник: Long-term macroeconomic forecasts. Key trends to 2050. The Economist Intelligence Unit, 2015.

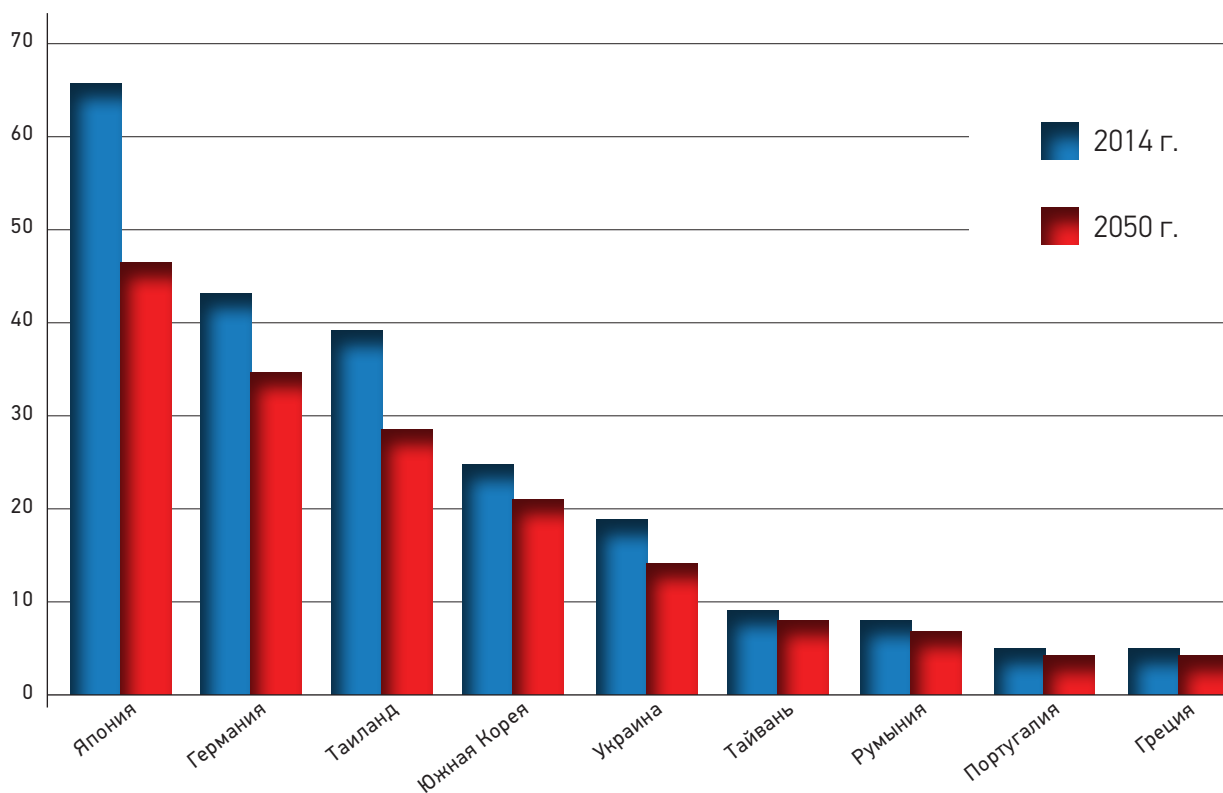

Рис. 7. Ожидаемое наибольшее снижение численности рабочей силы в ряде стран мира, млн чел.

Источник: Long-term macroeconomic forecasts. Key trends to 2050. The Economist Intelligence Unit, 2015.

ширении участия в производстве ранее незадействованных слоев населения, но и в более активной иммиграционной политике.

В последние 50 лет демографический бум обеспечивал ежегодный рост глобального ВВП на уровне 1,8% [Global Growth...]. Теперь действие этого фактора развития подходит к концу. По оценкам компании McKinsey, снижение темпов прироста мирового ВВП с 2015 до 2050 г. составит 40%, а ВВП на душу населения — на 20%. Это снижение ожидается неравномерным по разным странам. Среди развитых стран наибольшее сокращение темпов ожидается в Канаде и Германии. Среди развивающихся в зоне риска находятся Саудовская Аравия, Бразилия и Россия (таблица 3).

Таблица 3

Потенциальное изменение темпов прироста ВВП с 2015 до 2050 г., %

Развитые страны		Развивающиеся страны	
Великобритания	-10	Нигерия	+7
Франция	-18	Турция	-23
США	-34	Индия	-27
Япония	-36	Южная Африка	-30
Италия	-36	Китай	-30
Австралия	-36	Индонезия	-32
Южная Корея	-39	Аргентина	-37
Германия	-52	Бразилия	-60
Канада	-53	Россия	-60
		Саудовская Аравия	-73

Составлено: Where to look for global growth. McKinsey Quarterly, January 2015.

Единственная возможность предотвратить негативные последствия торможения мировой экономики связана в перспективе с повышением производительности, способной поддержать экономический рост и выполнить поставленные цели по сокращению бедности в развивающихся странах и выполнению социальных обязательств в развитых.

Эксперты компании McKinsey оценили потенциал повышения производительности в нескольких отраслях глобальной экономики, таких как сельское хозяйство, пищевая промышленность, автомобилестроение, розничная торговля и здравоохранение. Большая часть таких возможностей принадлежит развивающимся странам (рис. 8).

Сельское хозяйство. Производительность труда в сельском хозяйстве, на которое приходится только 4% всех занятых в развитых странах и до 40% в развивающихся, может вырасти к 2025 г. в два раза. Наибольшие возможности механизации производства существуют, разумеется, в развивающихся странах, где, по оценкам ООН, доля ручного труда при выращивании зерновых культур составляет 30–40%. В развитых странах, где существуют более крупные хозяйства, более высокий уровень механизации и длительная практика использования удобрений, гербицидов и пестицидов, по-

вышение производительности связано с внедрением передовых технологий, высокоточных прецизионных датчиков и спутниковых данных для повышения урожайности культур.

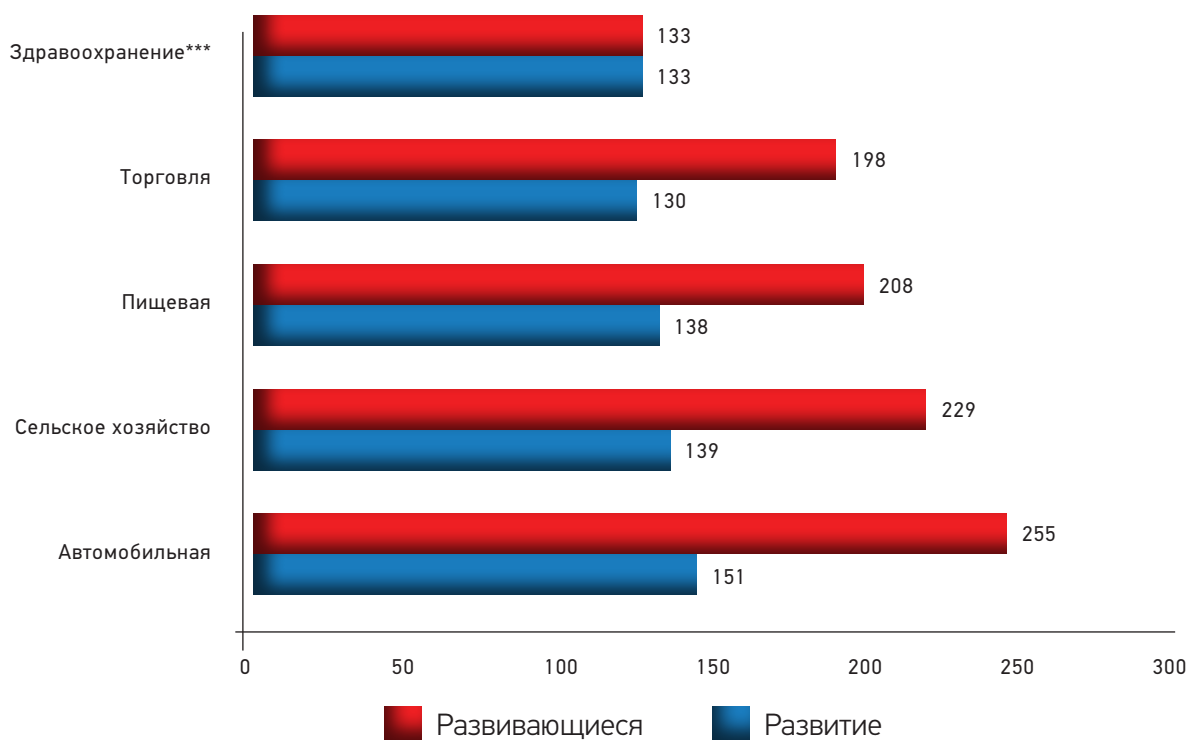

Рис. 8. Потенциал роста индекса производительности в отраслях мировой экономики к 2025 г.* (базовый год** – 100)

* Расчеты для Бразилии, Китая, Германии, Индии, Японии, России, Великобритании и США.

** 2015 г.

*** По здравоохранению отдельных данных для развитых и развивающихся стран нет. Оценки базируются на показателях возможностей сокращения издержек предоставления услуг того же качества и в тех же объемах, что и в базовом периоде.

Составлено: Where to look for global growth. McKinsey Quarterly, January 2015.

Пищевая промышленность. В глобальной пищевой промышленности уровень производительности на 20% выше, чем в среднем по мировой экономике; однако здесь существуют значительные межстрановые различия. В этой отрасли производительность может вырасти на 60% — прежде всего в развивающихся странах, за счет совершенствования производственного процесса: бережливого подхода, укрупнения мощностей, использования эффекта масштаба.

Автомобильная промышленность. В этой отрасли производительность на 95% выше, чем в целом по миру. Здесь также фиксируются значительные различия между странами, связанные с эффективностью работы поставщиков компонентов второго и третьего уровней. Так, в Индии уровень производительности в автомобилестроении

составляет менее 30% от американского уровня. По оценкам McKinsey, производительность в этой отрасли к 2025 г. (по сравнению с 2015 г.) может вырасти на 90%. Наибольший рост ожидается в Китае и Индии, где уже трудится 40% всех автомобильных специалистов мира.

Розничная торговля. В большинстве стран на долю розничной торговли приходится от 5 до 12% всех занятых в экономике. Уровень производительности в этой отрасли на 30% ниже, чем в среднем по другим отраслям глобальной экономики. Кроме того, в этой отрасли существуют значительные различия между развитыми и развивающимися странами, а также между странами с одинаковым уровнем ВВП. Возможности повышения производительности здесь связаны с тремя направлениями: повышением удельного веса наиболее производительных форматов торговли, сокращением разрыва между наименее и наиболее производительными торговыми точками в одном и том же формате, дальнейшим повышением эффективности наиболее производительных единиц за счет использования новых технологий.

Здравоохранение. Расходы на здравоохранение достигают 10% ВВП в странах ОЭСР и в среднем 6% в четырех ведущих развивающихся странах — Бразилии, Китае, Индии и России. Эти расходы растут более высокими темпами, чем глобальный ВВП. По оценкам McKinsey, к 2025 г. страны имеют возможность сократить издержки в этой сфере на 25% без снижения качества и своевременности предоставления медицинских услуг. Это осуществимо за счет использования лучших практик оказания помощи и снабжения лекарствами, снижения числа клинически неэффективных процедур, развития инновационных моделей предоставления медицинской помощи (вне больниц, с использованием новых цифровых технологий и т.п.).

По показателю номинального ВВП Китай обгонит США уже в 2026 г. Индия, как ожидается, поднимется с 9-го на 3-е место в мире, ее темпы экономического роста составят в среднем около 5% в год. В десятку ведущих стран мира войдут также Индонезия (переместившись с 16-го на 4-е место) и Мексика (с 15-го на 8-е место). Позиции же Японии и стран Западной Европы будут постепенно ослабевать. Япония опустится с 3-го места на 5-е, Германия — с 4-го на 6-е, Великобритания — с 5-го на 9-е, Франция — с 6-го на 10-е, Италия же может вообще не войти в десятку ведущих стран мира (рис. 9).

Рассмотренные в статье тенденции и сценарии развития исходят из того, что ведущие экономики мира стоят перед серьезными структурными проблемами. Урбанизация и старение населения сдвигают экономическое развитие в сторону развивающихся стран. Остается неопределенность с будущим международной торговли и информационных потоков, определяющих перспективы тех или иных отраслей экономики. Волатильность и шоки являются неперенным атрибутом современной мировой экономики. Так, повышение процентных ставок в США привело к резкому росту доходности американских облигаций и оттоку инвестиций с развивающихся рынков. По оценкам Мирового банка, в результате этого финансовые потери развивающихся стран в пересчете на ВВП составили сотни миллиардов долларов. Понимание подобных шоков и успеш-

ное противостояние им на национальном и глобальном уровнях позволяет принимать более эффективные решения о вхождении на рынки, новых инвестициях, в конечном итоге — обеспечивать более устойчивый экономический рост.

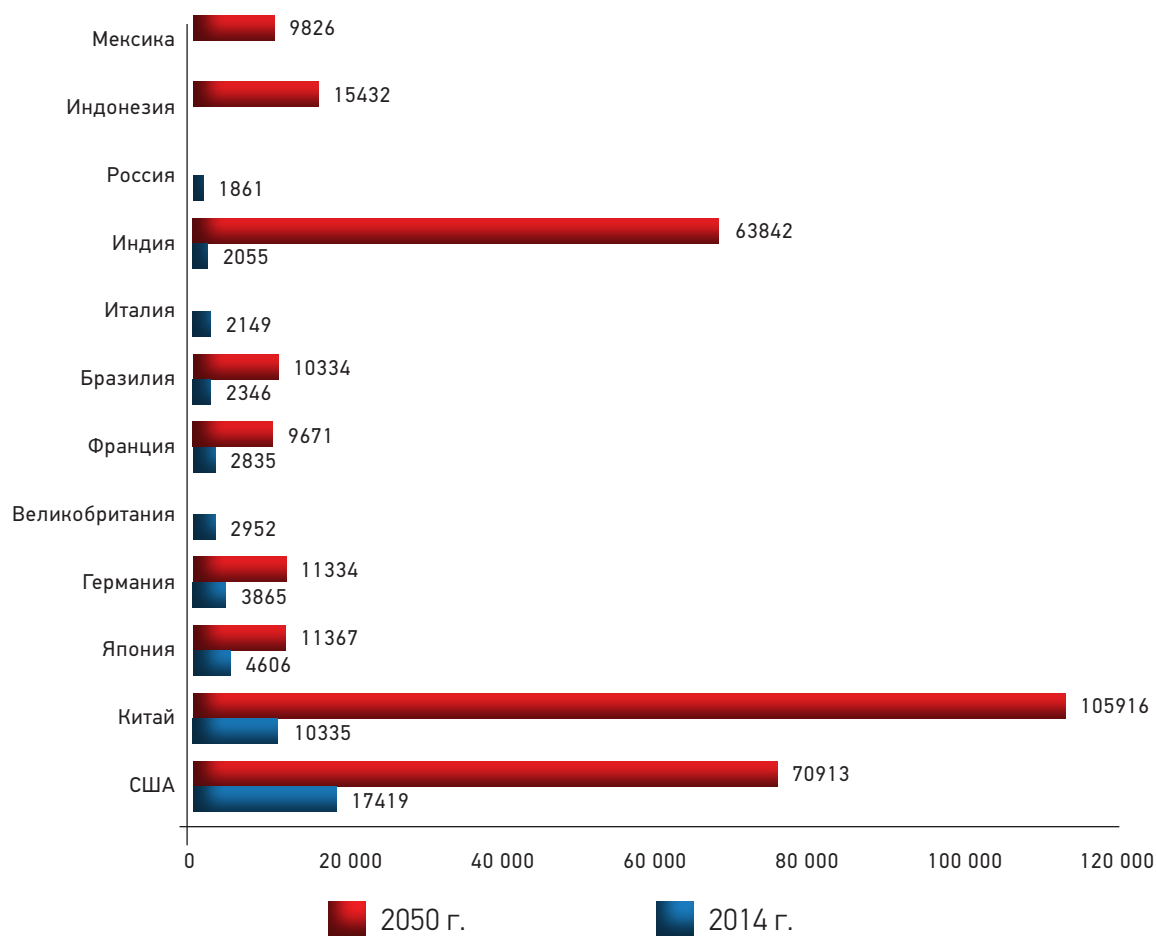

Рис. 9. Ведущие экономики мира по номинальной стоимости ВВП, млрд долл.

Источник: Long-term macroeconomic forecasts. Key trends to 2050. The Economist Intelligence Unit, 2015.

Литература

Кондратьев В. Конец глобализации, или к новому капитализму // Перспективы. Электронный журнал. 2017. №2(10). — URL: http://perspektivy.info/upload/iblock/541/2_2017_2.pdf (date of access: 03.10.2018).

ФРС США повысила базовую ставку до 2–2,25% годовых // РИА Новости. 26.09.2018. — URL: ria.ru/economy/20180926/1529421223.html (date of access: 03/10/2018).

Debt and (not much) deleveraging. McKinsey Global Institute, February 2015 // McKinsey & Company. — URL: mckinsey.com/featured-insights/employment-and-growth/debt-and-not-much-deleveraging (date of access: 03.10.2018).

Dobbs R., Manijka J., Woetzel J. No Ordinary Disruption: The Four Global Forces Breaking All the Trends. N.Y. 2015

Enriquez L., Smit S., Ablett J. Shifting tides: Global Economic scenarios for 2015–2025 // McKinsey & Company, September 2015. — URL: mckinsey.com/business-functions/strategy-

- and-corporate-finance/our-insights/shifting-tides-global-economic-scenarios-for-2015–25 (date of access: 03.10.2018).
- Global Growth: Can productivity save the day in an aging world? McKinsey Global Institute 2015. — URL: assets.mckinsey.com/~media/B07C74E1DE934BB7AD8C1E5263C6B2F8.ashx (date of access: 03.10.2018).
- Long-term macroeconomic forecasts. Key trends to 2050 // The Economist Intelligence Unit. 2015. — URL: espas.secure.europarl.europa.eu/orbis/sites/default/files/generated/document/en/Long-termMacroeconomicForecasts_KeyTrends.pdf (date of access: 03.10.2018).
- Regional economic outlook: Middle East and Central Asia. International Monetary Fund. 2015. — URL: imf.org/external/pubs/ft/reo/2015/mcd/eng/pdf/mreo1015.pdf (date of access: 03.10.2018).
- Where to look for global growth // McKinsey&Company. January 2015. — URL: mckinsey.com/featured-insights/employment-and-growth/where-to-look-for-global-growth (date of access: 03.10.2018).
- World Economic Outlook July 2018 // International Monetary Fund. Wash. D.C. — URL: imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2018/07/02/world-economic-outlook-update-july-2018 (date of access: 03.10.2018).

Authors

Petr ISKENDEROV — *Leading Researcher, Institute of Slavic Studies, RAS; Editor in Chief of «Voprosy Istorii»; Ph.D. in History; iskenderov.petr@yandex.ru.*

Vladimir KONDRATEV — *Head of the Center for Industrial and Investment Studies, Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), RAS; Full Professor, Doctor of Economics; v.b.kondr@imemo.ru.*

Anton KRUTIKOV — *Historian, Research and Information Project “Western Russia” (Minsk, Belarus); bialyorzel1000@gmail.com.*

Elena LOPATINA — *Leading Researcher, Institute of Slavic Studies, RAS; Ph.D. in History; ellolebo@gmail.com.*

Igor MAKSIMYCHEV — *Chief Researcher, Institute of Europe, RAS; Doctor of Political Sciences; igorfedmax@yandex.com.*

Natalia NAROCHNITSKAYA — *President of the Foundation for Historical Outlook; Doctor of History; nn@stoletie.ru.*

Petr YAKOVLEV — *Head of the Center for Iberian Studies, Institute of Latin America, RAS; Professor, Plekhanov Russian University of Economics; Doctor of Economics; petr.p.yakovlev@yandex.ru.*

Emil VORACHEK — *Leading Researcher, The Institute of History, CAS (Prague, Czech Republic); Doctor of Philosophy; Doctor of History; evoracek@seznam.cz.*

Petr ISKENDEROV**BALKAN ALLIES OF RUSSIA (LATE 19 – EARLY 20 CENTURY)**

Abstract. *In the late 19 — early 20 centuries, the Balkan allies, although they enjoyed the support of Russia, often acted in conflict with its policies, competing and conflicting with each other. Relations with St. Petersburg were complicated not only by the actions of Russia's geopolitical rivals, but also by the instability of the Balkan domestic political context, changes in attitudes and orientations of the Balkan elites. An analysis of the successes and failures of the Russian diplomacy of that time allows us to outline the directions of Russia's actions in the Balkans today. One of the main mechanisms of its strategy should be to work with a wide range of domestic political forces in the Balkan countries, not excluding the opposition.*

Keywords. *Balkans, Russian policy in the Balkans, Russia and the Balkans, domestic policy of the Balkans, foreign policy of the Balkans, Balkan Slavs, Balkan allies, diplomacy.*

Vladimir KONDRATEV**PROSPECTS FOR GLOBAL GROWTH**

Abstract. *Economic developments in the world are becoming more and more complex and global in their effects. Traditional economic and financial tools are often not enough to help economies recover from downturns. Many countries are facing structural challenges. Shocks are inevitable in market economy, yet, it is important to analyze the consequences of the measures taken, to understand what's the medium and long term perspectives are. Strategic decisions have become most significant.*

Keywords: *world economy, economic forecasts, medium and long-term prospects, basic factors of economic development.*

Anton KRUTIKOV**THE PHENOMENON OF JOZEF PILSUDSKI AND THE POLISH INDEPENDENCE CENTENARY**

Abstract. *The personality of Jozef Pilsudski is the most recognizable symbol associated with Poland's independence restoration. The Polish state's history in the 20th century was greatly influenced by the marshal's legend and his political legacy. Attempts to use Pilsudski's ideas and his name in today's politics have become a subject of controversy among both politicians and historians, giving rise to conflicts. Yet, despite diverging views, the main hero of Polish patriotic myth remains, for the majority of Poles, an important component of national identity.*

Keywords: *Jozef Pilsudski, Poland, Polish Independence, historical memory, national identity.*

Elena LOPATINA**RUSSIFICATION AS AN INSTRUMENT OF INTEGRATION POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE (ON THE EXAMPLE OF PRIVISLINSKY KRAI)**

Abstract. *The article is devoted to the Russification policy pursued in the 1880s — 1890s by the government of Alexander III. The focus is on Vistula Land (Privislinsky krai), where Russification was carried out under Joseph Gurko, Governor-General of Poland and commander of the Warsaw military district, and Alexander Apuhtine, who served as trustee of the Warsaw school district. The author concludes that the policy of unification and Russification on the Polish lands was in fact situational and sporadic, while on paper, in official documents it appeared to be a coherent system of measures.*

Keywords: *Vistula Land, Russification, unification, policy of the Russian Empire.*

Igor MAKSIMYCHEV**THE END OF MERKEL'S EUROPE? ON THE UPCOMING END OF A POLITICAL CAREER**

Abstract. *The author analyzes Angela Merkel's political biography, key priorities and legacy. Both in domestic and international affairs, the results of Merkel's era appear to be contradictory. The position of Germany as informal EU leader brings not only benefits, and its image in the eyes of partners is deteriorating. Germany's place in world politics and the nature of its relations with Russia have become bitter issues.*

Keywords: *Angela Merkel, Merkel era, German politics, German foreign policy, German leadership, German-Russian relations.*

Natalia NAROCHNITSKAYA**KURIL ISLANDS DISPUTE: POLITICAL, HISTORICAL AND LAW PARAMETERS**

Abstract. *The article presents the Kuril Islands issue and dispute in contemporary Russia–Japan relations in a vast historical, legal and geopolitical context. The attention is drawn to mostly ignored legal implications of full and unconditional surrender, depriving Japan of sovereignty and making any reference to former status of islands irrelevant. The US role in concluding the Treaties of Portsmouth, San Francisco and the Soviet–Japanese Declaration of 1956 is highlighted. American pressure on Japan at all crucial stages, US military presence on the Japanese territory, the 200-mile economic zone under UN Convention on the Law of the Sea constitute inter alia a fundamental change of circumstances making provisions of the Soviet–Japanese Declaration of 1956 inapplicable on rebus sic stantibus basis. As there has never been a peace treaty with Germany the imperative of one with Japan seems dubious.*

Keywords: *surrender of Japan, loss of sovereignty, Soviet–Japanese Joint Declaration of 1956, article 2 of the Treaty of San Francisco.*

Petr YAKOVLEV**WORLD DEVELOPMENT: APOCALYPSE NOW OR GLOBALIZATION 4.0?**

Abstract. *The world approached the year 2019 burdened by a dangerous accumulation of political, financial and economic risks. Slowdown of growth, confrontation and resurging protectionist practices, sanctions and counter sanctions, over-indebtedness and environmental threats, military and diplomatic tensions in Europe and Asia — all have been perceived as a rollback of globalization. A total chaos is looming to replace previous world order, which, although far from ideal, has been at least manageable. The Buenos Aires G20 summit designed to tackle today's problems left too many challenges and discords without answer. The new concept of "Globalization-4.0" might seem a viable alternative to the neoliberal globalization pattern.*

Keywords: *world economy, specter of a global crisis, G-20, global economic and political challenges, threat of trade wars, globalization 4.0.*

Emil VORACHEK**THE CZECH CRISIS OF 1938. "ONLY THE USSR HAS ... CLEAN HANDS"**

Abstract. *The article explores one of the most important aspects of the Munich crisis — the position of the USSR and Soviet actions and opportunities as Czechoslovakia's ally. A wide range of archive documents, many of which first introduced, analysis of latest research display step by step and from various angles the aggravating crisis and Moscow's behavior at every stage. Particular attention is given to previously unknown diplomatic correspondence, allowing to reveal motivations of main actors and to detail diplomatic games played by states and the Soviet response.*

Keywords: *Munich crisis, Czechoslovak crisis of 1938, Munich agreement, Edvard Benesh, USSR foreign policy, Czechoslovak-Soviet Treaty of Alliance.*

Научный сетевой журнал

«Перспективы. Электронный журнал»

2018

№ 4 (16)

(октябрь — декабрь)

E-journal «Perspectives and prospects»

2018

№ 4 (16)

(October — December)

journal.perspektivy.info

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-61061 от 5 марта 2015 г.

Дизайн обложки Ирина Гортинская

Дизайн-макет Ирина Гортинская

Техническое редактирование и компьютерная верстка Ирина Гортинская

Фонд исторической перспективы

Центр исследований и аналитики

127051, Москва, ул. Долгоруковская, д. 33, стр. 2

тел./факс: +7(495)789 80 87